

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

И ОПЯТЬ ПОЖАРСКИЙ

К Н И Г А # 2

Андрей Готлибович Шопперт
И опять Пожарский 2
Серия «И опять Пожарский», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68824662
2023

Аннотация

Приключения ГГ продолжаются. Нужно пробовать силы.
Время торопит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	46
Глава 3	122
Глава 4	180
Глава 5	223
Глава 6	264
Глава 7	303
Глава 8	342

Андрей Шопперт

И опять Пожарский 2

Глава 1

Событие первое

Пётр Дмитриевич Пожарский лежал на топчане и получал удовольствие от массажа. Делала его Айсу – одна из выкупленных у казаков турчанок. Когда девушки освоили более-менее русский язык, то смогли и имена свои перевести. Айсу – лунный свет. Берку – душистая. Марты – чайка. Весной, попав в терем к Пожарскому, девушки из всех умений обладали только одним – наряжаться. Ну, нет. Свои восточные танцы эти гейши танцевали от души и делали это не плохо. А ещё Марты умела делать помаду. Агафья, ключница Петра Дмитриевича и единственная служанка, пока её князь Пожарский с собой в Москву не забрал, научила девушек стряпать и варить пельмени, делать котлеты и варить борщ. Вот с таким багажом Пётр их и принял второго октября, когда вернулся из своего вояжа на Урал камень. Хорошо хоть уезжая, Агафья наказала Коровину, вершиловскому старосте, приставить к девчонкам бабку, чтобы она их готовить учила, и говорить по-русски. Бабка Матрена, попав в терем, порядок завела строгий, уборки еженедельные, по-

мывка в бане и шитьё русской одежды (девкам на приданое). Разговаривали турчанки уже сносно. Из первого же разговора Пётр узнал, что он им теперь муж и хозяин. Вот не было печали.

Княжич научил их делать массаж. Лучше всего он получался у Айсу, руки у неё были покрепче. Сейчас Пётр Дмитриевич, после парилки и бассейна, лежал в массажном салоне банного комплекса и вспоминал последние три с небольшим месяца. Завтра Рождество. Уже 1620 год начался.

Все три месяца был аврал. Начался он с того, что с иностранцами просчитались. Уезжая, княжич поручил Вацлаву Крчмару построить четыре терема для ожидаемых знаменитостей. Пётр ждал четверых: Питера Рубенса, Иоганна Кеплера, Галилео Галилея и Симона Майра. На самом деле прибыло гораздо больше. Не приехал пока Галилей, ничего подождём. Зато были те, кого и не звали, но поговорив с господами, Пожарский обрадовался. Экие зубры привалили, как их в письме царь батюшка обозвал. Прибыл Симон Стивен, Пётр сразу озадачил товарища постройкой ветряных мельниц и проектированием водяных. Меха на десятках печей в ножную сжимать, так себе удовольствие. Ещё приехал известный доктор, ученик самого Амбруаза Паре. Доктором с точки зрения современной медицины он был никаким. Но ежедневные вечерние беседы с Петром и дневные занятия с вершиловскими травницами через означенные три месяца сделали из врача – вредителя, с его кровопускани-

ями, лучшего в современном мире доктора. Вернее не так. Вот лето пройдёт, освоит ван Бодль практическую фитотерапию, научится правильно заготавливать лекарственные растения, да ещё продолжит выпытывать у Петра полузабытые случайные знания по современной медицине, и тогда осенью он точно будет настолько выше своих сокурсников по университету в Падуе, который здесь считается лучшим, что они просто перестанут друг друга понимать.

Второй доктор, или ученик доктора, рижский немец Генрих Тамм, как ниточка за иголкой ходил за ван Бодлем и учился тому же. Но голландец был ведь ещё и хирург, и стоматолог и акушер. Ничего, пусть учится, два доктора это гораздо больше, чем один.

С Рубенсом приехали два ученика. Ну, это, наверное, их так сам Рубенс по привычке называет. Генерал Афанасьев знал этих художников по картинам в Эрмитаже. Якоб Йорданс и Франс Снейдерс уступали Рубенсу в известности, но не в мастерстве.

Иоганн Кеплер тоже притащил с собой через всю Европу ученика и помощника Якова Барча. Афанасий Иванович про этого Барча помнил только одно, он должен будет жениться на старшей дочери Кеплера. Ну, поживём, увидим, на что этот господин способен.

Получалось, что теремов нужно девять, а имелось четыре. В них поселили Антуана ван Бодля, Иоганна Кеплера, Симона Майра и Симона Стивена. Рубенса, приехавшего

на один день раньше Петра, староста Коровин поселил временно в терем Пожарского. Остальные пока разместились в обычных домах. Их тоже построили два десятка по приказу Петра перед отъездом.

Теперь срочно строилось шесть теремов. Один Пётр решил отдать пану Янеку Заброжскому. С построенными уже теремами для Лукаша Донича, Онисима Зотова, Вацлава Крчмара, Петера Шваба, Василия Полуярова и Трофима Шарутина получался целый коттеджный посёлок из шестнадцати теремов. Они стояли в небольшом отдалении от самого Вершилова, чуть западнее на опушке леса. Деревья при строительстве по максимуму сохранили и теперь терема в окружении заснеженных сосен смотрелись очень живописно. Две недели убили на авральную стройку шести теремов. Надо отдать иностранному специалисту должное, поворчав немного, особенно Рубенс, они с энтузиазмом включились в строительство собственного жилья и изрядно мешали профессионалам. Зато заняты были.

С домами было ещё хуже. Даже сосчитать необходимое количество и то с первого раза не получалось, всё время кого ни будь забывали. Приехало сорок стрельцов. Пётр их не ждал и не просил, но обрадовался. Он даже сделал больше. Как только в Вершилово приехал воевода Фёдор Фёдорович Пронин, он уговорил оставить на постоянно в Вершилово и те два десятка, что обучались у ляха в отсутствие княжича. Новоиспечённый князь добро помнил и на такую

ерунду махнул рукой:

– Забирай, конечно, только я на выучку через месяцок ещё два десятка пришлю. По рукам?

Теперь в Вершилово была размещена настоящая стрелецкая сотня, и даже сотник уже был, причём вполне обстрелянный – Иван Малинин.

Итого, только на стрельцов понадобилось шестьдесят домов. Плюс десять домов на немецких наёмников, что притащил с собой Рубенс. У Петра были планы на небольшую войнушку в 1621 году и иностранцы ему там нужны были обязательно. Он заключил с наёмниками пятилетний контракт и чтобы товарищей покрепче привязать, построил им дома и начал искать среди нижегородских «немцев» у кого там дочки на выданье. Получалось уже семьдесят домов.

Рубенс привёз с собой семь учеников помоложе, им тоже дома строились и подыскивались красивые дочки местных крестьян, начнут как прислуга, а там, глядишь, дело молодое и детки пойдут. Кроме учеников было три подмастерья по приготовлению красок. Ещё три дома. Уже восемьдесят. У самого Рубенса было двое слуг. Ещё два дома, и слуга Кеплера Лухан Вайс. Ещё дом. Для трёх натурщиц, что голландский живописец привёз с собой, построили один дом, общежитие. Итого восемьдесят четыре. Один дом нужен купленному Пожарским ногайскому лучнику Бебезяку. Ему ещё и жену нужно будет найти. Вогульскую девчонку пока поселили с монашками, научить её языку и ги-

гиене, да и с домашними животными обращаться. Девочка, в общем, была не глупая и к концу похода уже лопотала порусски сносно. Правда вот, уже была на четвёртом месяце непонятно от кого. Ну, дело житейское. Вторую купленную вогулку венгр Бартос Каропа забрал с собой в Нижний, язык учить. Деньги ему княжич обещанные выплатил, но сказал, что если он за зиму не освоит язык предков, то в следующую поездку Пётр его не возьмёт. Дела в коммерции у венгра были совсем швах, и он просился на тех же условиях поучаствовать в походе на Урал камень и в следующий год.

Оставался ещё резчик по дереву Сидор Щегол из Казани. Восемьдесят шестой дом. Стоп, ещё ведь литейщики. Иван Самсонов, да два женатых сына – это три дома. И его бригада из пяти семейных мужиков, ещё пять домов. В итоге получается – девяносто четыре дома. По одному дому получали стрельцы, что сопровождали Шульгина в Тобольск. Иван Зайков, да Тимоха Вторых согласились пере­квалифицироваться из конвоиров бывшего воеводы Шульгина в охранников, управляющего городом Миасс Никиту Михайловича Шульгу. Ну и самому новому управляющему где-то жить до весны надо. Получалось девяносто семь домов. Пётр Дмитриевич округлил, и строители взялись за восемьдесят домов. Двадцать-то успели построить за лето. Вот до самого Рождества этот аврал и расхлёбывали. Днём и ночью топоры стучали. И ведь успели. Три дня назад последнее новоселье справили. Все устали и переехавшие, по уг-

лам скитаться и строители, опять нагнанные со всей губернии, и жители с вечным стуком топоров и руганью строителей на смеси всех европейских языков с Великим.

Событие второе

Антуан ван Бодль целый месяц путешествовал по Московии, прежде чем добрался, наконец, до Вершилова. Он проезжал грязные деревянные городки с кривыми улочками, он пробыл несколько дней в самой Москве с её такими же деревянными домишками ушедшими по крышу в землю и с теми же самыми кривыми улочками. Его обманули. Нет никакого Вершилова, думал голландский доктор. Нет этих самых «ворот рая». Есть ещё более отсталая страна, чем большая часть Европы. Есть дикая варварская Московия. Зачем он приехал сюда? Ну, попадись ему сейчас этот дерзкий мальчишка маркиз Пожарский. Он ему уши накрутит.

Изменения начались сразу после очередного городка с кривыми улочками – Нижнего Новгорода. Вдруг из обычной дороги с ямами и колеёй, из которой колесу просто не выбраться, они выехали на замечательную дорогу.

Дорога была широкой. Она была ровной, ни колеи, ни ям, ни ухабов. Она была засыпана мелким зеленоватым гравием и утрамбована. Они с Симоном Стивенсом вышли из кареты, что им предоставили в Москве и прошли по ней пешком несколько шагов. Да, ничего подобного в Европе не было. Там были, конечно, кое-где остатки римских дорог, но ес-

ли честно, ехать в карете по брусчатке удовольствие, то ещё. Здесь же карета просто скользила по идеально ровной поверхности. Ямщик, видно из местных, видя удивление иноземцев, осклабился и что-то сказал по-русски, а потом пригласил господ назад в карету жестом и, взмахнув кнутом, погнал лошадей, рысью, запев весёлую, судя по тону, песню.

Через час они въехали в Вершилово. На входе не было обычных рогаток. Зато были два огромных оскаленных медведя, вставших в полный рост. Медведи были выполнены столь мастерски, что их впотьмах можно принять и за живых. Дальше вдоль широкой улицы, засыпанной тем же зеленоватым щебнем шли ровные ряды одинаковых домов под красивыми черепичными крышами. Это были ещё не городские дома того же Антверпена, но уже ближе к цивилизации. А может дальше. На улице не было лошадиного навоза, не было отбросов жизнедеятельности человека, не бегали куры и собаки, не воняло помоями и фекалиями. К ним не бросились за милостыней убогие и мальчишки. На них вообще не обратили внимания. Едут себе и пусть едут.

Так они добрались до большой квадратной площади. И опять, это не было площадью Гроте Марк Антверпена, но это тоже было красиво. Прямо впереди был храм, нет, конечно, ему было далеко до Собора Девы Марии его родного Антверпена, но ... Храм был красив своей азиатской красотой. Стоящим по бокам площади двухэтажным домам было тоже далеко до Городской ратуши, но ... Эти два кирпичных

дома близнеца из цветного кирпича под черепичными крышами были зданиями, за которые цеплялся взгляд.

Они окликнули мальчишку, что с деловым видом проходил мимо них, и попытались спросить про маркиза Пожарского, важный недоросль вопроса понятно не понял, но указал рукой дальше по дороге. Они проехали ещё по одной улице с ровными домами и выехали на вторую площадь. И вот тут уже стало понятно, что здесь трудится мастер не хуже тех, что построили лучшие здания Антверпена. Дорога упиралась в огромный собор. Он был ещё не достроен. Только начали закрывать крышу, ещё не было русских луковок куполов, но здание впечатляло. Оно было из кирпича. И его не собирались штукатурить.

Кирпичи были сложены в странный узор, который и не просматривался с первого взгляда, да и со второго тоже. Просто чувствовалось, что порядок есть, только ты его не дорос ещё узреть. В нескольких местах прямо по наружной стене шла чудесная по красоте мозаика. На одной Иоанн Креститель крестил Иисуса. На другой была Богоматерь с младенцем Иисусом на руках. Над рядом верхних окон была ростовая мозаика Иисуса с летающими вокруг белыми голубями. Это был сильный ход, сделать мозаику не внутри, а снаружи собора. Отсталая варварская Европа ещё до такого приёма не доросла. Стоящий рядом с открытым ртом Симон, вытер рукавом набежавшие слёзы и тихо проговорил:

– Только ради этого стоило ехать.

По бокам площади опять строились два одинаковых здания. Их только начали, вывели несколько рядов кирпича. Здания были огромны, не меньше их Городской ратуши. С противоположной от храма стороны площади тоже начали строить большое кирпичное здание, но тоже успели выложить лишь первые ряды кирпича.

К ним подошёл человек и спросил что-то по-русски. Они не поняли и в ответ спросили по-немецки про маркиза Пожарского. Тогда человек перешёл на немецкий.

– Меня зовут Вацлав Крчмар, я управляющий Петра Дмитриевича по строительству. Что вам угодно, господа? – управляющий галантно поклонился.

Они представились и объяснили, зачем приехали в Вершилово.

– К сожалению, княжич ещё не вернулся с экспедиции на Урал камень. Давайте я отведу вас к местному старосте, а он покажет вам приготовленные для вас терема и подберёт прислугу. Хотя, придётся пока побыть при вас переводчиком, – ещё раз поклонился управляющий.

Староста быстро организовал их доставку в стоящую чуть поодаль часть Вершилова и поинтересовался через Вацлава, про семьи и прислугу. Пришлось объяснять, что они приехали одни, а жён вызовут письмами позже.

– А эти молодые люди тоже преподавать в школу приехали, – староста указал на Тамма и сбежавшую из дома девушку

Тубе.

– Нет. Он хочет учиться медицине здесь в Вершилово, – пояснил за растерявшихся молодожёнов (из обвенчали в Москве в немецкой слободе) ван Бодль.

– Может, их тогда пока в обычный дом поселить, а как Пётр Дмитриевич вернётся, так он решит, куда этого ученика девать, – предложил Крчмар.

Их поселили с сыном в огромные дома в два этажа с десятком комнат и несколькими печами. Пришла девушка и звероватого вида мужик. Девушка подала ван Бодлю и его сыну хлеб с маслом и кувшин молока, и стала возиться у печи, что-то готовя. А её спутник принялся затапливать печи. Печи были совершенно незнакомой конструкции, и управляющему пришлось показывать, как ими пользоваться. Потом он подозрительно оглядел отца и сына и махнул рукой.

– Пока Олеська и Тит с вами поживут, а то вы или замёрзнете или угорите.

Вот именно в этот момент Антуан и понял, что он попал к «воротам рая». Он один из лучших медиков Европы был беспросветно неграмотен в обращении со сложными отопительными приборами. Он был варвар.

Как, оказывается, замечательно быть варваром.

Событие третье

Генрих Тамм был безмерно счастлив. Во-первых, он был с Изольдой. Они любили друг друга и уже только поэтому

были счастливы, ведь они были вместе. Когда же Изольда по-
дружила с турчанками маркиза Пожарского и те научили
её сначала готовить десятки вкуснейших блюд, про которые
и не слыхивали в Риге, а потом и индийской науке «Камасут-
ре», то жизнь Генриха превратилась в недостижимую мечту
любого европейца. Немного напрягало Генриха, что Изоль-
да всё чаще вместе с турчанками пропадает в православном
храме. У них там и хоровое пение, и кружок «кройки и ши-
тья» и курсы «санитарок». Зачем ей учиться на «санитарку»
если он сам доктор?

Какой он доктор, да и не только он, но и его гораздо более
старший товарищ, герр ван Бодль, Генрих понял во время
первого разговора с маркизом Пожарским. Случился он че-
рез неделю после возвращения Петра Дмитриевича с Урала.

– Господа, народу с вами приехало много и народ этот мо-
жет оказаться большим. Ну, это полбеда. Беда если они и нас
перезаражают. Я говорю не про чуму и оспу, а про венери-
ческие заболевания. Вам надлежит обследовать всех прие-
хавших на предмет, не болеют ли они сифилисом или гонореей.
Обе эти болезни передаются половым путём и обе вы-
званы теми самыми мелкими зверями, что увидел в «микро-
скоп» герр Майр. К сожалению лекарств пока не существует.
Поэтому придётся отправить больных домой, если они обна-
ружатся. Гонорея – это не самопроизвольное истечение се-
мени, а просто выделяется гной при попытке организма бо-
роться с этими самыми зверями.

Они тогда обследовали всех прибывших с Рубенсом и наёмников и натурщиц и учеников и слуг. К счастью этих болезней ни у кого не оказалось.

Второй разговор касался мозга.

– Мозг, – начал Пожарский совсем не тот орган, как его представляют в отсталой Европе. Он не выделяет ядовитой жидкости, чтобы отравлять кости.

– Об этом есть у известного врача Гийома де Байю, он называет ревматизм следствием поражения всего организма, – вступился за Европу ван Бодль.

– Просто запомните, что все практически болезни вызваны зверями, ревматизм это воспаление, которое вызывается теми же зверями, что и при простуде. Он и есть следствие простуды. Но есть ещё и отложение солей в суставах. Это уже совсем другая болезнь и про неё поговорим позже. Теперь же давайте вернёмся к мозгу.

Пётр Дмитриевич оглядел докторов, сморщился и начал:

– Очень тяжело вам объяснять. Вы не знаете основных понятий. Ладно, начнём так. Вот летит утка, а на земле стоит охотник и целится в утку из лука. Что ему нужно учесть? Скорость, с которой передвигается утка, Тогда нужно стрелять не прямо по утке, а чуть впереди неё. Нужно ещё учесть направление ветра и сделать поправку на неё. Нужно учесть влажность воздуха, ведь от этого зависит натяжение тетивы. Нужно просчитать с какой силой потребуется натянуть лук, чтобы стрела долетела и поразила утку. И ещё десятки вся-

ких нюансов. Вот этими всеми расчётами и занимается мозг, а потом отдаёт команду мышцам руки и спины. Это – работа мозга, а не выделение соплей. Сопли выделяет совсем другой орган. Кроме того мозг отвечает за память. То есть те знания, которые приобретает человек, хранятся в головном мозге. Например, опытному охотнику гораздо легче поразить ту же утку, чем новичку, потому, что он уже пробо-вал это делать и запомнил, как не надо поступать. Ещё мозг обрабатывает информацию, которую получает от глаз, носа, рта, пальцев, кожи вообще. Всю информацию обрабатывает и запоминает мозг. Нужную он хранит на ближайших полочках, не нужную тоже хранит, но подальше, а вдруг пригодится. Мозг не забывает ничего. Надо только уметь вытащить это воспоминание. Мозг заставляет биться сердце и дышать лёгкие, заставляет ноги ходить, а живущих в организме полезных зверей бороться с вредными пришельцами.

Пётр Дмитриевич говорил ещё долго. Они с ван Бодлем устали запоминать и удивляться. Потом маркиз отправил их по домам и сказал, чтобы они приходили каждый вечер, а он будет отвечать на их вопросы.

– Но откуда вы всё это знаете, господин маркиз? – поинтересовался голландский доктор, – И правда ли это?

– Я в детстве в Кремле в Москве нашёл книгу по медицине. Она называлась «Медицинская энциклопедия Атлантов». Я её прочитал и кое-что запомнил. К сожалению, я не смогу её вам показать она сгорела при пожаре, – развёл

руками на невысказанный вопрос ван Бодля Пожарский.

– Атлантов? Но ведь атланты жили где-то в Средиземном море, по словам Платона? – усомнился старый доктор.

– Платон ошибался. Атланты жили в Сибири за Урал камнем. Там есть огромное как море озеро. Оно называется Байкал. Сейчас там казаки находят разные их вещицы, мне удалось купить у одного казака несколько монет. Вот посмотрите, – и княжич протянул им монеты.

Генрих Тамм не видел ничего похожего. Это были произведения искусства. Даже ювелир в Европе не способен сделать хотя бы одну такую. Монеты были разного достоинства. Надписи и цифры были на непонятном языке. Маркиз объяснил, что их с трудом, но можно прочесть по-русски. Золотая монета – это один атлант, а серебряные это 10, 5 и 1 пиксель. Золотая монета была украшена изображением мужской головы с синим сапфиром вместо глаза. На монете в 10 пикселей была ветка рябины, и ягоды были сделаны из необычно огранённых рубинов. 5 пиксельная монета была чуть поменьше и на реверсе были колокольчики тоже с лепестками из чудесным образом огранённых синих сапфиров, чуть более светлого оттенка. Самая маленькая монета в один пиксель была с ромашкой на реверсе, и сердцевина ромашки была из жёлтого цитрина. Монеты были не новые. Видно было, что ими пользовались. Они были чуть затёрты, и даже несколько царапин было. Но от этого они смотрелись только дороже. Что же за цивилизация могла расплачиваться за по-

купки такими монетами? Если монета называется «атлант», то это и впрямь монеты легендарных атлантов. Но как они попали в Сибирь? Так далеко от средиземноморья.

– Русские пришли сюда откуда-то с востока, – пояснил маркиз Пожарский, – Может русские и есть потомки атлантов?

Какие же придурки эти русские, думал Генрих Тамм, не уберечь такую замечательную книгу. Хорошо хоть маркиз немного запомнил.

Все беседы с Пожарским проходили по вечерам у него дома, а днём доктора учились у травниц. Эти две пожилые крестьянки знали о лекарственных растениях гораздо больше, чем ван Бодль, и просто в тысячу раз больше чем Генрих.

А ведь ещё ему выпало счастье сидеть на уроках Кеплера и Майра в школе. Учиться рисовать у самого Рубенса и изучать математику и геометрию у Симона Стивена. Ну и что, что рядом сидят дети. Учиться с детьми не стыдно.

Стыдно не учиться!

Событие четвёртое

Лукаш Донич смотрел на рисунки, принесённые Петром Пожарским, и не понимал. Как? Как он придумывает всё это? На этот раз княжич принёс эскизы серёг. Их было пять разновидностей. Все пять были с камнями разного цвета. Но форма серёг была одна. В золотую розеточку вставлялся огранённый камень, потом шла петелька, к которой при-

креплялся листочек чуть вогнутый внутрь и с загнутым острым кончиком. Листочек тоже был золотым, но с лицевой стороны был покрашен краской того же цвета, что и камень, а потом залакирован. Таких совершенных серёжек ювелиру видеть не доводилось. Но вид был не главным, главным был шарнирный замок, который не позволял серьгам выпасть и потеряться, но легко расстёгивался, если потянуть за скобку вниз (английский замок). Это был шедевр ювелирной мысли. Сейчас серьги просто вешались на изогнутую проволочку (дужку) и легко слетали, да ещё и мешались эти свисающие дужки.

– Эти замки могут принести целое состояние в Европе. Там так делать не умеют, – сообщил Лукаш Пожарскому, когда перестал восторгаться.

– Лукаш, а сколько сейчас у тебя человек работает? – улыбнулся княжич.

– Двадцать человек, но в основном это только ученики. Они только перья и умеют делать, – посетовал ювелир.

– Ну, ты не прибедняйся. У тебя самая большая мастерская в России, а может и во всём мире, – хлопнул его по плечу Пётр.

– Это так, но я всё равно не успеваю сделать все заказы.

– У тебя остались знакомые в Праге или других городах? Напиши им письма, пусть они приезжают. Опиши, как вы работаете, сколько у вас заказов. Про Рубенса напиши и вообще про Вершилово. Всем сразу дом построю, а если за-

служит, то и терем. Там сейчас война и она будет идти ещё очень долго. А у нас здесь войны не будет больше никогда. Напиши.

– Я уже думал над этим, но мне-то от этого какая польза? – кивнул Лукаш.

– Давай так. Им, если это мастера, а не подмастерья, 50 процентов прибыли. Тебе 25 и мне 25. Думаю, это будет справедливо, – предложил Пожарский.

– Хорошо, я напишу письма в Прагу и переговорю с другими иноземцами, с тем же Рубенсом и Кеплером, может они кого подскажут, – обрадовался ювелир.

– Теперь, смотри дальше, Лукаш. Это я хочу послать в подарок жене князя Владимира Тимофеевича Долгорукова и его четырём дочерям. Но одной из дочерей, старшей, Марии надо в этом, же стиле сделать большой комплект. Нужно два кольца, на безымянный палец и на мизинец. Это будут зелёные комплекты, в цвет глаз. Ещё в комплект должны входить браслет в этом же стиле и цепочка с кулоном. Сможем? Нужна помощь Рубенса? – остановился княжич.

– Да, уж, не помешает, – покрутил в растерянности головой Дониц.

– И самое главное, украшение на голову. Это индийское украшение. По пробору на голове идёт цепочка, а к ней прицеплен такой же кулончик, как и серёжка только немного побольше. Понятно?

– Сколько же будет стоить такой комплект. На него можно

купить маленький город, – упал на стул ювелир сражённый невероятностью замысла.

– Лукаш. У нас с тобой столько денег, что двести рублей больше или двести рублей меньше не повод для паники, – засмеялся княжич, – Можешь такой же сделать и своей жене, – разрешил он.

– Потом к ней нужно будет приставлять десяток стрелцов, – пошутил Лукаш.

– Ну, смотри. Твоё дело. У тебя золото с камнями ещё остались? – спросил вдруг княжич.

– Почти всё ушло на ручки, – подтвердил опасение Пожарского ювелир.

– Ладно, я собираюсь в одно место. Заодно и золотом с камнями там разживусь. Но я пришёл не только из-за украшений. Умеет моя турчанка Марты (Марфушка) делать губную помаду. Я её немного усовершенствовал и теперь она выглядит вот так, – Пётр показал ювелиру ярко-красный заточенный вверху с одной стороны до половины цилиндрик, – его нужно вставить в вот такой футлярчик, – ещё один листок с эскизом лёг перед ювелиром.

Лукаш внимательно посмотрел. Сначала нужно было снять колпачок. А потом цилиндрик помады можно было вывернуть вверх, покрутив отдельную часть снизу. Соединялась верхняя и нижняя части с помощью своеобразного винта. Опять гениальное изобретение.

– Как сделаешь, вставь туда помаду и подари жене, – пред-

ложил княжич, – а мне нужны тысячи таких футлярчиков из разных металлов. Для богатых и для очень богатых.

Княжич ушёл. Лукаш Донич перебирал эскизы и соображал, сколько же нужно ювелиров пригласить из Европы. Сотню.

Событие пятое

Еврейские ювелиры опять пришли вместе. Якоб Буксбаум и Барак Бенцион появились на второй день после того, как княжич вернулся из вояжа за очередной захоронкой атамана Ивана Сокола в селе Мстера. В само село Пётр и уехавшие с ним Иван Пырьев и пан Янек не заглянули, зачем зря светиться. Выкопали одну из оставшихся захоронок, нагрузили две телеги и на полной скорости назад. За восемь дней обернулись. Вот на второй день после возвращения к Петру и явились два ювелира. Привезли они с собой почти двести тысяч рублей. Его долю от продажи ручек в Европе. Ещё два воза драгметаллов.

– Мы рады, что заключили с тобой договор господин маркиз, – начал Буксбаум, – Перьевая ручка – это золотое дно, прибыль не уменьшится ещё несколько лет.

– Рад слышать, – нейтрально отреагировал Пётр, он-то понимал, что сейчас начнётся на самом деле то, зачем эти господа явились.

– Господин маркиз, мы бы хотели поселиться в Вершилово, – вот оно.

– Сколько вас? – опять пока нейтрально спросил Пожарский.

– Шесть семей.

– Хорошо. Есть несколько условий. Первое. Все жители Вершилова отдают в общественный фонд десять процентов от прибыли.

– Десять процентов от четырёмсот тысяч, что мы заработали в этом году это огромные деньги. На это можно купить целый город, – ужаснулся Бенцион.

– Второе. Вы должны построить в Вершилово каменную синагогу и это должна быть самая большая и красивая синагога в мире, – не услышал их Пётр.

– Я не ослышался. Мы можем построить в Вершилово синагогу, – не поверил своим ушам Буксбаум.

– Ослышались вы, господа. Вы не «можете» построить, а «должны» построить. И это должна быть самая красивая в мире синагога. Лучшие архитекторы, итальянский белый мрамор, лучшие резчики по камню. Условие только одно, она должна быть немного ниже того храма, что я сейчас строю, поправил «бедняг» княжич.

– Но Государь запрещает и патриарх ..., – начал было Буксбаум.

– Вам ведь будет не просто найти всех этих мастеров и материалы, но вы если захотите, то сделаете. Вот и я если захочу, то добуду у царя разрешение на строительство. Хоть мне будет и не легко, – перебил его Пожарский.

– Такое строительство будет стоить огромных денег и хотелось бы сначала увидеть разрешение, – улыбнулся печально Бенцион.

– Это принимается, – согласился княжич, – Ещё одно условие. Мне нужно, чтобы вы купили или достали другим путём несколько растений. Их семена. Все эти растения выходцы с Нового Света. Вот рисунки этих растений и их семян, – Пётр протянул давно уже заготовленные для передачи именно этим господам рисунки картошки, подсолнечника, помидоров, баклажанов, перца, фасоли, тыквы, кукурузы и топинамбура.

Ювелиры долго рассматривали рисунки. Княжич постарался, привлёк к рисованию и иконописцев и голландцев.

– Хорошо. Мы постараемся достать семена и клубни этих растений, думаю, нужно это искать в Испании и Португалии, – наконец отвлёкся от созерцания живописи Буксбаум.

– Ещё одно условие, – Пётр достал чернильницу непроливайку, – вот такие штуки нужно начать делать по всей Европе, особенно в Испании, Португалии, Франции, Нидерландах и Англии. Это чернильница непроливайка. Думаю, моряки за это дело ухватятся. Вот эскизы из разных металлов и различной стоимости, Пётр продемонстрировал, что чернила действительно не проливаются и отдал ошалевшим ювелирам листки с эскизами.

Евреи долго крутили и вертели чернильницу, совали туда пальцы, перемазались все в чернилах, но были довольны,

как кот, добравшийся до ведра сметаны.

– Эта чернильница чудо. Не обвинят ли нас в колдовстве, – наконец закончил игры Бенцион.

– Продавайте через церковь, – предложил княжич.

Евреи синхронно улыбнулись.

– Условия те же. Мои сорок пять процентов, – поубавил их радость княжич.

– Конечно, господин маркиз, – это, несомненно, справедливо. А, можно тогда чтобы семей было больше шести?

– Если среди фамилий будет Ротшильд, то пусть будет двадцать семей.

– А какой именно Ротшильд вас интересует?

Про Ротшильдов, самых главных богатеев и врагов России, Пётр вспомнил только сейчас, и думал, что династия уже существует. Значит, ещё нет. Что он про них знает, что они откуда-то из Германии потом переберутся в Австрию. Пусть будет Германия.

– Немецкий, – наобум брякнул Пётр.

– Нет проблем, мы найдём Ротшильдов в немецких землях.

– Ещё мне нужна постоянная поставка кофе и какао бобов. Кофе из Турции и какао бобы из Нового Света. Здесь я буду из этого делать несколько вещей, а вы будете продавать это в Европе. Это принесёт денег не меньше ручек, – успокоил закативших глаза ювелиров Пётр.

– Да и последнее условие, дома должны быть точно та-

кие же, как и у меня или у Рубенса, или у Кеплера. И строите их за свои деньги. Место вам завтра покажет Вацлав Крчмар.

Ювелиры ушли, соображая, кто кого облапошил. Но непроливайка-то лежала в кармане у Буксбаума.

Событие шестое

Пётр Дмитриевич Пожарский забрал у Лукаша Донича неделю назад заказанные приспособления и вызвал к себе старосту Коровина.

– Игнатий, мне нужна семья чтобы ещё одну «переделку» освоить. Семья должна быть многодетной и желательно, чтобы было несколько девочек от двенадцати до восемнадцати лет. Есть такие?

– Как же не быть, князь батюшка. Вот Матвейка Лыков, у него четыре девки и ни одного пацана. Девкам троим как раз столько, сколько тебе, кормилиц, и надо, – быстро отреагировал Коровин.

Княжич его давно оценил, может, как крестьянин, Игнатий был и не в первой десятке, зато организатор, таких поискать. Вон без Петра спокойно порядок в Вершилово поддерживал. На дорогах чистота, все собаки повыведены. Уборщики с дорог даже пылинки сдувают. Ни одного попрошайки или пьяного. Не Вершилово, а уголок коммунизма.

– Пойдём, ходим к ним. Дома он сейчас?

– Знамо дело дома, вечерняя дойка идёт, – обнадёжил староста.

Семья Лыковых была дома. Жена и старшая дочь, девица на выданье только что закончили дойку и Лыков собирался везти ведро молока Дуняше Фоминой. Похолодало, и та всюю уже делала разные сорта масла.

– Здравствуйте хозяева, – поприветствовал взрослых и высыпавших из дома девок Пётр.

– Здрав будь, князь батюшка, многое тебе лета, – откликнулся Матвей, женский хор вторил ему.

– Как у вас с кормами на зиму, дотянете до лета, – начал издалека княжич.

– Так с помощью твоей косы, князь батюшка, столько сена накопили, что и на телёночка хватит, прикупить одного хотим, – обрадовался знакомой теме хозяин.

– А с хлебом как? – продолжил Пётр Дмитриевич.

– С озимыми не очень, – признался Лыков, – сам пять, зато с яровой ржи просто беда какой урожай, сам двадцать два набрали, даже не влезло всё в ригу, спаси тебя Христос от любой беды, кормилиц ты наш. Теперь и озимую рожь посеяли из полуяровки.

– Из чего? – не понял княжич.

– Это мы так про себя рожь теперь обзываем, – хмыкнул Матвей, – агроном твой Василий Полуяров нам семена выделил, вот мы её полуяровкой и обозвали.

– За полуяровкой яровой уже сейчас очередь до Нижнего выстроилась, вся губерния хочет на семена купить. Но я пока запретил, – добавил от себя Коровин.

– Ладно. Раз у тебя Матвей всё хорошо, то хочу я тебе «переработку» одну дать. Зови в дом.

Пётр поинтересовался, есть ли у хозяйки мука и яйца, всё нашлось. Соль и льняное масло Пётр на всякий случай принёс с собой.

– Хозяйка замешай тесто. Нужно три яйца, одна большая ложка масла и вот такая кринка муки, он указал на стоящую, на столе деревянную чашку.

Людмила Лыкова споро взялась за дело, и через пять минут тесто было готово.

– Теперь слепи шарик, обмажь маслом и положи в подпол, мышей, надеюсь, нет, мышеловками пользуетесь? – вспомнил Пётр.

– Появляются изредка, но мы снова тогда мышеловку строим, – успокоил Пожарского хозяин.

Пётр с первого дня в Вершилово устроил бой мышам, тараканам, клопам и вшам. Сейчас по истечении года и месяца всю эту нечисть практически удалось изжить. Пока разговаривали о косе и планах на урожай, прошло с полчаса.

– Так, теперь доставай хозяйка тесто и раскатывай, – Пётр вручил Людмиле специально заказанную у столяров скалку.

Когда тесто превратилось в блин, Пожарский взял изготовленные Лукашем ножи и стал вырубать из теста маленькие звёздочки. Потом взял второй нож и продолжил рубить, только теперь крестики, третий нож вырубал маленькие кружочки. Эту «переделку» бывший генерал вспомнил

из своей жизни, одно время в СССР появились такие макаронные изделия и они были нарасхват, почему не попробовать это сейчас.

Хозяйка меж тем уже вскипятила воду в казане и бросила туда принесённую Пожарским курицу. Когда курица закипела, в воду последовали звёздочки и другие макаронки.

– Как хозяйка думаешь, будут такую «переделку» покупать? – спросил княжич, когда все угостились куриным супчиком.

– Я князь батюшка ничего вкуснее в жизни не едала, – бухнулась на колени Людмила, а за ней и всё семейство.

– Всё вставайте. Вот вам пять рублей. Покупайте муку, да яйца, да масло и про соль не забудьте. И начинайте делать «макаронки». И вот ещё что, попробуйте добавлять в тесто свекольный сок или петрушку, или ещё чего, посоветуйтесь с травницами. Если будут получаться цветные, то делайте цветные. Потом мне покажите. Игнатий, а ты, как Лыковы наделают макароншек побольше, отвези в нашу лавку в Нижнем и пусть выставят на продажу, цену сильно не ломите, но и прибыль чтобы была.

– Век за тебя, кормилец, будем бога молить, – слышал уже в спину князь.

Ну, вот и ещё одна семья с бедностью должна распрощаться.

Событие седьмое

Виктор Шварцкопф командир десятка рейтар, что нанял Рубенс для своего сопровождения в Московию лежал в гамаке и размышлял.

Поразмышлять было над чем. Правильно ли он сделал, подписав пятилетний контракт с маркизом Пожарским? Условия, бесспорно, были очень хороши. Каждому рейтару в год полагалось по 10 дукатов золотом, плюс корм для коня и дом со всеми пристройками. Ему как командиру полагалось 15 дукатов. Кроме того, бесплатно выделялся порох и свинец для тренировочных стрельб. Таких щедрых предложений им ещё не поступало.

От них же требовалось «тренироваться», то есть совершенствовать своё воинское умение. Это разумное требование, согласился Виктор, когда подписывал договор. Ещё от них требовалось соблюдать порядки, установленные в Вершилово. Порядков было много и с первого взгляда многие были просто дурацкие, другие было очень не просто выполнять. Например, как объяснить его рейтарам, что здесь нет шлюх. Вообще нет. А трогать местных крестьянок нельзя. Хочешь иметь женщину – женись. Нельзя было напиваться и пить что-либо кроме местной браги, именуемой «медовуха». Нет, эта медовуха была приятным напитком, даже не хуже испанского или французского вина, но она была не крепче пива и напиться ею до свинского состояния нужно ещё умудриться. Пришлось подписать эти условия, уж больно хороши были деньги, да и дом.

Неприятности начались, через неделю после приезда маркиза. Он собрал рейтар и рассказал им, как они будут «тренироваться». Его бойцы возмутились. Они и без этих дурацких тренировок лучшие в Европе.

– Если двое из вас с боевыми мечами в пешем строю одолеют меня безоружного, то можете ничего не делать, просто пить и насиловать любых женщин в Вершилово. Вам ничего за это не будет. Если вы зарубите меня, то вам выплатят сто тысяч дукатов каждому и отпустят назад в Ригу. Но! Если я, обычный мальчишка, расправлюсь с двумя вашими лучшими воинами безоружный и при этом даже не поцарапаюсь, то вы поймёте, что вы не лучшие войны Европы, которыми себя считаете, а дети малые по сравнению с настоящими воинами и будете делать то, что вам скажут, чтобы стать на самом деле, нет, не лучшим, для этого вы уже слишком старые, но хотя бы, не самыми плохими. По рукам? – Пожарский протянул свою тонкую юношескую ручонку.

Его рейтары переглянулись. Усмехнулись. И выбрали Отто Кунца и Михеля Штанмайера для поединка. Весь поединок занял десять секунд, два его лучших бойца валялись на земле и скулили от боли, а маркиз отряхивал штаны от пыли. Он как-то крутнулся, кувыркнулся, ударил Отто в пах, а Михеля носком сапога в нос и стал отряхиваться, даже не сомневаясь, что продолжения не будет.

Вот с тех пор и начались тренировки. Они вместе со стрельцами, которые вернулись с маркизом из путеше-

ствия на Урал камень, пробежали две версты перед завтраком, затем отжимались и подтягивались. После этого их кормили кашей и давали час на отдых. Потом были стрелковые упражнения, они стреляли из пистолей и мушкетов по мишеням с разного расстояния. Щварцкопфу было стыдно смотреть на своих рейтар, а ведь он на самом деле собрал лучших. Стрельцы заряжали быстрее и попадали по мишеням точнее его воинов. Когда же ему продемонстрировали «конвейер», при котором стреляет один человек, а заряжают двое, Виктор окончательно убедился, что сразись его десяток в поле с десятком этих стрельцов и от его десятка останутся только лошади в виде заслуженных трофеев.

После обеда и сна (замечательная русская традиция) снова были тренировки. Их учили тем самым «казацким ухваткам», с помощью которых Пожарский и победил его бойцов. Потом был ужин и ещё одна тренировка, штурм «крепостной стены». Такой ритм был убийственный. Какие к дьяволу бабы и хмельное. Как бы доползти до постели и упасть на неё. Все мышцы болели. Его рейтары давно бы забили на эти «тренировки», но ... Рядом с ними всё это проделывали стрельцы, и всё делали гораздо лучше рейтар. Настолько лучше, что было ясно, что один, от силы два, стрельца в рукопашном бою легко порежут на сардельки его бойцов. Виктор собрал в один из вечеров своих и, избив скулящего Ганса Рихтера, сказал, что будет бить каждого, кто ещё выскажет недовольство.

– Мы должны руки целовать этому маркизу. Нас за деньги учат быть хорошими воинами. Тому, чему учат здесь, нельзя научиться нигде. Пётр Дмитриевич, сказал, что тело привыкнет к нагрузкам и перестанет болеть через пару недель. Нужно вытерпеть, вы ведь рейтары, а не бабы.

Так и произошло. Через месяц мышцы перестали болеть и тренировки уже не вызывали паники. Обычная нагрузка. А тут ещё появился футбол! Маркиз предложил сформировать из них команду «Рыси», но так как народу требовалось больше десяти, то к ним добавился сын голландского врача Томас ван Бодль и немецкий ученик доктора Генрих Тамм. А ещё, посмотрев на игру и тренировки, попросились и трое учеников Рубенса. Эти пятеро поначалу только мешали команде, они были не тренированы и быстро уставали. Пришлось брать их на утреннюю пробежку. Пожарский выделил «Рысям» «тренера», который учил немецко-голландский коллектив играть в футбол и включил их команду в «чемпионат» Вершилова.

В этом «чемпионате» кроме «рысей» играли ещё две команды стрельцов из Вершилова: «зубры» и «медведи», а также команда из соседнего города Нижний Новгород, которая называлась «росомахи». Это такой огромный соболь, просто огромный, больше собаки. Игры проводились по субботам и воскресеньям. Одна игра в день. «Стадион», где проводились игры, был с одной стороны огорожен холмом, на котором были установлены лавки для «болельщиков».

Всё Вершилово собиралось поболеть и мужчины и женщины и дети. И каждый «болел» за своих. Крик и гул стоял невообразимый.

Со стрельцами из Нижнего Новгорода приезжали их болельщики. А в последнее время, явно маркиза Пожарского происки, «поболеть» за рейтар приезжали «немцы» из немецкой слободы, причём всем семейством с очень аппетитными девицами на выданье. Некоторые из его людей уже свели знакомство с этими «болельщицами», в присутствии родителей, конечно. А что, пять лет ведь жить здесь, почему бы не завести семью. Рейтары теперь люди не бедные, да и домины им вон какие выстроены. И живут они, не где ни будь, а в Вершилово!

В футбол «рыси» пока проигрывали всем, но если раньше им забивали по десятку мячей, а они соперникам, ни одного, то сейчас уже часто «рыси» проигрывали всего один-два мяча. Ничего натренируются, подтянут форму голландцы и тогда посмотрим.

Размышлял Виктор Шварцкопф над тем, что и ему нужно жениться. Придётся завтра идти к Петеру Швабу, главному здешнему немцу (даже русское дворянство уже получил) и просить его поспособствовать в поисках невесты.

А в футбол они ещё всех обыграют, вон до «росомах» осталось совсем чуть-чуть.

Событие восьмое

Пётр Дмитриевич Пожарский бился над фарфором. Бился с переменным успехом почти с того дня, как вернулся с Урала. Позволил себе два дня отдыха и включился. Теорию он знал, не зря в ГДР на фарфоровом заводе год вкалывал. С практикой сложнее. Ладно. Начинать нужно с помола компонентов. Для начала нужно размолоть песок и полевой шпат, высушить каолиновую глину и тоже размолоть. Понятно, что таких мельниц ещё не существует, поэтому были заказаны кузнецам двадцать ступ и пестиков. По мере их изготовления пацаны от пятнадцати лет и до обзаведения собственным домом были посажены измельчать полевой шпат и самый белый песок, который нашёл Онисим Зотов.

Пока двадцать недорослей дробили компоненты, Пётр собрал гончаров и нарисовал им примерную чайную чашку. Чай на Руси был страшно дорог и до отдельных чайных чашек с блюдцами ещё время не дошло. Вот Пётр его и поторопил. Всем гончарам была дана команда, изготовить, что-то подобное рисунку, и чтобы как можно круглее и как можно тоньше стенки. Срок два дня, нужно два экземпляра. Получилось хреново. Нет, сами по себе чашки и блюдца были вполне, но до шедевров было далеко. Стенки разной толщины, а для фарфора это не годилось. Пришлось изобретать токарный станок, самый простенький деревянный и с ножным приводом.

Ушла неделя. Попробовали ободрать чашку, чтобы она

была идеальным кругом в сечении. Ещё неделя ушла. Наконец, были получены две чашки разных размеров и форм с одинаковой толщиной стенки.

Теперь нужно было изготовить гипсовые формы для заливки шликером. Природный гипс Зотов заготовил ещё летом, благо, где месторождения знали. Теперь его обожгли, измельчили и, помучившись пару дней, получили два десятка форм для заливки шликером обеих чашечек.

К этому времени и пацаны «намололи» ингредиентов. Смешали в нужных пропорциях: 65 процентов каолиновой глины, 15 процентов молотого кварца и 20 процентов полевого шпата. Дали смеси набухнуть пару дней и залили в формы. Выстояли ещё день и разобрали одну. Понятно с непривычки сломали. Следующую доставали аккуратней, но тоже сломали. Тогда Пётр вспомнил, что формы нужно было смазать маслом. Всё-таки две штуки удалось достать. Формы высушили, смазали маслом и снова залили шликером. Опять подождали и стали доставать. Ну, вот, теперь достали все. Так же намучались и с ручками. Наконец всё соединили и засунули в печь.

Теперь нужно обжечь при температуре 900–950 градусов. Вот только беда, как эти градусы поймать. Пётр помнил, что чугун начинает краснеть при 800 градусах. Вот на это и ориентировались. Обожгли. Достали. Расписали под гжель, привезённым из-под Москвы оксидом кобальта, и окунули в приготовленную глазурь и снова в печь. Теперь нужно об-

жечь до температуры 1320–1400 градусов. Пришлось звать на помощь печников и кузнецов из Нижнего. Оказывается, есть способ определять температуру, при помощи бороды. На каком расстоянии волоски на бороде начинают от печи закручиваться. Пётр объяснил товарищам, что нужна температура чуть меньше, чем белое каление стали. Ну, как-то обожгли с помощью своей бороды. Достали, охладили, посмотрели. Часть чашек потекла. Значит, чуть перестарались. Повторили опыт. Вот теперь получилось. Третий обжиг для закрепления краски провели при температуре 800 градусов.

Чашки достали и стали проверять на просвет. Вроде, свет проходит немного. Постучали ногтём. Тоже, вроде, звенит. Получилось, что ли? Голубые цветы прямо горели на белоснежном фарфоре. Потрескалось при втором обжиге и последующем остывании треть чашек и два блюда. Ничего, Пётр слышал, что в Китае, чтобы сделать одну вещь обжигают десять. У нас гораздо лучше.

Показали чашки с блюдами Рубенсу, как самому главному живописцу. Рубенс ошалел.

– Это из Китая? – не поверил голландец.

– Да, нет же, – повторил Пётр, – Это мы только что закончили. Вот тёплые ещё.

– Вы умеете делать фарфор? – глотал воздух живописец.

– Теперь умеем, – улыбнулся Пётр, – У нас пока только один цвет. Потом попробуем ещё бледно-зелёный, коричне-

вый и красный. Ну и чёрный с серым сможем. Следующую партию голубым цветом дадим расписать вам. Придумывайте сюжет.

Рубенс со всеми своими учениками и подмастерьями, урвав одну чашку, и одно блюдце усвистал творить. Работа понятно не простая, нарисовать с помощью одного цвета. И он справился. Чашки и блюдца следующего набора были расписаны голландцами в виде заснеженного русского пейзажа. Умеют, ведь, если захотят.

Ну, теперь на очереди костяной фарфор.

Событие девятое

Питер Пауль Рубенс не понимал куда он попал. Это точно была не Европа. Ничего общего. А вот хуже или лучше? Началось с того, что в дом их впустили только после того, как они помылись в «бане». Варварство. В этой же бане были «прожарены» все их вещи. Встретивший их «управляющий» маркиза Пожарского Вацлав Крчмар сообщил, что дома для них ещё не построены, просто столько народа не ждали, и поселил их пока в доме самого Пожарского. А все эти бани и прожарки одежды нужны, чтобы убить всех вшей, тараканов и клопов.

Баню потом Рубенсу пришлось принимать еженедельно. Сейчас по прошествии почти трёх месяцев Рубенс не только привык, но и полюбил баню. После неё, так хорошо себя чувствуешь. Просто словно родился заново.

В доме маркиза три очень красивые турчанки накормили семейство Рубенсов восхитительными, наверное, восточными блюдами. Особенно Питеру понравились пельмени.

Маркиз приехал на следующий день. Он поселился у священника и только на второй день собрал самых пожилых из приехавших в Вершилово: самого Рубенса, Симона Стивена, ван Бодля, Симона Майра и Иоганна Кеплера.

– Вы все пожилые люди, – начал странный мальчишка, – и я хочу, чтобы вы пожили подольше. Думаю, многие за этим сюда и приехали. Поэтому к каждому из вас будет приставлен стрелец, который будет с вами заниматься.

Звучало совсем не страшно. А вот в действительности. Первым делом их отвели к двум колдуньям. Те осмотрели каждого и расспросили через переводчика о болячках. Потом бабки пошутукались и сказали стрельцам, кто из «немцев» когда должен подходить для лечения. Чем и отчего поили остальных, Рубенс не знал. Ему же сказали, что с печеню у него проблемы, и нужно меньше есть мяса, а больше моркови и свёклы. Две ведьмы сообщили стрельцу, чтобы тот приводил Питера Паульса три раза в день за полчаса до еды. И началось. Он выпивал отвар и уходил на обед, что продолжали готовить турчанки, но вкусных пельменей Рубенсу больше не давали. Отвары были и горькие и кислые и безвкусные. И так уже почти три месяца. А ещё стрелец заставлял Рубенса по утрам бегать. Художник возмутился и пошёл к Пожарскому. Тот вздохнул и сказал, что нужно

потерпеть всего несколько недель, а потом великий живописец сам будет поднимать стрельца на пробежку. Для компенсации неудобств маркиз выделил Рубенсу одну из турчанок для другого надругательства на пожилым человеком. Девушка заставила Рубенса раздеться, уселась на него сверху и стала мять и щипать ему спину. После этого она обтёрла его ледяной водой и растёрла до жжения в коже жёстким полотенцем.

Рубенс хотел идти к Пожарскому и прекратить это раз и навсегда, но через полчаса впервые за много лет почувствовал себя молодым и здоровым. Теперь, по прошествии трёх месяцев, художник чувствовал, что все его муки были не зря. Он словно помолодел на двадцать лет. И у него ничего не болело. Даже больной зуб бабки заговорили.

Их новый дом с Изабеллой был, конечно, меньше дома в Антверпене, но он был чрезвычайно тёплым, по нему не гуляли сквозняки, не гадили мыши по углам, не бегали тараканы, не будили по утрам сверчки. В доме не было блох, вшей и клопов. Это было чудо. Он даже забыл, куда забросил свою чесалку. Изабелла тоже ходила к бабкам и теперь пить «отвары» они ходили вместе. Бабки пришли и посмотреть детей. И им достались отвары и морковка.

Клара Серена была записана в школу вместе с другими детьми. На следующий год обещали взять и Альберта. На удивление девочка быстро осваивала русскую речь. Когда же выпал снег, всем детям в школе выдали «лыжи» и стали учить на них кататься. Теперь дочь Рубенс видел только

вечером, когда на улице становилось темно. Прямо на глазах бледная болезненная девочка превратилась в пышущую здоровьем непоседу.

Непонятны были и цели Пожарского по отношению к самому Рубенсу.

– Дорогой метр, – сказал тогда маркиз, – Пишите, что хотите, любую вашу картину я куплю, только иногда, когда я попрошу помочь, не отказывайте, пожалуйста.

Первый раз Пожарский за помощью обратился вместе с самым известным ювелиром мира. Ведь он изобрёл перьевую ручку. Лукаш Дониц принёс плохо нарисованный эскиз серёжек и попросил его доработать, а так же в этом стиле разработать эскизы кулона, двух колец, браслета и тикки (это такая подвесочка на лоб). Рубенс хотел поворчать, но вспомнил своё обещание и принялся за работу. И тут их увидела Изабелла.

– Это мне! – завизжала жена от восторга и бросилась Рубенсу на шею, – Это самые красивые украшения, что я видела в жизни. Питер ты великий художник.

Рубенс ушёл в другую комнату и заплакал. Он великий художник не потому, какие картины написал, а потому, что доделал работу Доница или Пожарского. Хотя Изабелла была права. В Европе до такого никто не додумался. Как и до перьевой ручки, как и до чернильницы непроливайки, как и до восхитительного масла, что принесли им недавно в интересно расписанных горшках. В Европе ничего не умели

из того, что делали в Вершилово. Здесь обычные крестьяне творили чудеса. Одни валенки чего стоят. Это шедевр обувной мысли, и тепло и красиво. Он сам забросил сапоги и ходил только в валенках. Пришлось быстро дорисовать эскизы и идти к ювелиру.

– Мне нужен такой комплект для жены, – Рубенс объяснил Лукашу ситуацию.

– Что ж, где два, там и три, – засмеялся Дониц, – Моя жена тоже уже увидела наброски. Теперь не отвертеться. Какого цвета должны быть камни.

– У Изабеллы карие глаза, думаю, с вот этим жёлтым камнем подойдут лучше всего. Сколько это будет стоить? – поинтересовался художник предчувствуя огромные траты.

– По себестоимости двести рублей, цитрин довольно редкий камень, – чуть подумав, сообщил ювелир.

– По себестоимости, но вы ведь работать будете. Бесплатно, что ли? – удивился не привыкший к Вершиловским реалиям Рубенс.

– Дорогой Питер. Деньги у нас в Вершилово ничего не стоят. Здесь они не нужны. Тем более только на ручках я заработал двести тысяч золотых дукатов, – снисходительно улыбнулся Дониц, – А вы подумайте на досуге, и может быть, придумаете в этом же стиле серьги и для дочери.

Рубенс ушёл выбитый из колеи в очередной раз. Как это не нужны деньги?

Второй раз маркиз потревожил художника вместе с мест-

ным иконописцем Иоахимом Прилукиным. Рубенс видел его иконы в храме и наброски к мозаике на строящемся храме. Этот художник писал совсем в другой манере. Но его Богоматерь была чудом. А эти непонятные зверушки, что писали его помощники. В Европе так рисовать животных тоже не умели. Они были очеловечены. Белочки улыбались или злились, даже птицы выражали эмоции. Рубенс долго разглядывал горшки с маслом, что принесли им (кстати, совершенно бесплатно) пытаясь постичь загадку этого мастера. Нет. Он так не может. Сейчас ему предложили расписать поднос волшебными цветами. Цветы должны быть похожи на цветы, но быть красивее, пышнее. И лепесток должен быть выполнен одним мазком кисти. Ему принесли образец и попросили сделать несколько разных и сделать лучше. Ведь он великий Рубенс.

Питер попробовал и не смог. Он пригласил всех учеников и подмастерий и две недели все бились с этими цветами. Решил проблему один из учеников, самый молодой, Якобс де Йонг. Его поднос на самом деле был не хуже принесённого. Теперь все учились у самого младшего. Через две недели Пожарский получил десять раскрашенных подносов. От каждого голландца по одному. Они убили две с лишним недели, но Рубенс не жалел этого времени. Он освоил новый способ письма. И этот способ впечатлял. Нужно будет попробовать так написать картину, например Клару Серену на лугу таких

цветов.

И вот недавно его «потревожили» в третий раз. Этот раз он запомнил на всю жизнь и все его ученики тоже. Этот маркиз научился делать фарфор лучше китайского. Над этой загадкой бились в Европе все и ничего не смогли. А в Вершилово мальчишка не просто повторил, а на голову превзошёл китайцев. Фарфор был тоньше и звонче, а голубая роспись просто сводила с ума. Как это сделано. Ведь роспись была внутри фарфора, а не нарисована сверху, как у китайцев. Опять чудо.

Пожарский предложил голландцам подумать и нарисовать картинки на блюдах и чашках в одном голубом цвете. Конечно, в первую очередь просились на фарфор цветы, как и на предоставленных образцах. Снейдерс предложил нарисовать зимний пейзаж. Конечно же, голубой снег, обрадовался Питер. И они предоставили через пару дней Пожарскому шедевры монохромной живописи. Кое-что и голландцы умеют.

Глава 2

Событие десятое

Воевода Казани князь Владимир Тимофеевич Долгоруков получил с царёвым гонцом царскую грамотку и небольшой сундучок. В царской грамоте было предписание боярину, по приезду нового воеводы Одоевского Ивана Никитича Меньшого в Казань, отбыть в Москву. Ну что ж, он добросовестно пробыл на воеводстве в Казани три года. Усмирил татар и черемисов, укрепил городскую стену, навёл порядок в самом городе. Есть чем гордиться. В Москве получит новое назначение, может во Владимир или Нижний Новгород, а то и в саму Москву. Чай не последний по родовитости.

Сундучок был от княжича Петра Дмитриевича Пожарского. Он был искусным мастером вырезан из дерева и сам по себе уже был подарком. Внутри было письмецо от княжича, в котором он поздравлял всё семейство Долгоруких с Рождеством Христовым и шесть коробочек, пять маленьких и одна побольше.

Пока Владимир Тимофеевич распаковывал сундучок, да читал поздравление от Пожарского, в горницу набились все его девки. Ишь любопытство их съедает, что же за подарки такие прислал «Петенька». Перекрестясь, князь достал одну коробочку. Это тоже был сундучок, только крохотный и весь покрытый тончайшей резьбой с райскими птицами и цвета-

ми. На крышке сундучка было вырезано слово «князь». Дол-
гоуков открыл крышечку и ахнул. Там лежал, переливаясь
большим гранёным рубином массивный золотой перстень.

– Ай, красота, какая, – пискнула младшая дочь Фети-
нюшка, заглядывая князю через плечо, – Давай же доставай
следующую.

– Цыц, – незлобно приструнил дочерей Владимир Тимо-
феевич и надел перстень на палец. И впрямь красота. Такой
жуковицы и нет ни у кого. Явно заморская работа, наши-то
ювелиры так с камнем работать не могут.

– Батюшка, ну доставай следующую шкатулочку, – это
опять младшенькая, знает, что не будет ей за это ничего, ба-
луют её родители.

Вздохнув, что отрывают его от любования собственным
пальцем, князь достал следующую коробочку, «княгиня
Марфа Васильевна» было вырезано на крышке. Князь хотел
было открыть коробочку сам, но передумал, пусть ладуш-
ка сама откроет, порадуется. Княгиня приняла шкатулочку,
перекрестилась и открыла крышку. Там лежали невиданной
красоты серьги с такими же кровавыми рубинами, только по-
меньше. К розеточке, в которой был закреплён рубин (яхонт
червлёный), был хитрым способом прикреплён золотой ли-
сточек, покрашенный с одной стороны такой же алой крас-
кой с более светлыми прожилками, и покрытый блестящим
лаком. Вместо обычных дужек серьги закреплялись с помо-
щью хитрого замочка, который удалось застегнуть только

с помощью непоседы Фетиньюшки. Понятно, почему в серьгах были яхонты, такие же, как и камень в перстне у князя. В таких серьгах можно только с мужем в церковь ходить, да и то боязно. Немереной цены вещь.

– Ой, матушка, ты теперь самая красивая боярыня на Москве будешь, – всплеснула руками Елена.

– Батюшка, доставай следующий сундучок, – не терпелось младшенькой.

Князь осмотрел оставшиеся шкатулочки и вытянул ту, на которой было написано «княжна Фетинья».

– Держи, егоза! – протянул воевода последышу.

В сундучке были тоже серьги. Только камень был жёлтый, и листочки выкрашены в жёлтый же цвет. Визгов было. Еле утихомирили девочку.

– Батюшка, а мне есть? – теперь Елене не терпится.

Владимир Тимофеевич перебрал оставшиеся шкатулочки и вытащил с надписью «княжна Елена». Всё повторилось с точностью до одного визга, вся разница, что камни были яхонтами лазоревыми и листочки покрашены в голубой цвет. Красота.

Марфе достался сундучок с серёжками со светло-фиолетовыми камнями аметистами (варениками). Последнюю шкатулочку с надписью «княжна Мария Владимировна» князь доставал с опаской. Слишком она была большая. Это не могло быть случайностью. У Петра Дмитриевича всё было продумано. Там были не только серёжки. Этот сунду-

чок воевода не передал как предыдущие, закрытым, дочери, а сам приоткрыл крышку и тут же захлопнул. Боярина прошиб пот.

– Марфа, Елена и ты Фетюньюшка, идите-ка на свою половину, – наконец отдышавшись, смог проговорить князь.

– Батюшка, а что же Марьюшке Петенька подарил? – опешила Елена.

– Сейчас вы проказницы уйдёте и посмотрим.

Надутые и обиженные младшие дочери вышли из горницы, батюшке перечить не посмели.

Когда дочери прикрыли за собой дверь, боярин встал, подошёл к двери проверил, не подслушивают ли за дверью. Девки там и оказались.

– Я вот вам, – свёл брови воевода.

Он посмотрел вслед убегающим дочерям, закрыл дверь поплотнее и прошёл к столу.

– Ну, открывай «княжна Мария Владимировна», – прочёл надпись на шкатулке Долгорукий и подвинул её дочери.

Крышечка отворилась, и три пары глаз уставились на содержимое. Только через пару минут Мария пришла в себя и стала доставать из шкатулки содержимое, раскладывая перед собой на столе. Сначала появились серьги, такие же, как и остальные только камень был зелёный изумруд (сма-рагд) и листочки соответственно зелёные. Потом рядом легло два кольца одно побольше, другое поменьше (на мизинчик) изготовленные мастером в том же стиле, что и серьги.

Дальше был кулон на золотой цепочке. Потом браслет на руку. Все украшения были со смарагдами и зелёными листочками. И наконец, похожая на серёжку вещица, только на золотой тонкой цепочке. Князь заглянул в шкатулочку и достал небольшой листочек бумаги.

– Это тика, – прочитал он, – цепочка закрепляется в волосах на проборе, а сама тика висит на челе.

Долгоруков подвинул все украшения дочери и скомандовал:

– Надевай.

Это заняло приличное количество времени. Мария стояла бледная и просто сверкала вся изумрудами.

– Прямо ведь в цвет глаз угадал Петенька, – охнула княгиня, оглядывая полностью снаряжённую дочь.

– Петенька, – не понятно, зачем произнёс боярин и вздохнул.

– Почему же это он всем только серьги подарил, а мне вон всего столько? – прошептала Мария.

– А я думаю, это он такой способ нашёл, чтобы сказать, вы, мол, Марию-то не отдавайте ни за кого замуж, я сам на ней женюсь, – медленно проговорил боярин, глядя в упор на дочь.

– Так он отрок ещё, – залилась краской дочь.

– Пятнадцатый годок отроку идёт. Через год можно и сватов засылать, – усмехнулся князь.

– Так разве можно так, чтобы не батюшка, а сам сватал-

ся? – удивилась княгиня Марфа.

– Так он и не сватается, просто подарки прислал, с намёком. Подождите будущие родственники годочек.

– А если князь Дмитрий Михайлович, кого другого при­смотрел за старшего сынка? – не обращая на дочь внимания, продолжала допрос мужа княгиня.

– Вот приедем в Москву и поговорим с князем Пожарским, да и с сынком поговорить не мешает. Завтра соби­раться начнём, а после крещения и выедем. Нижний-то Нов­город как раз по пути, – хлопнул ладонью по столу хозяин, – А ты, Марьюшка, пока кроме серёжек не надевай ничего, да и сестрицам не показывай. Матери оставь на сохранение.

Событие одиннадцатое

Иоганн Кеплер не понимал, зачем он нужен был маркизу Пожарскому. Тот вообще вёл себя странно. К тому же ока­залось, что маркиз ещё отрок, ему всего четырнадцать лет. И пусть он смотрелся несколько старше и был довольно вы­сок, но всё равно отрок. Странности начались через день по­сле того как он вернулся с Урал камня. Это страшно далеко на востоке. Московия оказалась огромной страной. Настоль­ко огромной, что её границ на востоке можно было достичь только через несколько лет, после выступления из Москвы.

Маркиз начал с того, что занялся их лечение. Он собрал всех приехавших, за исключение молодёжи и отвёл к знахар­кам. И теперь вот уже три месяца Кеплер пьёт по три раза

в день отвары из трав и ягод. А ещё эти целительницы пришли домой к Кеплеру и осмотрели его жену и мать.

Теперь пить отвары они ходят втроём. Утром, днём и вечером, каждый день при любой погоде. Иоганн спросил, нельзя ли сразу налить отвар в кувшин на целый день.

– Я тебя, милоч, не учу, как звёзды считать, а ты не учи меня, как людей лечить, молод ты ещё, – отбрила его травница.

Мать Кеплера Катарина и жена Сусанна тоже поворчали, но исправно посещали бабулек. Катарина и сама травница высоко оценила знания вершиловских целительниц и в последнее время часто проводила с ними, изучая язык и обмениваясь знаниями. Самого же астронома ещё мучил приставленный к нему стрелец. В любую погоду он поднимал его не свет ни зоря и выводил на пробежку. Сначала они бегали не долго, но сейчас, через три месяца уже пробежали по тропе, где ежедневно тренируются стрельцы. Приставленный к нему Сидор Синица, говорил, что бегают они теперь две версты. Этот же стрелец, раз в неделю водил Иоганна в баню и там бил веником. И что самое интересное, это начинало Кеплеру нравиться.

Дом, в который семейство Кеплеров поселил маркиз, был не меньше того, в котором астроном жил в Линце. И это был не каменный дом с вечными сквозняками, а тёплый деревянный двухэтажный терем с тремя печами и запахом све-

жего дерева. Четверо детей Кеплера двое от первого брака и двое от второго благополучно перенесли переезд и двое старших от первой жены Барбары уже ходят в школу. Его приёмная дочь Джемма уже прогуливается по вечерам с одним из учеников Рубенса и дело, кажется, идёт к свадьбе. Всё вроде на первый взгляд просто замечательно. Только вот зачем маркиз собрал их всех у себя? Учить детей астрономии? Так он знает эту астрономию лучше самого Иоганна. Непонятно. Детей астрономии Кеплер учил. Пока с помощью переводчика, но с ним самим занимались русским и успехи были.

Страдающий большую часть жизни близорукостью Иоганн как-то при Пожарском придвинул к себе листок с записями поближе.

– А почему вы не носите очки? – спросил маркиз.

– Но ведь очки помогают только дальноруким, – пожал плечами Кеплер.

– Бред, ведь вы изобрели науку оптику, работаете с линзами полжизни. Нужны просто другие линзы. Они должны быть двояковогнутые. Бери в помощники Майра, Стивена и ван Бодля и делайте очки. Когда нарисуйте линзу, я её отолью. Зашлифовать поможет ювелир Лукаш Дониц.

И они сделали это. Правда, без помощи маркиза всё равно не обошлось. Взглянув на их поделку, он фыркнул и нарисовал очки с дужками для крепления за ушами и приспособлением, чтоб они крепились на переносице. Линзы отлили, за-

шлифовали, вставили в оправу и теперь Кеплер всюду ходит в очках и впервые за многие годы видит не размытые тени, а людей и деревья и даже снежинки, летящие в воздухе.

Вот и спрашивается, если маркиз Пожарский «всё» знает сам, то зачем ему нищий придворный астроном.

Свои знания в астрономии и других науках Пожарский объяснял, что в детстве в Москве читал книги атлантов, но сейчас эти книги сгорели при пожаре. Так, что спрашивайте, если вспомню, объясню, если нет, значит, нет. Кеплер воспользовался этим предложением и каждый день почти, устраивал с Майром княжичу перекрёстный допрос. Эти атланты, если это правда, настолько дальше продвинулись в естественных науках, что просто жуть брала. Как хотелось бы Иоганну взглянуть на те книги. Вместо этого ему показали монеты этих древних полубогов. Что ж, монеты впечатляли, таких сейчас никто не сможет сделать. Неужели русские и, правда, потомки атлантов, ведь надписи на монетах написаны почти по-русски.

Как-то маркиз принёс стеклянную призму и показал, как из белого света тот разделяется на семь цветов. «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Прочитал маркиз считалочку, что почерпнул в книге атлантов. Это и есть цвета спектра. Но я показываю вам не это. Смотрите. – Князь поднёс к цветной полоске на стене большую лупу, – Между цветными полосками есть чёрные линии. Так вот каждый элемент, светясь, испускает свет строго определённого спектра

и вот эти чёрные полоски у каждого элемента разные. Проводите опыты, сжигайте в спиртовке разные металлы и вещества, и анализируйте. У атлантов написано, что простых веществ около ста. Попробуйте начать их определять. Если что не будет получаться, то спрашивайте.

Эх, хоть глазком бы одним заглянуть в те сгоревшие книги.

А ведь он таким здоровым и бодрым не чувствовал себя никогда в жизни.

Событие двенадцатое

Царь и Великий Государь всея Руси Михаил Фёдорович Романов получил на Рождество подарок из Вершилова. Подарок явно был не маленький. Двое рынд еле занесли в тронный зал большой сундук. Сундук был заперт.

Михаил посмотрел на стоящего рядом дьяка Фёдора Борисова и тот протянул ему конверт. Письмо было от Петруши.

Здрав будь, Великий Государь! Поздравляю тебя с Рождеством Христовым и высылаю несколько подарков. Только ты, царь батюшка с подарками, что в большом сундучке будь поаккуратнее, ибо разбиться могут. Когда посмотришь подарки, Государь, возьми у дьяка второе письмо.

Заинтригованный Михаил вставил, нашедшийся в конверте, ключ в замочную скважину и повернул его. Замочек щёлкнул. Царь открыл крышку. Сверху лежали подно-

сы. Сделаны они, судя по весу, были из железа. Михаил Фёдорович убрал обёртку из ткани с первого подноса и обомлел. Весь поднос был усеян невиданной красоты цветами. Таких цветов не бывает. Такие, растут только в раю. Кто же мог подсмотреть их там, а потом перенести на поднос. Весь поднос был покрыт чёрной краской, и цветы всеми красками просто горели на нём. И сверху всё это было покрыто лаком.

Михаил развернул второй поднос, третий. На всех подносах были эти волшебные цветы. Подносов было одиннадцать штук, и ни на одном узор не повторялся. Ничего красивее до этого Михаил не видел.

– Пресвятая Богородица, – перекрестился стоящий рядом дьяк, – Кто же мог такую красоту нарисовать? Где они эти цветы видели?

Михаил и сам задавал себе эти вопросы. Неужели это нарисовал тот художник Рубенс из Голландии?

– Вели матушку позвать, – бросил через плечо дьяку царь, повернуться не мог. Вдруг это исчезнет.

Дьяк Борисов вышел на минуту и снова вернулся, плотно закрыв дверь. Михаил переходил от одного подноса к другому и всё хотел выбрать лучший. Не получалось. Разве вон тот с цветами похожими на одуванчики. Или вон тот с синими колокольчиками по углам. Да нет. Все хороши. Отвлекло самодержца от созерцания появление старицы Марфы. Государыня Царица прошла вдоль разложенных на лавках подносов и истово перекрестилась.

– Дозволил Господь при жизни царствие небесное увидеть. Кущи райские. Кто же прислал тебе это чудо, Мишенька?

– Петруша Пожарский из своего Вершилова, – тоже перекрестясь с трудом преодолевая спазм в горле, ответил Михаил Фёдорович.

– Если просить будет чего, дай! – строго зыркнула на сына царица.

– Там в сундуке ещё один сундучок есть, – напомнил дьяк. Вдвоём, чтобы никого не звать, дьяк с царём достали сундучок и установили на лавку. Он сам по себе был чудом. Михаилу приходилось видеть красивую резьбу по дереву, но такую мелкую и затейливую ещё нет. Он снова перекрестился и открыл крышку с вырезанными на ней жар-птицами. Там были какие-то предметы, завёрнутые в тряпицы. Михаил развернул одну и чуть не выронил. У него задрожали руки и колени. У него в руках было полупрозрачное фарфоровое блюдце с видом засыпанного сугробами маленького домишки на берегу, почти схватившейся речки, только узенькая полоска оставалась. И всё это было сделано только одним синим цветом, который не был нарисован красками поверх, рисунок был внутри блюдца, и он горел сквозь прозрачное покрытие. Михаил видел китайские вазы, их подарил ему посол персидский. Но насколько это блюдце было лучше. Оно было тоньше. Оно было красивей. Оно было белей. Михаил, вспомнив хвастовство посла о серебряном звоне, слегка уда-

рил ногтём по блюдцу. Вот это серебряный звон, а не то, что восхвалял посол.

Осторожно поставив блюдце на лавку, Михаил достал следующую вещь. Теперь это была чашка с таким же рисунком и она, казалось, ещё тоньше, через неё даже видны были подносы на лавке. Не решаясь держать это дальше в руке, царь поставил чашку на блюдце и посмотрел теперь на пару.

– Принеси-ка мне стулец, Фёдор, – сказал он Борису, – Ноги не держат.

Дьяк принёс два стульца, усадил на них сначала старицу Марфу, а потом Государя.

– Доставай остальные, да не разбей. Колом не отделаешься.

Дьяк перекрестился и стал доставать остальные предметы. Всего чашек с блюдцами было одиннадцать. Десять с рисунками зимними, а одна пара с синими цветами небывалыми. Когда чудес слишком много, то устаёшь ахать. Так и тут, царица смахивала слезу и крестилась, а царь впал в какой-то транс, как при истовой молитве. Прошло не менее десяти минут, пока Михаил вспомнил, про второе письмо.

– Читай дьяк второе письмо от Петруши.

Государь! Сделали эти подносы и чайные пары мастера мои из Вершилово. Есть у меня две просьбицы, не откажи, – дьяк замер.

– Читай же! – прикрикнула на него старица.

Продай государь эти вещицы, но не просто, а устрой аук-

цион. Подожди гневаться. Это только первые изделия, а первый блин всегда комом, сейчас уже делаем новую партию, она будет в сто раз краше, это просто учились. Продай, Государь. Через пару недель получишь настоящие изделия из Пурецкой волости, а на этих я даже надпись делать постеснялся, чтобы потом не краснеть. Только продавай не просто так, а устрой аукцион. Удовольствие получишь больше чем от созерцания сих уродиц. Созови самых богатых купцов иноземных и наших гостей торговых, да бояр московских. Выставляй по одному предмету и говори, что цена рубль, а кто больше даст пусть руку поднимет. Потом, говори, что раз рук много, то цена десять рублей, ну и так пока один не останется. Потом тако же поступи с другими предметами. Денег сразу не требуй, пусть слово дадут, что соберут за пять дней. Поверь, царь батюшка, большего удовольствия ты ещё не испытывал. Только стрельцов пару десятков сразу крикни, а то и тебя не постесняются, друг другу бороды начнут рвать. Не бойся, что продашь, пока до тебя подарки дошли я уже новые диковинки сделал и сейчас они из Нижнего Новгорода выезжают. Это первая просьбица, – дьяк остановился.

Мать с сыном переглянулись. Потом синхронно посмотрели на красоту невиданную. Как же это можно продать?

– Дозволь, Государь, слово молвить, – прервал игру в гляделки дьяк Фёдор.

– Тоже будешь предлагать продать? – почти враждебно посмотрел на него Михаил.

– Ведь никогда ещё Пётр Дмитриевич не обманывал. Раз написал, что уже гораздо лучшие диковины в пути, то так и есть, – нейтрально ответил дьяк.

И вдруг на сторону Борисова встала царица.

– Не знаю, зачем Петеньке это надо, но раз просит, то сделай! – тяжело вздохнула старица.

– Так ведь красота? – робко возразил царь.

– А представь, как купцы и бояре передерутся, и какая слава по всему миру пойдёт, что Русь фарфор лучше китайского делает, да подносы эти с райскими цветами. Продай. Умница Петруша.

– Подумаю я, с батюшкой посоветуюсь, – почти согласился Михаил Фёдорович, – Дальше читай.

Вторая просьбица у меня царь батюшка о награде для мастеров, что сделали эти вещицы. Опять прошу, не гневайся сразу. Присвой четверым мастерам дворянский титул и дай по небольшой деревушке. Это не для обогащения. Вот Пётр Петрович Шваб, книгопечатник, в своей деревеньке, тобою, Великий Государь, дарованною, построил всем крестьянам дома большие с двумя печами, что по-белому топятся, да баню, да коровник, да конюшню. Купил им по две коровы и лошадь, да по две козы, да зерна семенного дал. И ничего пока с тех крестьян кроме, как один раз в день кринки молока, не требует. У него и так всё есть. Зато крестьяне, наконец, досыта детишек накормят. Детишки помирать с голодухи перестанут и вырастут сильными и здоровыми, как раз к тому

моменту, что перемирие с ляхами кончится. Вот тогда, то и скажется вся твоя мудрость. Будет, кому накрутить панам хвосты. Мастера те: Онисим Петрович Зотов, он над гончарами главный, Вацлав Крчмар, что печи строил, Никита Михайлович Шульга, что помогал с Урал камня секретный компонент для фарфора добывать и художник голландский Питер Пауль Рубенс, что вместе с учениками и подмастерьями расписал те подносы и чайные пары.

Только ты, государь, отсюда из Вершилова вижу, не все подарки достал из сундука. Вели дьяку Фёдору книжицы, что Пётр Шваб новые напечатал достать. Эти не продавай. Только Государыне и батюшке твоему Патриарху по одной вручи. Печатать мы только начали. Это пробные экземпляры. Вдруг тебе не понравятся.

– И впрямь Петруша видит через четыреста вёрст, – засмеялась Государыня, когда дьяк достал из большого сундука тонкую пачку книг.

Борисов разобрал книги и протянул по две матери и сыну. Сам же посмотрел оставшиеся две. Одна книга называлась «Молитвенник». Как и все творения Шваба, она была бесподобно оформлена, но не это было главное, наверху всех листов были узоры из лепестков цветов, и было видно, что это не рисунок, а настоящие лепестки настоящих цветов. Царь тоже заметил это и попробовал краешкам ногтя. Нет, лепесток был как бы внутри бумаги.

– Вот и ещё одна диковина из Вершилова. Где только та-

ких мастеров великих Петя находит, – недоумевала царица, тоже попробовав отодрать лепесток.

Вторая книга была: «Житие святого благоверного князя Александра Ярославича Невского». Иллюстрации были выполнены, как и в азбуке вручную, но манера была другая. Опять Рубенс. Каждый лист этой книги был шедевром. Её даже листать было наслаждение, не говоря уже о чтении. Иметь такую книгу было счастье. Почти час мать и сын рассматривали две новые книги.

– Дьяк Фёдор, вели завтра же одному из братьев Фофановых отправляться в Вершилово, учиться книги так делать, – наконец вышел из созерцательного состояния Государь, – Дальше читай.

Теперь уж совсем маленькая просьбица, Государь. Введи на Руси титул новый, как в Европе «барон» и титул тот присваивать дворянам за особые заслуги перед Отечеством, в бою отличился или вот книгу великую, которую века хранить будут в храмах наших, издал. И первым бароном сделай Петра Петровича Шваба. Про то, как деревенькой он распорядился я уже тебе писал. Дашь ещё деревеньку и ещё четыре или пять семей тебя будут день и ночь славить за мудрость твою.

Только опять, царь батюшка не все подарки достали. Есть там ещё маленькая шкатулочка для матери твоей.

– Дьяк, – рыкнула старица.

Фёдор Борисов выудил из сундука маленькую шкатулоч-

ку и подал царице. Та открыла её, там лежало два золотых цилиндрика.

– Что это? – повернулась к дьяку старица Марфа.

Дьяк посмотрел в недочитанное письмо.

Государыня Ксения Иоанновна, сними верхнюю половинку с цилиндрика, – прочитал дьяк.

Царица стянула крышку.

Теперь, Государыня, поверни нижнюю выступающую часть по солнцу.

Старица повернула, и из отверстия показался красный твёрдый цилиндрик со скошенным концом.

Это помада лечебная, чтобы на ветру губы не трескались и не сохли на жаре, попробуй Ксения Иоанновна.

Такое ощущение, подумал, царь, что и вправду Петруша видит всё за четыреста вёрст.

– Вели зеркальце принести, – обратилась царица к дьяку.

Когда полированное зеркало доставили, она осторожно коснулась кончиком помады губ и провела по ним. У помады был чудесный медовый вкус и цветочный аромат, и цилиндрик и в самом деле был довольно твёрдый. Марфа завернула помаду назад надела крышку и отложила цилиндр в сторону, взяла второй и повторила процедуру, эта помада была красно-оранжевого цвета, и запах от неё был немного другим.

– Мне старухе, только от мороза да солнца и спасаться, – довольная женщина улыбнулась, – А вот боярышням мос-

ковским и царицам в Европе за большие деньги эти помады продавать можно. Так скоро все деньги с Европы в Вершилово окажутся. Есть ли ещё что в письме.

Есть государыня матушка.

Сделал сии диковины тот же ювелир, что и ручки перьевые и чернильницу непроливайку. Прошу Государь и его в дворяне произвести. Много он ещё Руси пользы принесёт, больше чем воеводы некоторые. Все будут считать Русь державой, где делают самые лучшие вещи. Зовут ювелира Лукаш Донич. Отчества у них не приняты, так ты государь его Михайловичем назови и будь ему крестным отцом.

Всё государыня матушка. Кончилось письмо.

– Миша! Ты просьбицы все Петрушины-то выполни и, правда, малость, а всем польза великая. Если эти немцы на Руси останутся, да художник этот, что подносы да, чашки, да книгу расписал тоже останется, да другим художникам напишет в Европу, что обласкан он Государем и уже во дворянство возведён, смотришь, и ещё великие мастера на Русь потянутся.

И, правда, Соломон новый наш Петруша.

Событие тринадцатое

20 января 1620 года царёв гонец доставил в Вершилово почту.

Вчера, как и положено, праздновали крещение Господне. Отстояли всенощную, и пошли на Волгу. Там ещё с вечера

вырубили прорубь и приставили мальчишек сгонять образующуюся шугу. Пётр велел позвать всех иноземцев. В проруби установили деревянные лестницы и помост утопили, до уровня груди взрослого человека. Священник освятил воду, и княжич первый разделся до пояса и полез в прорубь. Крещение, в переводе с греческого, значит погружение. Как же тут не погрузиться. На берегу Пожарский велел растянуть несколько шатров и палаток и всё «погружённые» загонялись туда, обтирались полотенцем и переодевались в сухую одежду. Некоторые, кто постарше или больные, дополнительно растирались хлебным вином. Пётр вспомнил о водке в последний момент и записал себе в блокнотик, сразу после праздников поработать над самогонным аппаратом. Из «немцев» решился залезть в прорубь только Симон Стивен. Семидесятилетний немец вообще был живчиком. Пожарский за смелость тут же, при всех, вручил ему приз, полную головку мраморного сыра.

А вот на следующий день и прибыл царёв гонец. Пожарский прочитал письмо от Государя и удовлетворённо хмыкнул. Всё задуманное удалось. Пётр послал мальчишку предупредить всех мастеров и управляющих, чтобы назавтра с утра, как прозвонит колокол, все собрались в школе. Оказалось, что народу-то прибавилось и в класс все не влезли. Пришлось идти в старую церковь. Там, правда, не было скамеек. Ну да Пётр Дмитриевич их надолго задерживать и не

собирался.

– Господа, – начал княжич, – Вот уже больше года, как мы с вами пытаемся сделать из нашей Руси великое государство. Я не оговорился, сказав из «нашей». Думаю, что никто пока уезжать в завшивленную, большую чумой, оспой и сифилисом, вечно воющую Европу не собирается. Мы здесь хорошо устроились. У нас лучшие в мире доктора и художники. Лучшие математики и астрономы, единственный в мире агроном. И как я уже писал в письмах, приглашая некоторых из вас приехать в Вершилово, отсюда летом после дождя видны врата в рай, – Пётр усмехнулся, – Вон господина Кеплера сейчас скривило немного. Он-то знает, что это разложение спектра. Ошибается он. Это «врата».

Народ засмеялся. Задиристый астроном и правда чуть не бросился рассказывать про дифракцию и интерференцию.

– Я недавно отправил царю нашему Михаилу Фёдоровичу несколько наших общих поделок и сегодня получил от него грамотки. Зачитывать я все их не буду, потом каждый свою сам прочитает. Я и подьячего Балахнинского уезда Замятия Симанова позвал на наше собрание, чтобы он потом каждому его грамотку растолковал. Пока же скажу коротко по каждому, – Пётр оглядел замерших в ожидании людей.

Понятно, что без него они бы ничего не смогли сделать. Но они старались. И они теперь даже без него лучшие организаторы и специалисты на Руси, да и в мире, пожалуй.

– Царь за заслуги в производстве фарфора русского награждает Онисима Петровича Зотова дворянским званием и 40 четями земли с деревенькой в Жарской волости, – Пожарский протянул грамоту растерянному бывшему купцу.

– Так я же ничего не сделал такого, – начал было Онисим, но княжич перебил его.

– Онисим Петрович, царю батюшке чай виднее.

– Спаси и сохрани его Господь, – перекрестился новый дворянин.

– За строительство дорог и печей, Государь жалует дворянством и Вацлава Крчмара. Теперь будешь дворянин Василий Михайлович Крчмар. Почему Михайлович, позже объясню, держи грамоту.

Вацлав очень осторожно взял в руки свиток с печатью. Его можно было понять, ещё недавно он был пленный чех, пытающийся выжить и вот теперь богатый человек и дворянин.

– За помощь в освоении производства фарфора дарует царь батюшка дворянский титул и Никите Михайловичу Шульге, – Пожарский протянул грамоту опешившему ссыльному воеводе казанскому. Здесь о том, что это Шульгин, знали всего два стрельца, и они помалкивали после проведённой беседы с Пожарским, – Это тебе Никита Михайлович и за прошлые заслуги и аванс на будущее, – тихо, только для будущего мэра Миасса, проговорил княжич, передавая грамоту и троекратно облобызав нового дворянина.

– Ещё есть у нас один новый дворянин. Это Василий Пет-

рович Полуяров. Его царь жалует дворянством за выведения новой ржи именуемой теперь на века «Полуяровкой». Все знают, что получили крестьяне урожай невиданный и теперь во всей губернии хотят люди сажать только полуяровку. Только пока все будут осваивать рожь, Василий Петрович и пшеничку выведет урожайную и ячмень и овёс и гречку. Скоро все досыта есть будут. Теперь у нового дворянина только одна задача, новым своим сортам названия придумывать. Я вот пшеницу предлагаю назвать «Васильевка». Как Василий Петрович, не против, – под общий смех выдал покрасневшему как девка купцу бывшему Пожарский грамоту.

Народ загалдел, поздравляя агронома и подсказывая ему названия новых сортов:

– Ты Василий Петрович озимую-то рожь «Полнояровкой» назови.

– Подождите, господа, – унял начавшееся веселие Пётр, – не все ещё грамотки от царя нашего батюшки я зачитал, есть ещё пара. За чудную роспись фарфора и подносов, а также за иллюстрацию книги о святом Александре Невском жалует Государь русским дворянством и художника Рубенса. Будет он теперь прозываться Пётр Павлович Рубенс. Дарует ему царь 100 четей земли и деревеньку Рубцы из девяти дворов тоже в Жарской волости, от нас недалече. Держи Пётр Павлович! Заслужил! – Княжич обнял вставшего столбняком художника и вложил в его непослушные руки царёву

грамоту.

Рубенс рисовал королей и принцев, даже императоров. Расписывал их дворцы, но никто из них даже не заикался о дворянстве для него. Для них он был просто мещанин умеющий рисовать. А здесь на Руси за неполных четыре месяца он узнал о живописи больше чем за последние двадцать лет, да ещё и дворянином стал. А ведь он не хотел ехать сюда.

– Ещё есть у меня грамота и для нашего ювелира Лукаша Донича. За ручки его перьевые, да за чернильницы непроливайки, да за помаду губную, жалует его государь 50 четями землицы и деревенькой, – Пётр крепко обнял ювелира.

– То ведь не мои придумки, – тихо на ухо княжичу шепнул Лукаш.

– Придумать и дурак может, главное всё придуманное в металле воплотить, а в этом тебе равных нет на Руси, – так же тихо ответил Пожарский.

– И последняя грамота у меня есть, – Пётр оглядел своих помощников, – Вводится на Руси новое дворянское звание «барон». Будут только самых достойных дворян в это звание возводить. Вот первым бароном на Руси и будет самый достойный – книгопечатник наш Пётр Петрович Шваб.

Народ радостно завопил, поздравляя нового барона. Его книги видели все. Иностранцы по его азбуке русский язык учили, а Кеплер, Майр и Стивен одолевали просьбами издать их книги на латыни.

– Теперь про отчества для новых дворян Донича и Крчма-

ра. Так как в Европе отсталой не пользуются отчествами, то государь Михаил Фёдорович сам решил стать им крёстным отцом и потому отчества у них будут Михайлович. Есть, кто-нибудь против? – Пётр насмешливо оглядел собравшихся.

– Кто же от такого крестного отца откажется, – высказал общую мысль отец Матвей. – Придётся вас «Михайловичи» завтра крестить. В веру-то православную переходить пока не зову. До неё дорасти нужно, а окрестить – окрещу.

– В заключении, что хочу сказать. Тот, кто усердно работает и славу для Руси добывает у нас без награды не останется. Хочу вот предложить нескольким здесь присутствующим подумать над этим. Тебе, Иоганн Кеплер, хочу предложить я написать и издать на русском языке учебник «Оптика» переработай свой трёхтомник выкинь из него историю и споры с давно умершими людьми и сделай не книгу, а учебник. Чтобы дети в старших классах школы могли эту науку изучать. Думаю, этот учебник Государем будет отмечен по достоинству. Тебе, Симон Майр, хочу предложить издать учебник по астрономии, нужно тоже не спорить с Коперником или Аристотелем или даже с Галилеем. А взять у всех у них и у Кеплера с Майром лучшее и написать тоже не книгу, а учебник. Ну и тебе, Симон Стивен, тоже учебник по математике, с дробями и прочими премудростями. А тебе, господин ван Бодль, по траволечению, собери все знания наших травниц, да матери Кеплера, разложи по полочкам и издай. Обещаю всем, что книги эти книгопечатник наш

сделает лучшими в мире. Сначала издадим на русском языке, а потом и на латыни для отсталой Европы. Совсем напоследок хочу предложить вам написать письма знакомым вашим. Если они мастера, то с радостью приму их в Вершилово. Нам все нужны и художники, и архитекторы, и скульпторы. Математики нужны, химики очень нужны. Государь просил особо, если у вас есть знакомые оружейники, пригласите их в Вершилово. Я бы с радостью принял и музыкантов, построим театр и будем по воскресеньям ходить туда семьями. Пригласите пастора, но не для того, чтобы он русских людей в свою веру переманивал, а чтобы свадьбы ваши узаконил и детей, что на Руси рождаться будут, крестил, ну и грехи вам отпускал. А то живёте у врат рая, а в рай не попадёте.

Ну, а теперь праздновать.

Событие четырнадцатое

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков прибыл в Нижний Новгород 25 января. Остановился он передохнуть после дальней дороги со всем семейством у нижегородского воеводы князя Фёдора Фёдоровича Пронина. Вернее, это был товарищ прежнего воеводы, князя Василия Матвеевича Бутурлина. Но сейчас князь уже уехал во Владимир воеводой, а замену ему ещё не прислали. Так что уже месяц целый Фёдор Фёдорович один управлял военным хозяйством Нижнего Новгорода. Долгоруков знал, что князем, бывший государев дьяк стал совсем недавно, но чиниться не стал и принял

приглашение остановиться у него в Кремле со всем семейством и погостить несколько дней, отдохнуть после дальней дороги.

Вечером два князя сидели в горнице и, попивая стоялый мёд, закусывали его новомодным вершиловским сыром и разговаривали о маркизе Петре Дмитриевиче Пожарском.

– Я тебе так скажу, Владимир Тимофеевич, сейчас самый богатый человек на Руси это Пётр Дмитриевич. Я ведь дьяком был, и вся его торговля через меня шла. Так вот, не так давно ювелиры, за перьевые ручки, что продали в Европе, привезли ему два воза золота, они в казну заплатили пятину восемьдесят тысяч рублей. Так это только пятина. И это только ручки. А у маркиза Пожарского производств столько, что все и не упомнишь. Он, я думаю, если захочет, то такую страну, как Швеция или Дания просто купит.

– Как же это получилось, ведь он отрок ещё и приехал-то в Вершилово своё всего полтора года назад, – удивлялся Долгоруков, – а князь Пожарский, что же не забирает деньги-то?

– Как получилось, сказать могу, нашёл он людей знающих, да и организовал все свои производства, не с крестьян последние штаны снимал, а взял в помощники купцов, да немцев, дал им денег на начало дела и помогал во всём. Вот ты сыр ешь, вкусно ведь. Так это его крестьянин придумал, а он и денег дал и свёл с гончарами и с купцами, так теперь за этими сырами очередь из купцов до Владимира стоит. И так во всём. Всё время в делах и когда спит не понятно. Или вот

пример, нашёл его управляющий Зотов в Арзамасе умирающего парнишку, что из глины свистульки делал. Вылечил Зотов того парнишку и теперь они придумали, как фарфор лучше китайского делать. Там за каждую чашку берут по весу золотом. На днях Государь грамотку прислал, о даровании бывшему купцу Зотову дворянства и землёй с крестьянами наделил. Представляешь, какие деньжищи теперь текут Петру Дмитриевичу. Я тебе так скажу, Владимир Тимофеевич – талант у маркиза людей нужных находить. А что про батюшку? Приезжал сюда летом князь Пожарский забрал у сына денег немерено и диковин всяких и уехал. Сейчас, я слышал царь батюшка отправил его воеводой в Новгород Великий. Думаю для того, чтобы он Петру Дмитриевичу не мешал диковины выпускать. И «маркизом» государь его благодетельствовал, чтобы независимость от отца подчеркнуть, – князь кивнул слуге и тот снова наполнил опустевшие чарки мёдом.

– Диковинные вещи ты рассказываешь, Фёдор Фёдорович. Проводишь ли меня завтра с семейством в Вершилово. Когда княжич проплывал мимо Казани с Урал камня, гостил у меня, теперь нужно ответный визит нанести, – Долгоруков опрокинул чарку и стал подниматься, – Однако поздно уже, пойду почивать.

– Покойной ночи тебе, Владимир Тимофеевич, а о визите не беспокойся завтра с утра и поедим. Футбольный матч ведь завтра, посмотришь игру интересную, что в Вершилово

выдумали. Анисим проводи боярина, – позвал он слугу.

Утром из Нижнего в Вершилово потянулись десятки саеней. Первыми ускакали стрельцы, не менее полусотни. Фёдор Фёдорович выделил семейству князя Долгорукого два крытых возка и сам с женой и двумя сыновьями поехал впереди. Владимир Тимофеевич отметил, что дорога широкая и ровная ни резких поворотов, ни ухабов. Занимаются, значит в Нижнем дорогами.

У въезда в Вершилово пришлось остановиться, егозе Фетиньюшке обязательно захотелось посмотреть медведей, что охраняли въезд в село. Вышли из возков, естественно и все остальные.

– Надо же придумать такое, вместо рогаток мишек поставить, – удивился князь.

– Это уже вторые мишки, – хохотнул нижегородский воевода, тоже вылезший из своего возка, – Двух первых князь Пожарский, когда летом приезжал, с собой в Москву забрал. Так Фома Андронов, мастер, что мишек вырезал, взял, да и новых сделал ещё выше и искуснее. Эти как бы ни на посажени повыше будут.

– Понимаю я князя Дмитрия Михайловича, и себе бы таких захотел на двор, – поцокал языком Долгоруков.

Дальше начиналась улица с высокими деревянными домами под черепичными крышами. Самое удивительное, что из крыши торчало по две трубы, и из них, почти во всех домах, вверх поднимался дым. Погода стояла безветренная

и ясная, и дым уносило напрямиком в безоблачное небо. А потом они выехали на большую квадратную площадь. Дорога упиралась в большой храм о трёх куполах с черепичной крышей, как и все дома. Купола были обшиты листовой медью и горели на солнце. Красота. По бокам площади стояли два одинаковых кирпичных здания. Они были в два этажа и всё с теми же черепичными крышами. А рядом с въездом на площадь возвышался терем. На его пороге стоял Пётр Пожарский и призывно махал руками.

Семейство Долгоруких вылезло из возков и остановилось, крутя головами. Посмотреть было на что. Пожарский спустился с высокого крыльца и, улыбаясь, подошёл к боярину.

– Рад видеть вас в добром здравии Владимир Тимофеевич. Все ли по здорову? Как добрались?

– По здорову, Петруша. Как у тебя батюшка с матушкой, пишут ли? – князь обнял Пожарского и троекратно расцеловал его.

– Батюшка воеводой в Великий Новгород уехал, недавно письмецо прислал, слава богу, все здоровы. Прошу, гости дорогие поднимайтесь в терем, пока футбол не начался, успеем чайку китайского с пряниками откусать.

Князь Долгорукий долго себя упрашивать не стал, хотелось ему посмотреть, как выглядит терем внутри у этого непонятого маркиза. Вместе с Долгоруким Пожарский пригласил и князя Пронина с семьёй. Всего гостей набралось десять человек и потребовалось изрядно времени, чтобы все

разделись и уместились за большим круглым столом.

Этот стол в первую очередь заинтересовал боярина Долго-рукова. На Руси всегда вдоль стены стояли лавки и к ним подвигали при необходимости длинный стол, за которым сразу ясно кто родовитее. А здесь круглый стол и красивые стулья с резными спинками и ножками, практически как трон у Государя. А судя по резьбе, так и красивее будут. В красном углу висела не одна икона, а целый иконостас и одна другой краше. Особенно выделялась икона с Богоматерью. Князь истово перекрестился, оценивая красоту икон. Он таких и не видывал.

Между тем Пётр пригласил его сесть прямо под иконами, а рядом по правую руку поместил князя Фёдора Фёдоровича. Остальные гости усаживались, как хотели.

– Анька, заносите, – приказал княжич и сам уселся напротив двух князей.

Вот тут у Владимира Тимофеевича глаза на лоб и полезли. Вместо обычных сенных девок в комнату зашли три турчанки в национальных одеждах, все увешанные цепями и браслетами. Сколько же на них золота? Но взгляд почти сразу переключился с турчанок на подносы, которые они поставили на стол. Подносы были чёрного цвета и на них горели небывалой красоты цветы. Таких цветов не могло существовать, если только в далёких заморских странах. Цветы были как живые, казалось, стоит протянуть руку к подносу и можно взять один из цветов. На подносах стояли чашки

с изящной гнутой ручкой на маленькой тарелочке. И чашки и блюдца были невероятной белизны, и на них были синим цветом выписаны картинки природы. Зимние виды речушки или заснеженные ели. На всех одиннадцати чашках картины не повторялись.

Турчанки споро сняли с подносов эти великолепные диковины, поставили перед каждым гостем и уплыли вместе с подносами, а через минутку появились снова. Теперь у каждой на подносе стоял непонятный кувшинчик с трубкой носиком. Девушки взяли эти кувшинчики и стали разливать по чашкам жидкость цвета стоялого мёда. По горнице распространился цветочный аромат. Разлив чай турчанки снова уплыли. Как только они могут так ходить? В третий раз на подносах были такие же белые с синими узорами вазочки с мёдом внутри и пряники. Девушки составили всё это на стол и исчезли. Потом одна появилась, неся большое блюдо из того же фарфора, на котором был нарезанный на тонкие ломтики сыр.

– Угощайтесь, гости дорогие, этой китайский жасминовый чай. В вазочках мёд, в блюде сыр, – предложил хозяин.

Князь Долгоруков смотрел на стоящее, на столе и не мог себя заставить прикоснуться к чашкам. Он понимал, сколько это стоит. Если все его имения продать, то вряд ли и на половину денег наберётся. Разве можно из «этого» пить. Князь Пронин и обе княгини вели себя соответственно. Хорошо хоть дети разрядили обстановку, они о деньгах не думали,

намёрзшись за поездку, они с радостью бухали в чашки мёд и, разболтав ложечками, принялись пить и закусывать пряниками и сыром. Сам Пожарский взял чашку и тоже спокойно попивал ароматный напиток. Пришлось и князьям взяться за тоненькие ручки чашек.

– Это твоя новая диковина? – спросил у Пожарского Фёдор Фёдорович, – Фарфор?

– Да, научились мы делать фарфор не хуже китайского. Царю батюшке я на Рождество и на Крещение такие сервизы послал, отцу с матушкой тоже. Теперь вот продавать начну. Думаю, гости заморские всё золото с Европы вонючей сюда свезут.

– Почему же он вонючая, – поинтересовался, отхлебнув первый глоток Долгоруков.

– Так им священники ихние мыться запрещают. Вот они и ходят годами грязнущие и потные. Дикие люди, – пояснил княжич.

– А твои-то как немцы? – не поверил князь.

– Приехали все во вшах и блохах, как барбоски, пришлось всех с одеждой в баню гнать и только потом в дома пускать. А потом ещё три месяца к бане приучать. Сейчас они уже и сами Европу вонючей называют.

– Чудно. Как же это не мыться годами? – всплеснула руками княгиня Долгорукова.

– Их священники говорят, что при крещении на них благодать сходит Господня, а если вымыться, то всю благодать

смоешь, – усмехнулся Пётр.

Угощения были съедены и гости стали собираться на футбол. Опять набежали турчанки, помогая княгиням и княжнам одеться.

– Откуда у тебя Пётр Дмитриевич эти басурманки? – хмыкнул боярин.

– У казаков из рабства выкупил. Пожалел. Теперь и не знаю, что с ними делать, – махнул рукой княжич.

Футбол Владимиру Тимофеевичу понравился.

– Не знаю уж, куда меня Государь отправит воеводой, но я там такие, же игрища заведу. Ты Пётр Дмитриевич, напиши, как в этот футбол играть надо.

Княгиня Долгорукая всё это время посматривала на старшую дочь. Глянулася ли ей это юноша. И судя по тому, как краснела Марьюшка при встречи взглядами с Петрушей, поразил он девичье сердце. Может и даст господь за Петрушу Марьюшку пристроить. А то ведь уже двадцать годков девке, иные-то в её годы уже по три ребёночка имеют.

Событие пятнадцатое

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов получил на следующий день после Крещения обещанные подарки из Вершилова. И как ни хотелось ему быстрее открыть сундук, но он сдержал себя и послал за матушкой и батюшкой. Отец был в Троицко – Сергиевой лавре и пришлось ждать целых четыре дня. Но в прошлый раз патриарх попе-

нял сыну, что подарки без него разбирали. Поэтому Михаил выставил сундук на середину своей светёлки и наказал дьяку Фёдору письмеца от Петруши ему не давать, как бы не страдал муками земными и небесными.

Грели душу воспоминания о проведённом «аукционе». Зрелище и, правда, было незабываемое. Тут уж Петруша точно не обманул. Дьяк Борисов вызвал гонцами всех купцов из немецкой слободы и всех «гостей государевых» и купцов Гостиной сотни. Отдельно были приглашены думные бояре. Так как народу набиралось прилично, то всё действие вынесли на улицу и для бояр поставили лавки, купцов и гостей отделили от бояр цепочкой стрельцов.

Торговлю вёл дьяк приказа Большой казны Иннокентий Скоробогатов. Царь сам прочитал ему ту часть письма Петра Дмитриевича Пожарского, в которой объяснялся принцип аукциона, и велел подготовиться. Скоробогатов долго переходил от одного подноса к другому и качал головой. Когда же ему показали чайные пары, то он чуть на колени не упал перед ними.

– Великий Государь, разве же можно это продавать? Все эти вещи надо в Тайный приказ на хранение передать.

Михаил Фёдорович глубоко вздохнул и спросил дьяка, понял ли он свою задачу. Как же не хотелось расставаться со всеми этими богатствами.

Утро аукционного дня выдалось ясным и морозным. Желающих поучаствовать собралось почти две сотни человек.

Бояре на лавках тихо перешёптывались, не решаясь при царе и патриархе выражать своё недовольство присутствием здесь купцов и иноземцев. Первым на торги вынесли поднос. На солнце цветы горели ещё жарче, они, казалось, не нарисованы на подносе, а лежат на нём. Рынды пронесли поднос по рядам под восхищённые вздохи и торговля началась.

– Великий Государь разрешил продать этот поднос за один рубль. Если есть желающие купить, пусть поднимут руку.

Желающие были все.

– Раз желающих много цена поднимается до пяти рублей. Кто хочет купить за пять рублей, поднимите руки.

Рук меньше не стало.

– Теперь цена поднимается до десяти рублей.

На этот раз рук осталось половина.

– Следующая цена пятнадцать рублей.

Многие представители гостевой сотни руки опустили. Но все двадцать гостей государевых и почти все иноземцы тянули руки. Бояре руки опустили. Дьяк предупредил их, что подносов будет одиннадцать и ушлые дядьки смекнули, что раньше, чем с третьего подноса вступать в торги глупо.

Первый поднос ушёл за тридцать рублей. Второй тоже за тридцать. Пока все покупатели были из «гостей». Склоки и крики начались, когда в торговлю включились бояре. Их уловка с «подождаанием» не сработала и теперь за каждый поднос шла драка. Третий и четвёртый достался боярам. Пя-

тый за тридцать пять рублей опять ушёл к «гостям». За восьмой сцепились боярин Морозов и Милославский с попытками вырвать друг у друга клоч бороды. Ели стрельцы и соседи разняли. Одиннадцатый купил английский купец Яков Ли.

Михаил, патриарх и старица Марфа сидели на тронах сбоку на специально устроенном помосте и наслаждались зрелищем. Прав был Пожарский. Такое не забудешь. Когда все успокоились после продажи последнего подноса за сорок три рубля, вынесли первую чайную пару и пронесли по рядам, демонстрируя прозрачность и звон.

Здесь уже, разгорячённые предыдущими торгами, все собравшиеся развернулись во всю. Стрельцы не успевали разнимать дерущихся. У многих из носа шла кровь. Боярин Одоевский так огрел посохом купца из гостевой сотни, что того унесли в беспамятстве. Только через час закончился первый на Руси аукцион. Довольных было только трое: сам Государь и его родители. Весь следующий день к Михаилу Фёдоровичу шли просители допустить только их к торговле новыми вершиловскими диковинами. Англичане пришли целой делегацией во главе с самим Джоном Мерриком и требовали, именно не просили, а требовали предоставить им первоочередное право скупать вершиловский фарфор беспопылинно. А также нанять мастеров делающих фарфор на английские мануфактуры.

Михаилу так хотелось выгнать их с помощью стрельцов из Кремля, но понимая важность торговли с Англией и пом-

ня заслуги самого Джона Меррика при заключении Столбового мирного договора со шведами, пришлось выслушать купцов и пообещать снизить пошлину с пятины до одной шестой. Купцы ушли недовольные. А Михаил потирал руки. Фарфор – это не пенька и не зерно. Это огромные вливания в казну.

Наконец всё царское семейство собралось перед сундуком с подарками молодого Пожарского. Дьяк протянул Государю конверт с письмом от княжича. Михаил достал ключ и открыл заветный сундук. Как и в первый раз сверху были подносы. Они в красоте не уступали первой партии, но среди них было два подноса с рисунками вместо цветов. На одном подносе на смотревшего мчалась тройка. По бокам лошади были соловые, а в центре вороной конь закусил удила и оливковыми глазами прямо буравил того, кто на него смотрел в это время. Хотелось положить поднос и отойти, а то укусит ещё.

На втором подносе, на берегу реки женщина полоскала бельё. Только река была не наша и развалины какого-то древнего храма с колоннами позади женщины говорили, что это, скорее всего Италия. Вся картина была залита солнцем. Так и хотелось очутиться рядом с прачкой и зайти в эту прохладную речку.

После подносов был ещё железный лист, но без закруглённых краёв, а на нём был изображён в этой, же манере,

Иисус, который вытянул вперёд правую руку с двумя перстами, как бы собираясь перекрестить того, кто стоит перед ним. На чёрном лаковом фоне железного листа Спаситель не выглядел живым, он и был живой.

Патриарх Филарет после того, как всё семейство дружно троекратно осенило себя крестным знаменьем, взял икону и, прокашлявшись, сказал:

– Мишенька, вели Петруше, чтобы его мастера тако же ещё и Матерь Господню изобразили. Хоть и немцы лик святой писали, а чувствую, что наша она православная.

– Хорошо бы мне в Вознесенский монастырь такую-то красоту, – не удержалась и старица Марфа.

– Как же у Петруши получается, что чтобы не сделали по его указу, всегда выходит лучшая на Руси вещь. Да и не только на Руси. Вон купцы заморские по пятам ходят за мной, чтобы я им в Вершилово доступ открыл? – в который раз задал себе вопрос Михаил Фёдорович. На этот раз вслух.

– Ты не вздумай, Миша, немцев в Вершилово допускать, – цыкнул на него Патриарх, – И надо бы ещё стрельцов туда послать. Готовь сотню молодых у кого не больше одного ребятёнка. Пусть вместе с семьями выступают через седмицу. Петруша ведь опять летом, я слышал, на Урал камень собирается. Так хоть будет, кому мастеров вершиловских в случае чего защитить.

Михаил кивнул дьяку Борису и продолжил доставать

подарки. Дальше был опять резной сундучок с фарфором. Только теперь были не просто чайные пары, а как бы набор из шести предметов. Два блюдца, две чашки и кроме того длинный прямоугольный подносик, на который кроме чашек ставилась ещё и маленькая вазочка для мёда. Все предметы были сделаны с одним рисунком, и внизу каждого предмета теперь была надпись «Пурецкая волость».

– И тут не обманул Петенька, – любовно оглядывая набор, воскликнула старица, – Эти-то гораздо лучше тех, что продали.

Кроме шести наборов в сундучке ещё находилось три больших блюда. В отличие от чайных наборов блюда были не с синим рисунком, а трёхцветные. Синие и красные цветы были собраны в букет. Цветы были на бледно-зелёных ножках, и в букете были и просто зелёные веточки какой-то травы.

– Если чайные пары разобрали с мордобитием за сорок и пятьдесят рублей, то, сколько же такое блюдо стоит? Поди, все сто? – Михаил погладил цветы на блюде, – Красивши живых.

– Эти продавать не будем, – зыркнула на царя мать.

– Да я и не собираюсь, матушка. Я их и показывать «гостям» или иноземцам-то боюсь. Ещё войну устроят.

Теперь настала очередь письма от Петра Дмитриевича.

Великий Государь хочу попросить тебя, – писал после приветствий Пожарский, – Те деньги, что выручил от аук-

циона, потрать на строительство приюта для беспризорников, что по Москве бедуют. Найми несколько женщин, чтобы они им еду варили и обшивали да обстирывали. Кроме того найми несколько иноземцев, чтобы учили детишек иностранным языкам, английскому, немецкому, голландскому, да французскому. Наши дьяки или подьячие пусть счёту и письму выучат, а назначенные патриархом монаси, которые пограмотнее, слову божию. Ещё стрельцов поопытнее к ним приставь, чтобы воинскому делу учили. Детишек набери в возрасте семи – восьми годков и пусть их до пятнадцати лет обучают. Больше двух десятков не набирай. И будет у тебя, Государь, через семь лет готовые толмачи, которые и здесь на Руси переведут слова иноземцев и отправить их с посольством можно в земли любые. Самое же главное станет на двадцать душ тебе преданных больше и на двадцать татей или побирушек меньше.

Ещё, Государь, сообщи об этом деяние боярам, да князьям и объяви, что кто сделает так же, то ему патриарх знак особый пожалует. Знак этот назови медалью. Одна такая медаль лежит на дне сундучка в коробочке. Может и не дорос я ещё советы Государю, да патриарху давать, только говорят, что так турецкий султан поступает, и самые лучшие воины янычары из таких детишек и вырастают у него. А ведь он, почитай, уже половину мира заграбастал. За сим откланиваюсь. Не гневайся Государь на неразумного.

Медаль была в коробочке. К серебряной пластинке с за-

колкой на цепочке из трёх звеньях был прицеплен кружок из серебра и на нём выгравировано «за дела угодные госпо-
ду». С другой стороны был крест с распятым Иисусом.

– Не гневайся, Государь, на неразумного, – повторил Филарет последнюю строчку письма. – Правду говорят, что Соломону впору у маркиза нашего учиться. Дай бог ему долгих лет. Строй приют, Миша. А с боярами я уже поговорю. За такую «медаль» одного приюта на Москве мало, пусть второй в другом, каком городе открывают. Скажу потом, сколько медалей Петруше заказать.

Событие шестнадцатое

Колокол получился. Пётр Дмитриевич Пожарский стоял рядом с мастером колокольным Иваном Самсоновым и уже прикидывал, где брать огромное количество меди и олова. В фильме про Царь-колокол, стоящий в Москве в Кремле, как экспонат музея под открытым небом, говорилось, что главная причина того, что колокол лопнул при пожаре – это использование при литье бронзы от старых колоколов. Чтобы получить качественный колокол, нужно лить из свежих материалов и чтобы в олове и меди было меньше примесей. Процентное соотношение 80 на 20 Пётр запомнил. Он переговорил об этом с Самсоновым ещё при закладке барака, в котором мастера будут работать, не под открытым небом ведь зимой колокола лить. Решили попробовать сначала на меленьком 26 пудовом «колокольчике».

Пётр свёл Самсонова и иконописцем Иоакимом Прилукиным и резчиком по дереву Сидором Щеглом.

– С четырёх сторон колокола должны быть иконы, а по верхнему и по нижнему поясу надпись, слова из какой ни будь молитвы. Нарисуйте, позовёте, – дал задание мастерам тогда княжич и переключился на фарфор.

Через несколько дней рисунки были готовы, княжич посмотрел их и утвердил.

– Теперь делайте модель из дерева.

– Мы же всегда по лекалу льём, – запротестовал Самсонов.

– А теперь будете по модели, – обрадовал мастера Пожарский.

Соседом по даче у бывшего генерала Афанасия Ивановича был литейщик, Точнее мастер литейного цеха. Иногда летом, когда дождь работать не давал они с Олегом Петровичем «пробовали» настоечку, которую делала жена соседа, и разговаривали на разные темы. В конце концов, темы всегда съезжали на литьё, в том числе и на литьё колоколов. Вот Пётр и решил применить все накопленные таким образом знания.

– Модель должна быть очень гладкая и покрашенная, а буквы и иконы крепиться к ней на деревянных шпёнках и легко сниматься, чтобы они остались, когда будут извлекать модель, в земле.

Пётр объяснил мастерам, что такое опоки, как их сделать из досок и как сделать модель, чтобы её формировать в двух опоках. Понятно, теория теорией, а практика – это практика. Приходилось постоянно изобретать велосипед, вспоминать, задушевные разговоры с соседом. Несколько раз Пожарскому хотелось плюнуть на это и сказать Самсонову, чтобы делал, как привык. Но теперь уже Иоаким Прилукин загорелся. Пришлось напрячь все извилины и княжичу. Модель сделали с пятой попытки. Она получилась небольшая. Если на метры переводить, то чуть меньше полуметра в диаметре и метр в высоту. Сделали опоки, установили модель на плац, засыпали формовочной землёй и утрамбовали. Попробовали расшатать модель и снять опоки. Верхняя снялась легко, было всего два срыва на буквах. Подняли на верёвках нижнюю опоку с половиной модели и тут приличный кусок земли выпал вместе с моделью. Пётр вспомнил, про непонятное слово «шпросы», любимое ругательство соседа. Планки это такие, не дающие земле выпасть и сам дошёл до обратного уклона опоки.

Заформовали повторно. Опять выпал кусок. На этот раз причина оказалось в слишком тугом креплении икон к модели, ослабили шпены и заформовали снова. Мастера ругались над дурацкой придумкой ничего в литье не смыслящего боярича. Но теперь уже Петра вело упрямство. С десятого раза или с одиннадцатого, но форма получилось. Изготовили стержень, на этот раз по лекалу. Но Пётр прика-

зал модель тоже делать. Собрали опоки в форму. Генерал опять вспомнил, как сосед рассказывал про «закрытую ледниковую систему», чтобы воздух не попал в отливку и заставил Самсонова это попробовать. Расплавили олово и стали добавлять медь до 80 процентов. Заливали глубокой ночью. Пока металл расплавился. Да ещё Пожарский вспомнил, про «дразнение». Этот смешной термин тоже запомнился из рассказов соседа. Это когда в бронзу берёзовую палку суют. Бронза при этом булькает недовольная тем, что её «дразнят». При этом окисляется оловянная кислота и выгоняется из металла кислород.

Колоколу дали остыть до температуры помещения и вот через два дня после заливки аккуратно вытряхнули из остатков полусгоревших опок и спёкшейся земли.

Самсонов обошёл колокол и низко поклонился княжичу.

– Прости, Пётр Дмитриевич, неразумного. Не верил я в твои придумки. Даже когда заливал, не верил. Теперь ведь, что, получается? Нет этому колоколу равных на Руси. Все гладкие льют. А тут красота такая. Заказов можно на годы вперёд набрать.

– Это мы с маленьким колоколом справились. В игрушки, можно сказать, играли. Теперь нужно пятидесятипудовый отливать, – остудил мастера Пожарский.

– Что ж, завтра и начнём, – перекрестился Самсонов.

– Так иконы и буквицы вдвое больше будут? – спросил Сидор Щегол, любовно оглаживая одну из икон, – Не ду-

мал я, что моя забава с резьбой птичек вот в такую красоту выльется.

– Великое дело вы мастера совершили, – троекратно перекрестил всех отец Матвей, пришедший посмотреть на рождение нового колокола, – Господь ведь с небес красоту эту увидит и не забудет о тех, кто сотворил сие. Молебен сегодня отслужу о здравии вашем и благословляю на дальнейшие свершения.

Событие семнадцатое

Никанор Михайлович Шульгин, а теперь дворянин Никита Михайлович Шульга ехал из своей новой вотчины в глубокой задумчивости. Получалось, что жил он все свои немалые уже годы неправильно. Происходил он из рядовых детей боярских Луховского уезда Костромской губернии. И дослужившись до первого дьяка в Казани, считал, что достиг потолка своих возможностей. В смутное время ему удалось даже и воеводой стать. Только вот поставил не на того. Нужно было держаться вновь избранного царя Михаила Романова. Только цари и избранные и самозванные менялись с такой скоростью, что, поди, разберись. Кто ж знал, что Михаил Фёдорович усидит на троне.

Теперь сыновья в ссылке, а он непонятно где. Нет, село называлось Вершилово, и было оно всего в полутора десятках верстах от Нижнего Новгорода. Только всё в Вершилове было настолько непривычное, что Шульгин иногда не верил

в реальность происходящего. Как будто в сон попал и всё проснуться не может. Главная странность была в людях. Они все спешили. Куда? Нет, они не бегали бегом. Хотя, и бегом бегали. Но спешили они сделать побольше, а не куда-то конкретно.

Стрельцы весь день тренировались – спешили стать хорошими воинами. Никанор Михайлович вспоминал своё войско из казанских стрельцов и служилых татар. По сравнению с этими стрельцами это были безногие слепые калеки. Но калеки те мнили себя войском, а эти, в сотни раз превосходящие их по воинским навыкам, всё тренировались и тренировались. Царь прислал новых стрельцов и теперь обученные стрельцы взяли себе десятки и тренируют их, но опять не сидят и покрикивают, а пример показывают. Эта сотня стрельцов остановит и тысячу того сброда, что все кроме вершиловцев считают войском.

Даже немецкие рейтары заразились этой болезнью. А местные пацаны, которым сейчас от пятнадцать до двадцати. Эти отрываются от хозяйства и бегают и тренируются в стрельбе хотя бы по паре часов. Сначала бывший воевода не мог без улыбки смотреть на утренние пробежки пожилых немцев и голландцев, затянутых в общую круговерть. И вдруг оказалось, что и ему надо бегать по утрам и ходить пить лекарственные отвары к травницам. И ведь это работает. Он сейчас чувствует себя не на свои сорок пять, а как бы и не вдвое моложе.

А управляющие и мастера Вершилова, эти как с самого утра впрягаются в работу, так дотемна с двухчасовым дневным перерывом и крутятся. Они словно присутствуют сразу в нескольких местах. То слышен голос Крчмара от строящегося храма, а вот уже он мелькает среди печей на берегу Волги, а ещё через пару минут он ругается со строителями, что возводят дома для евреев. Тоже загадка, зачем они княжичу Пожарскому.

Само Вершилово, словно город из сказки. Чистота порядок, нет татей, ходи себе всю ночь по улицам, никто тебя и пальцем не тронет, наоборот, поинтересуются, не случилось ли чего, может, помощь нужна. Нужна помощь, объясните, куда он попал! Дом, что выделили бывшему дьяку государеву, был не большой. Но в нём было две печки, топящиеся по белому. Только хозяйки и не хватает. Сначала Шульгин присматривался к местным девушкам в церкви, но сложилось иначе.

Княжич попросил его заниматься с купленной вогулкой русским языком, а у неё учиться вогульскому. Никанор Михайлович проникся, на самом деле, как управлять отрезанным от Руси городом среди вогулов и не знать их языка, хотя бы немного. Во время занятий он привязался к этой простой девчонке. Она была красива своей азиатской красотой и главное она была похожа на него. Девушка тоже всему удивлялась в Вершилово. Они могли бы на пару ходить по улице с раскрытым ртом.

Девушку звали Нены. Местные монашки, что взяли над ней шефство переименовали вогулку в Надю. Надя оказалась беременна, скорее всего, от одного из стрельцов, что оставался на перекатах, при разведке на Урал камне.

Никанора Михайловича, полюбившего девушку, это не остановило, и, окрестив её в православную веру, он в этот же день женился на ней.

Сейчас в конце января, получив дворянство и вотчину из шести дворов, Никита Михайлович Шульга стал задумываться, что он ведь ничего толком не умеет из того, что потребуется, чтобы создать город на новом месте. Он стал всё свободное время проводить с Крчмаром или с Зотовым. Раз в неделю обязательно встречался с Полуяровым и расспрашивал того о выведении новых сортов злаков. Крестьянам нового дворянина не стали строить дома по образу Вершиловских, Шульга уговорил их перебраться с ним в Миасс, там сразу всё и построят. Осталось потерпеть четыре месяца, даже поменьше. Как лёд вскроется, так и отплываем.

Никита Михайлович пришпорил коня, надо спешить. Сегодня ещё с печами по производству извести разбираться. Он заболел общей болезнью. Бывший государев дяк теперь ничего не успевал.

Событие восемнадцать

Семён Силин, гончар из Арзамаса, что рассказал о белой глине и синей краске с берегов реки Гжелки, всё не мог

понять, зачем с ним так носятся. Ему год назад выделили большой тёплый дом с двумя печками, привели на двор двух коров и лошадь. Потом чуть погодя ещё привели двух коз. Снабдили кормами животных, а им выдали несколько мешков муки и различных круп. Прямо какая-то сказка получается. Только через месяц к нему в дом заглянул княжич Пожарский и спросил Семёна, грамотный ли он. Семён грамоты не знал. Пётр Дмитриевич, посмотрел на свистульки, которые лепил гончар, покачал головой и велел Силину ходить по вечерам в школу для взрослых.

К весне Семён обжился в Вершилово, завёл знакомых и осилил грамоту. Работы с него по-прежнему никто не спрашивал. Семён продолжал лепить свистульки и обжигать их в печи для обжига кирпича, на берегу Волги. С мастерами по кирпичу свёл Семёна его благодетель, управляющий княжича, Онисим Петрович Зотов.

Следующий раз Пётр Дмитриевич Пожарский посетил Силина в марте. На этот раз с ним была местная достопримечательность, резчик по дереву Фома Андронов, больше известный как – Фома Безухий. Княжич сказал, что бы Семён до осени учился у Фомы делать фигурки и вообще владеть резцом. Семён и сам пытался делать фигурки из дерева, но возиться с глиной ему нравилось больше. Тем не менее, он с того дня прилип к Фоме и перенимал у того все тонкости мастерства. Он даже помог ему сделать вторую пару медведей, взамен вывезенной князем Пожарским.

Когда начали делать фарфор, Семёна приставили к гончарам, и он вместе со всеми проводил опыты по выделке первых фарфоровых блюдец и чашечек. И вот вчера, наконец, Силин был вместе с Фомой и ещё одним резчиком Сидором Щеглом приглашён к княжичу в терем. Там уже были голландский художник Рубенс и иконописец Иоаким Прилукин.

– Хочу я кроме чашек и блюдец из фарфора фигурки разные делать, – начал княжич, оглядев собравшихся.

– Так, а мы-то тут зачем, князь батюшка? – не понял Андронов.

– Сейчас всё расскажу. Нужно чтобы художники, – он посмотрел на Рубенса и Прилукина, – Нарисовали фигурки девушек. Скажем, царицу русскую и не просто, чтобы она стояла, а пусть она, скажем, в зеркальце смотрится. Потом боярышню. Эта пусть вышивает. Купчиху ещё. Эта девица, пусть со щенком играет. Ну и крестьянку. Эта девушка пусть сидит на травке и веночек плетёт. Понятно ли? – княжич обратился к Прилукину.

– Попробуем, – неуверенно ответил иконописец.

– Резчики из дерева должны этих девиц вырезать одинаковой высоты, скажем, вершок. А Семёну потом с их помощью нужно залить всё гипсом и сделать формы для отливки из фарфора. Тут главное, чтобы формы разнялись. Для этого острых краёв не должно быть на фигурках и сильно выступающих частей, Теперь понятно?

– Сделаем, князь батюшку, не сумлевайся – теперь более уверенно кивнули резчики. Щегол про формовочные уклоны уже наслушался, он и икону для колоколов резал.

– Ну, а уважаемый Пётр Павлович Рубенс пусть сделает те же персонажи только европейские. Принцессу заморскую нарисует, только не с зеркальцем, а с розой, например. Дочь графа. Дочь аптекаря. Прачку молодую с бельём. Ну и крестьянку с серпом. Всё это в национальных голландских или немецких костюмах. Сможешь Пётр Павлович?

Рубенс ещё достаточно плохо говорил по-русски, и переводчиком ему служила старшая дочь.

– Папа, а мне такую куколку дадут? – захлопала в ладоши девочка.

– Сколько же такая куколка стоять будет, – хмыкнул голландец, – Поражаюсь я тобой маркиз, такая богатая фантазия, как ты это придумал?

– Да вот посмотрел на фигурки Семёна и придумал, – кивнул на Силина княжич, так что мастера, сможем мы девочке таких куколок наделать. Только учтите, что красок у нас пока немного. Есть синяя, есть светло-зелёная, сможем сделать серую и чёрную. Да, и ещё красная и коричневая. Вот из этих цветов и исходите.

Вот с этого дня Семён и почувствовал себя настоящим жителем Вершилова. Он сначала пропадал с голландцами. Их было больше и фигурки они нарисовали быстрее, буквально через два дня. Попробовали их вырезать. Кое-где

уклон не получался. Опять перерисовывали. Снова резали. Затем подошли и русские фигурки. И здесь с первого раза не удалось. Только через две седмицы заформовали первую девушку. Ею оказалась голландская прачка. Попробовали разнять полуформы. Нет, Все сломалось. Тогда позвали княжича.

Пожарский долго разглядывал фигурку и остатки отливки.

– Попробуйте голову заформовать отдельно, а потом склеить тем же шликером, – вынес, наконец, решение Пётр Дмитриевич.

Попробовали. Срыв был в районе правой руки. Тогда и руку заформовали отдельно. Получилось! Собрали фигурку и поставили в печь вместе с чашками. Каково же было разочарование, когда печь открыли. Прачка потрескалась. Попробовали снова. И опять тот же результат.

– Нужно собирать фигурку как можно быстрее и сразу ставить в печь, – предложил один из гончаров.

Попробовали, конечно, почти не веря в успех. И ведь получилось. Наделали десяток прачек. Из них вышло семь. Это был успех. К тому времени и ещё две фигурки подошли от резчиков. Эти сразу разделили на части. Так и пошло. Скоро девушек набралось на целую садку печи. Их отдали художникам на раскраску и, окунув в шликер, поставили в печь.

Когда пришло время доставать фигурки из печи, собра-

лись все и художники, и резчики и гончары. Княжич пришёл с Зотовым и Крчмаром. Дверцу печи открыли, достали бережно одну за другой все фигурки. На этот раз потрескалась только одна.

Это было чудо. Эти девушки так отличались от свистулек Семёна, как золотой кубок отличается от комка грязи. Рубенс заплакал, держа в руках свою принцессу с тремя розами: синей, красной и белой. А Семёну больше всего понравилась русская купеческая девушка, играющая со щенком. Хотя прачка, с которой намучились больше всего, тоже была хороша. Перед ней была синяя вода и белое бельё, что она полоскала, прямо горело чистотой на фоне её красного платья.

– Господин маркиз, можно я подарю одну дочери? – робко попросил плачущий Рубенс.

– Не так. Через пять дней у нас 8 марта. Я хочу сделать этот день женским праздником. Завтра я об этом объявлю в церкви после службы. В этот день все мужчины должны делать своим матерям, жёнам и дочерям подарки, а женщины надевать лучшие платья и прогуливаться по селу, демонстрируя красивую одежду, золотые украшения и свою красоту. Давайте напряжёмся и за эти пять дней наделаем девушек для большего числа женщин. Следующие пять дней Семён Силин потом и вспомнить не смог, он спал по несколько часов урывками, да и то не каждый день. Очнулся он от этого аврала только на службе в церкви 8 марта. Пожарский на-

звал этот праздник новый, днём заботы Богородицы обо всех женщинах. Отец Матвей провёл молебен, и началось вручение подарков. Конечно, всем женщинам и девочкам фарфоровых фигурок не досталось. Население Вершилово далеко перевалило за две тысячи. Недавно ещё приехало сто стрельцов с семьями. Сейчас строители сразу несколько улиц продлевали. Но Семён был собой доволен, он выдал двести десять фигурок. Вот зачем он нужен в Вершилово. Он мастер.

Событие девятнадцатое

Петра Пожарского вызвал к себе через гонца Трофим Силыч Акинфиев новый Государев дьяк в Нижнем Новгороде. С ним за пять месяцев, пребывания в Вершилово после возвращения с Урала, Пожарский так и не удосужился встретиться. Финансовыми делами занимались Зотов и Крчмар. Ювелиры свои деньги тоже сами считали, так что вроде бы ничего плохого от этого вызова Пожарский не ждал. А оказалось.

Дьяк Трофим Акинфиев сидел в Новгородском Кремле в тех же покоях, что раньше занимал Фёдор Фёдорович Пронин. Пётра проводил в горницу подьячий и плотно запер за ним дверь.

– А, Пётр Дмитриевич, – поклонился ему дьяк, – Что-то избегаешь ты меня. Не хорошо это.

– Да дел много, – нейтрально ответил Пётр.

– Наверное, поэтому и пятину забыл заплатить? – криво

улыбнулся дьяк.

Был он невысок и ещё не стар, но при этом почти совершенно лыс, зато большая рыжая борода восполняла недостаток волос на голове. Глазки у дьяка были карие и хитрые.

– Мне управляющие докладывали, что за февраль полностью всю пятину выплатили, – пожал плечами Пожарский. Акинфиев ему определённно не нравился.

– А как же пятина за подарки твоим людям? Они, конечно, не платили, но товар произведён и за него в казну пятина положена, – прискорбно сообщил дьяк.

Пётр не разбирался в законах, но что-то в голосе дьяка его насторожило, и он решил проверить.

– Хорошо. Я посчитаю, на какую сумму сделал подарков в феврале и управляющие внесут одну пятую от стоимости, – дьяк улыбнулся, но Пожарский продолжал. – Это с теми подарками, что подарены жителям Вершилово. А вот с остальными придётся немного подождать. Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков сейчас в Москве. Мой отец в Великом Новгороде воеводой. Я им, конечно сегодня же письмецо напишу. Да, ещё ведь патриарх Филарет, Великий Государь Михаил Фёдорович и матушка его – Государыня Марфа. Я им тоже сегодня же письма напишу и попеваю, что пятину они забыли заплатить. Ну, десять дней туда гонец будет мчаться. Да ещё десять дней назад, хотя, думаю, назад и быстрее царёв гонец долетит с посланием тебе. Государь, чай его подстегнёт. Негоже ему в должниках хо-

дить, – Пётр говорил и смотрел, как изменяется лицо у дьяка. Из довольного и хитрого оно по мере перечисления получателей подарков приобрело сначала встревоженный вид, потом на нём обильно выступил пот, затем отобразился ужас, и, наконец, лицо исчезло, так как начало целовать валенки у Пётра Дмитриевича.

– Пётр Дмитриевич, отец родной прости меня грешного. Лукавый попутал. Не надо никому письма писать. Это всё жена, зудит, достань ей фарфор вершиловский и всё тут. Вот я и придумал, дурак, с этой пятиной. Прости, Пётр Дмитриевич, рабом твоим вечным буду.

Ну, вот, оказывается, что чиновники в семнадцатом веке ничуть не лучше, чем в двадцать первом. Мало им заработка им ещё и с бизнеса откаты нужны.

– Встань, дьяк, не позорься, взрослый вроде человек. Давай мы с тобой так поступим, – Пётр поднял сопротивляющегося Акинфиева и усадил на лавку напротив себя, – Я скоро уезжаю на Урал, а здесь у меня есть дела, которые моим управляющим тяжело будет делать. Хочу я дорогу от Нижнего до Гороховца протянуть такую же, что и от Вершилово до Нижнего Новгорода. Денег сколько надо, тебе Крчмар будет выделять, а ты найми честного управляющего, да людей тех, что уже дорогу строили, чтобы она не хуже получилась. Камень уже сейчас нужно начинать дробить, чай кандальники уже пузо отъели. Кормить их нужно хорошо, на это тоже денег выделю. Когда вернусь, посчитаемся. Если дорога бу-

дет готова и деньги на неё не разворованы, а я купцов найму, чтоб проверили каждую копеечку, то забуду я Великому Государю письмецо отправить с требованием пятину заплатить, – Пётр перевёл дух и продолжил, – Ещё совет тебе хочу дать, дьяк. Видел, ведь как предшественник твой поднялся? Ты с ним переговори об этом. Это первый совет, а второй такой. Денег у тебя теперь под рукой много, весь Владимирский тракт купцами, что в Вершилово за диковинами едут, забит. Так вот совет. Ты возьми, да от Гороховца дальше дорогу проложи такую же, на государственные деньги. Скажем до Вязников. Уверен, когда Государь узнает, кто строил, и дороги те увидит, а он обязательно вскоре захочет Вершилово посетить, то увидев дороги, непременно захочет наградить того, кто это сделал. А может и Приказ отдельный создаст по строительству таких дорог по всей Руси. Можешь и ты главой того Приказа оказаться, ну или товарищем главы. Подумай над этим, Трофим Силыч. Что же до фарфора. Хорошо. Привезут тебе завтра чайный набор, две чашки, два блюда, вазочку для мёда и подносик.

– Всё в точности исполню, Пётр Дмитриевич, даже не беспокойся за дорогу, – снова сиял лысиной Государев дьяк.

Событие двадцатое

Марты забеременела. Пётр чего-то подобного ждал. Началось всё ещё в октябре. Неделю он прожил в церкви у священника отца Матвея. У того было несколько свободных

комнат и помолодевший от регулярного посещения травниц дед с удовольствием приютил Петра. Когда же дом для Рубенса был закончен и Пётр решил переехать назад к себе, то прогулявшись по опустевшим комнатам, решил сначала сделать капитальный ремонт. Комнату для турчанок оббили дорогой парчовой тканью и постелили на пол несколько ковров. Для своей спальни Пётр заказал большую, шириной в два метра, кровать с матрасом, набитым конским волосом, и сверху уложенной периной. В гостиную сделали огромный круглый стол с резными ножками и дюжину резных стульев. В этом времени на Руси такие были только у царя и назывались тронами. Да ещё Пётр их и усовершенствовал, сделав мягкое сидение, тоже набитое конским волосом за неимением поролон. В кабинет он заказал у плотников обычный для 21 века диван с огромными спинками и подлокотниками. Все опять упёрлось в поролон. Заменяли конским волосом и перьевыми, простроченными, чтобы перо не стекало вниз, подушками. Когда всё было готово, то есть ещё через неделю, Пётр и перебрался домой.

В первую же ночь гарем заявился к нему в полном составе. Ну не прогонять же их. Девушки так соскучились по любимому мужу. Только через пару дней круглосуточного секса княжич сообразил, что так и до детей не далеко, он поговорил с травницами и отправил к ним проказниц, чтобы девушкам прописали противозачаточные отвары. Только вот с Марты он, похоже, опоздал. Надо было предпринимать ме-

ры.

Для начала княжич уселся на диван и стал думать. Допустим, он женится на Марии Долгорукой. Это произойдёт только через год. Значит, как минимум год он будет пользоваться гаремом несчастного купца. А вот потом. Попробовав жить с гаремом, Пётр понял, что одной только жены ему явно будет не хватать. А как отнесётся боярышня к трём конкуренткам? Вопрос. Значит, нужен огромный дом, типа Зимнего дворца, чтобы жены и не жены пореже встречались. Сейчас строительство его нового дома заморожено. Зимой деревянный дом можно строить, а вот кирпичный не получится, если не хочешь, чтобы он развалился. Только вот его новому дому до Зимнего далеко, придётся ещё и крылья пристраивать. Княжич сходил, осмотрел площадку и зарезервировал себе место для продолжения строительства. Ну, в доме длиною почти полкилометра должна найтись комната другая для турчанок.

Теперь нужно решить вопрос веры. Пётр переговорил с девушками и те за полкило золотых цацек легко приняли правильное решение о переходе в православие. Тем более что кружок рукоделия и кружок пения открытый в храме монашками они исправно с радостью посещали.

Третий вопрос заключался в статусе будущих возможных детей. Пётр позвал к себе в гости Замятия Симанова и под стопочку мёда и чашечку чая, которую и подарил подьячему, уговорил того найти ему не очень далеко трёх вдовцов

при смерти из мелкопоместных дворян. Оказалось, что таких как раз трое и есть в Жарской волости. Правда, у всех имелись наследники. Ну, их вотчины в четыре-пять дворов маркиза Пожарского совсем не интересовали. Он объехал всех старцев и за новые дома для крестьян, терема для дворян и сто рублей серебром уговорил дедушек жениться на его новообращённых девушках. Айсу при крещении получила имя Анна. Анька значит. Берку переименовали в Веру. Получается Верка. А Марты стала Марфой, по-простому Марфушей. Хотел сначала Марией назвать, но одумался, ещё путать с женой начнёт.

Свадьбы провели скромные, да и где пировать, если в маленьких домишках три поколения дворян обреталось. Понятно, что брачные ночи проходили у Петра в тереме и без участия мужей, но с маркизом в главной роли.

Решив вопрос с гаремом, Пожарский опять позвал Симанова, и попросил подыскать ему из совсем бедных дворян или детей боярских двух смекалистых юношей, которые и появились у него вскоре. Он переговорил с парнями и отправил их в вечернюю школу, а днём всюду таскал с собой, готовил будущих менеджеров. Нужен будет управляющий, что непосредственно займётся фарфором и второй, что будет руководить на стекольном заводе. Зотов уже со всем разросшимся производством не справляется. На нём останутся печи, известь, кирпич и черепица, и литейная мастерская. Одного будущего управляющего звали Андрей Фёдорович

Квашнин, и он был внуком одного из женившихся на старости лет дворян. Теперь Матры звалась Марфой Петровной Квашниной. Второй юноша был из детей боярских и пока его стекольное производство всё не начиналось. А пора бы уже, а то скоро на Урал.

Но только вчера Петра осенило. Он всё не знал, как в этом времени можно сделать трубку для стеклодува. И вот вчера ему пожаловались, что от частого применения диаметр ствола у мушкетов сильно увеличился. Пётр отправил в Москву десяток стрельцов с огромной казной, ведь мушкет стоил не меньше трёх десятков рублей, за пятьюдесятью мушкетами, а сам с одним из мушкетов полетел в Нижний к кузнецу, чтобы тот из дорогущего оружия сделал никому не нужную трубку.

Событие двадцать первое

Симон Стивен за все свои семьдесят лет не был занят так, как за последние пять месяцев никогда. Как и всем пожилым переселенцам ему каждый день три раза приходилось ходить к травницам пить лечебный отвар. При этом только приставленный к Симону стрелец следил за временем, сам математик был настолько занят, что забывал о времени. Этот же стрелец, Кирилл Авдонин, заставлял Симона бегать по утрам, даже в ужасающий мороз. Сначала они ходили просто шагом, но скорость увеличивалась каждый день и вот уже и пробежки начались. Теперь же через пять с лишним

месяцев учёный уже пусть не быстро, но пробегает все две версты.

Стивен ворчал на стрельца, но ведь он приехал именно поправить здоровье и прожить подольше. Поэтому приходилось всё терпеть, даже издевательства в бане и массаж этой турецкой рабыни маркиза. Улучшения состояния Симон не замечал, даже казалось, что ему становится хуже, мышцы болели и голова иногда кружилась. А теперь? Теперь он пробежал две версты, он приседал на зарядке по пятьдесят раз, и он практически перестал страдать от болей в голове.

Здоровым и молодым математик себя не чувствовал, но положительную динамику заметил. И ещё ему постоянно хотелось работать, чего не было уже несколько лет.

Маркиз загрузил Стивена работой с первого же дня, как вернулся, вернее со второго. Нужно было сделать чертежи ветряной и водяной мельниц. Симон вспомнил молодость и выдал чертежи. Сейчас уже десяток ветряных мельниц сложенных из красивого обожжённого кирпича под черепичными крышами украшают берег Волги. Даже красивее чем в Нижних Землях. Потом Пожарскому понадобился простенький токарный станок с ножным приводом для изготовления моделей фарфоровых чашек. Симон не спал пару ночей и вот станок готов.

В благодарность Пётр Дмитриевич принёс ему один из первых фарфоровых сервизов, расписанных яркой голубой краской. Две чашечки для чая (китайский напиток), два

блюдца, вазочка для мёда, подносик, чтобы всё это ставить на стол и большая тарелка для сыра и хлеба. Всё это было разукрашено Рубенсом. Рисунок везде повторялся. Это был огромный дуб занесённый снегом и рядом стояла ветряная мельница с шапками снега на крыше и остановленных крыльях. Красиво? Да, нет, бесподобно. Любой европейский монарх отдаст последние штаны, чтобы владеть таким сервисом. А ведь в этом сокровище есть частичка труда и самого Стивена.

Вообще, Симон, кажется, понял, в чем секрет успехов маркиза. Он не делает ни чего сам. Как бы бился мастер в Европе, чтобы сделать такой сервис. Он бы сам пытался вылепить чашки, сам обжигал, сам раскрашивал. И что бы получилось? Грубая поделка. Здесь лепили лучшие гончары, потом модели дорабатывали на токарном станке, раскрашивал фарфор сам Рубенс. Даже если у маркиза украдут секрет фарфора, то повторить его шедевры будет не просто. Не много Рубенсов осталось в Голландии. А сколько там токарных станков? Ещё меньше чем Рубенсов. Ноль.

Сейчас Стивен бился над учебником математики для детей. Очередная грандиозная выдумка Пожарского. Никто до такой простой вещи ещё не додумался. Да, он написал книгу про дроби. Но это не было учебником. Она была для специалистов. А здесь. Сложение чисел. И несколько примеров. И задачи для самостоятельной работы. Деление. И тоже примеры и задачи. И так со всеми действиями. Ко-

гда дошло до десятичных дробей, то маркиз, регулярно проверяющий и корректирующий работу над учебником, словно он уже видел подобный, предложил оригинальную запись дробей, целые числа отделялись от дробной запятой. Гениально! Как сам Симон до этого не додумался. Никаких разрядов, всё предельно просто.

Недавно маркиз привёл к нему женщину, ещё не старую, лет тридцати пяти и сказал, что теперь она будет заниматься хозяйством у Стивена. Женщина была из русского дворянского рода. Муж её погиб на войне с поляками, а ребёнок умер от оспы. Она билась одна с хозяйством несколько лет, но еле перебивалась с воды на хлеб. Пожарский выкупил её вотчину из трёх дворов и уговорил идти управляющей хозяйством в дом к математику и дал в помощницы для грязной работы одну из её бывших холопок, девчонку лет пятнадцати.

Женщина пришла к Стивену почти в лохмотьях. Математик взял из сундучка, регулярно пополняемого Пожарским, горсть денег и попросил старосту Вершилова Коровина дать ему сани с возчиком до Нижнего Новгорода. Вдову звали Мария Прокопьевна. Они долго бродили по рынку, и купили ей целую гору отрезов на платья и другую одежду. Жена у Симона давно умерла, дети тоже и он впервые за много лет почувствовал себя счастливым от того, что может заботиться о ком-то.

Ещё они накупали целый воз посуды и других «про-

сто необходимых в хозяйстве вещей» и как только раньше без всего этого справлялась старушка ведшая хозяйство у Стивена. Бабка Лукерья тоже осталось в доме, ничего, терем большой, всем места хватит. Мария была красива. Симон вообще заметил, что русские женщины и особенно девушки гораздо красивее немок или голландок. Там таких просто сжигали как колдуний. Его Марию сожгли бы уж точно. За последнюю неделю математик так привык к русской красавице, что уже не представлял себе жизни без неё. А что если он предложит ей выйти за него замуж. Симон подозревал, что именно за этим этот хитрющий юноша и привёл к нему женщину.

Вчера Пожарский пришёл к нему с набросками и рассказал, что собирается выпускать стеклянные бутылки, но для этого ему нужен настоящий токарный станок, который сможет обрабатывать железо. Нужно будет выточить полуформы для бутылок. Делать из стекла бутылки. Сколько же такая бутылка будет стоить? В сто раз дороже налитого в неё вина. Станок, задуманный неугомонным юношей, тоже поражал. Главным в нём было очень массивное основание. Тоже гениальная мысль, тогда не будет мешать вибрация при работе. Маркиз объяснял свою задумку, и математику казалось, что он просто описывает станок, который уже видел. Каждая деталь в нём была открытием. Эх, ему бы, Стивену, такую голову.

На 8 марта математику для подарка его Марии досталась

фарфоровая статуэтка изображающая русскую боярышню, вышивающую, что-то на пальцах. Точно с самой Марии Прокопьевны в молодости и лепили. Надо завтра же делать предложение.

Событие двадцать второе

Для стекла нужен поташ. С него Пётр и начал ещё в ноябре месяце. Савёл Буров накопил за год огромное количество золы. Теперь нужно было из неё, и получать поташ. Соорудили несколько печей и установили на них по большому котлу. Зола растворяли в воде и, процедив через обычное сито, заливали получившимся раствором следующую партию золы. И так пока раствор не становился вязким. Тогда его процеживали через мешковину и выливали в котлы, где и выпаривали лишнюю воду. Все отходы крестьянам на поля высыпали. Там ещё полно всего полезного оставалось. Угля нажгли гору целую. А если бы дровами топили, так все леса вокруг вырубил. Пётр давно уже запретил леса ближе, чем на десять вёрст к Вершилово трогать. Только летом разрешал ветки собирать, ну или если дерево засохнет. Даже специально трёх лесников завёл.

К марту поташа накопили прилично. Часть даже пустили на варку жидкого мыла. Теперь печники обжигали известь. Ведь для стекла ещё и оксид кальция нужен.

После нового праздника попробовали сварить первое стекло. Заложили 7 частей песка, две части поташа и одну

часть извести, все тщательно перемешали и в печь. Первая варка была пробная. Получившуюся массу просто достали и бросили на расплавленный свинец, позволяя очень медленно остыть. Свинец заливали в специальные формы выкованные кузнецами с размерами 40 на 60 сантиметров. Одним из первых заданий Майру было изготовить эталоны метра, литра (кубический дециметр) и килограмма. И теперь все в Вершилово с трудом, но переходили на новые единицы. Путаницы было полно, но ничего, привыкнут.

На удивление даже первые листы стекла получились. Стекло было чуть зеленоватое и далеко не такое прозрачное, как он помнит. Однако когда он продемонстрировал листы стекла своим учёным, те просто онемели. Таких огромных и чистых стёкол в Европе ещё делать не умели. Нужно будет ещё попробовать зеркало сделать, только там нужны кислоты, как их ещё получить. Эх, жаль Глаубер ещё мальчишка. Нужно будет поспросить у немецко-голландской диаспоры, может, посоветуют приличного химика, ну или алхимика. Переучим этого лжеучёного. Селитру ведь уже делают. Научимся и кислоту азотную делать.

С составом стекла поэкспериментировали недельку. Добавляли болотной руды, получали гораздо более зелёное стекло. Потом попробовали с оксидом кобальта, что шёл на синюю краску. Получили красивейшее синее стекло. Попробовали ржавчину, получился красно-бурый цвет. Добавили полевого шпата, стекло стало молочным. Аким Юнусов

бегал вокруг печей и только руками хлопал по бёдрам, таких красивых цветных стёкол он ещё не видел, это какой же красоты мозаики можно будет сделать. Последним попробовали добавить костяную золу, стекло получилось непрозрачным желтовато-белым. Отдали все эти эксперименты мастеру мозаичнику. Аким прямо трясся над каждым осколком. Всё подчистую вымел и спросил, когда следующий раз забирать. Придётся открывать отдельную мануфактуру по производству смальты.

Пока Симон Стивен возился с токарным станком, Пётр решил попробовать выдуть что-то похожее на вазу. На заводе в Гусь-Хрустальном ему десятки раз доводилось смотреть, как это делают стеклодувы. Он даже попробовал пару раз сам, там ведь получалось, а сейчас лёгкие не в пример мощнее. Сделали пару деревянных полуформ, одну поуже для вазы, другую пошире для салатницы. Хорошо старый токарный станочек ещё работал.

Расплавил стекло, и княжич сам набрал на отрезанный от мушкета ствол кусок стекольной массы. Первая ваза у него стекла с трубки, слишком медленно вращал. Пётр бился над скоростью вращения и силой дутья три дня, сожги десяток полуформ, и обожглось несколько добровольных помощника. Наконец стало получаться. Далекое до шедевра. Просто раздутый цилиндр с одним отрезанным дном. Пётр попробовал сделать ту же вазу из синего и красного стекла. Эти смотрелись чуть лучше.

С салатницами тоже повозились, пока научились правильно обрезать. Освоив все премудрости сам, Пожарский стал учить двух парнишек из Арзамаса, что переманили у кузнецов. В Нижнем Новгороде уже и переманивать некого было. Все более-менее приличные мастера уже жили в Вершилово и были приставлены к делу.

Так до первого апреля и проводил все дни в стекольной мастерской. А второго апреля, наконец, был готов токарный станок. Оказалось, что зря делали. Про резцы Пётр совсем забыл.

Событие двадцать третье

Старший сын гончара Трофима Лукина, что сейчас главным был над гончарами в Вершилово, получил от княжича задание.

– Будешь ты, Андрейка, теперь у нас эксперименты с фарфором делать, – сказал Пётр Дмитриевич и рассказал пятнадцатилетнему Андрейке, что он от него хочет.

Нужно было экспериментатору придумывать новые фарфоровые изделия. Потом нужно рассказать о своей придумке одному из подмастерьев Рубенса и с его помощью изобразить это на бумаге. Потом показать рисунок самому Рубенсу, и если он чего подскажет, то исправить. После утверждения у голландца нужно было идти к отцу Андрейки Трофиму Лукину, чтобы гончары слепили несколько таких придумок.

Когда глиняные изделия подсохнут, их нужно будет об-

жечь и затем обточить снаружи на токарном станке. Это для того чтобы поверхность гладкая была. После всего этого мучения нужно сделать с помощью Силина гипсовую форму для отливки и заформовать несколько своих новинок. Если нормально разнимутся и удастся вытащить, то нести эти отливки на первый обжиг. Потом отдать Рубенсу и Прилукину по несколько экземпляров для нанесения рисунка. Потом снова обжиг, а затем ещё один для закрепления краски и увеличения прочности. И самое главное – показать княжичу.

Андрейка даже испугался. Он ещё отрок будет с такими людьми бок о бок работать.

– Не переживай, – успокоил младшего Лукина княжич, – Ты ведь меня на целый год старше.

Вот с тех пор уже два с лишним месяца, весь февраль и март, да уже и начало апреля Андрейка «творил». Первую придумку ему подсказал сам Пожарский. Большое, вытянутое блюдо под рыбу. Андрейка съездил на рынок и примерился к среднего размера рыбе. Блюдо получалось с полсажени длиною или, как сейчас заставлял княжич переучиваться – метр. С блюдом Лукин младший намучился. Как такое закрепить и обработать на токарном станке. Пришлось обращаться к создателю станка немцу Симону Стивену. Математик покачал головой, узнав о задаче, и через пару дней принёс Андрейке приспособление, с помощью которого можно было обработать дно с обеих сторон. Ну а стенки Андрейка с помощью отца вручную доделывал. Когда же

первые десять блюд дошли до художников, потребовалось вмешательство княжича. Те не знали, что изображать на такой вещи и требовали совета у Пожарского. О чем они говорили, молодой гончар не слышал, но когда он ставил на обжиг блюда у него руки тряслись, такая на них была красота, не дай бог какое треснет. И одно всё-таки треснуло. Андрейка его не выбросил, склеил рыбьим клеем и домой забрал, на стенку повесил. Красота ведь.

Следующую придумку подсказал отец.

– Видел, какая ваза нарисована Рубенсом Петром Павловичем на картине, что у княжича в доме висит, вот такую только поменьше и сделай.

Андрейка пошёл к Рубенсу и объяснил с пятое на десятое свою новую придумку. Художник сослался на страшную занятость в расписывание его же Андрейкиных блюд и отправил к другому голландцу Сандерсу. Этот выслушал гончара и велел прийти через день. Ваза, что была изображена на рисунке ни капли не походила на ту, что видел Андрейка на картине.

– Ведь к чашке можно приделать ручки. Попробуй к вазе приделать цветы, – сказал ему на прощанье художник.

Лукин нашёл Силина, и они долго ломали голову, смогут ли. Решили попробовать. Гончары изготовили вазу. Андрейка обточил её на токарном станке и пошёл с рисунком и вазой к Фоме Андронову, чтобы он из дерева цветы вырезал. Фома почесал за отрезанным ухом и все вместе пошли

к другому резчику – Щеглу.

– А что если цветы вырезать не гнутые, а прямые, а потом уже глиняные согнуть, – предложил мастер.

Долго ли коротко ли, но сделал Андрейка и эту вазу и отнёс на роспись самому Сандерсу. Художник выкрасил всю вазу в синий цвет, а прилепленные цветы в зелёный, кроме лепестков. Лепестки же на двух цветах стали красные и синие, а на одном остались как бы не покрашенные – белые. Андрейка три таких вазы на следующий день принёс подмастерьям Рубенса, и они их расписали по образцу, что Сандерс сделал. Когда вазы прошли второй обжиг, пришли смотреть все мастера и княжич тоже выкроил время от своего стекла.

Ваза и правда вышла шедевром.

– Ты, Андрей Лукин, настолько великий мастер, что тебя скоро все короли и императоры по имени отчеству знать будут. Можешь снизу на вазе кроме «Пурецкая волость» написать и «мастер А. Лукин».

Что же он такого сделал? Только бегал от одного настоящего мастера к другому.

Сейчас мастер А. Лукин делал ещё две задумки: несколько разных собачек, по типу фарфоровых девушек и вазу высотой примерно метр, похожую на греческую амфору с картины Сандерса, но с неровным краем и вдавленным рисунком двуглавого орла. Это он сам придумал.

Событие двадцать четвёртое

Симон Майр закончил письмо своей жене Фелекитас и откинулся на спинку кресла. Какое всё-таки замечательное изобретение это кресло. Его подарил на Рождество астроному маркиз Пожарский.

Симон писал жене, чтобы она продавала дом и все вещи и через Прагу, Краков и Минск двигалась на Москву. Симон понимал, что одной женщине с семьёю детьми, двумя сыновьями и пятью девочками, добираться до Москвы через всю Европу будет не просто. Поэтому он, обговорив заранее с маркизом Пожарским, выписал Феликитас чек на 300 флоринов к евреям в Праге, гарантом, которого выступили ювелиры, работающие с Пожарским. На эти деньги Симон велел жене нанять два десятка рейтар и несколько карет, чтобы ехать в менее стеснённых обстоятельствах. Ещё Майр советовал жене найти несколько кормилец вместе с мужьями и детьми согласившимися переехать в Вершилово. Он описывал в письме все прелести своего нового дома и самого Вершилова. Что ж, путь не близкий. Майр надеялся, что он поступает правильно. И его дети будут жить так же счастливо, как сейчас живут дети Рубенса и Кеплера.

За последнее время Симон написал уже несколько писем известным ему мастерам в разных областях с приглашением от маркиза Пожарского приехать в Вершилово. Одно из первых ушло фактическому создателю телескопа Захариусу Янсону, очковому мастеру из Голландии. Об этом господине

Симон сначала посоветовался с Петром Пожарским. Ходили слухи, что Янсена обвиняли в фальшивомонетничестве.

– Тоже не плохо, – сказал тогда маркиз, – Давно хотел начать печатать собственные деньги.

Ещё Майр написал письмо Арнольду Тимме, который в Ансбахе имел небольшую мастерскую по изготовлению мушкетов. Как-то в разговоре со своим покровителем Йоханесом Филиппом Фуксом фон Бимбахом аристократом и придворным маркграфа, он посетовал, что не может нигде заказать хорошей трубки для телескопа и тот посоветовал обратиться именно к оружейнику Арнольду Тимме.

– Он делает отличные мушкеты, но они дороже испанских, и, скорее всего, Арнольд скоро разорится, – вздохнул тогда главный охотник при дворе маркграфа.

– Напишите жене, чтобы переговорила с этим оружейником, – сказал ему маркиз, когда Майр зашёл к тому посоветоваться, – Пусть, если захочет перебраться сюда, присоединятся к свите вашей жены. Чем больше компания, тем легче доехать.

Третье письмо Майр написал Исааку Бекману, одному из учеников Симона Стивена и известному астроному и математику. Майр слышал, что Исаака часто преследовали из-за того, что он был непримиримый кальвинист. Симон не очень верил, что Бекман решится на переезд в Вершилово, но, тем не менее, подробно расписал все прелести его нового быта и тех людей, с кем ему сейчас посчастливилось по-

что ежедневно общаться. Ведь имена Кеплера, Стивена и Рубенса знает каждый образованный человек в Европе.

Четвёртое и последнее письмо было известному голландскому астроному Филиппу ван Лансбергу и его сыну Якову, которые публиковали замечательные астрономические календари, а их астрономическими таблицами пользовались все астрономы Европы. Этим он описал замечательные книги издаваемые бароном Петром Петровичем Швабом.

Сейчас Майр готовил к печати написанный им учебник астрономии для детей. Симон ещё год назад был ярым поклонником теории Тихо Браге о строении мира.

Оказалось, что правы всё же Кеплер и Галилей. Земля и все остальные планеты вертятся вокруг Солнца, а то в свою очередь вокруг центра галактики. Самое замечательное, что никто не собирался сжигать Майра за эту книгу, наоборот, маркиз обещал Симону дворянство. Учебник планировался к выпуску на русском языке и на латыни. Причём по-русски в двух вариантах, как и все книги, что издаёт Шваб, второй с использованием алфавита, что разработал сам Пожарский.

И как только этот юноша всё успевает.

Глава 3

Событие двадцать пятое

Никита Михайлович Шульга начал готовиться к весеннему походу на Урал. Все двадцать крестьянских семейств, что согласились на переезд, уже перевезены в Вершилово и полным составом обучаются грамоте. Все, и мужчины, и женщины, и дети. Понятно, что за полтора месяца многому обучить не удастся, но хоть начало будет положено. На месте доучим.

Шесть семей принадлежали самому Шульгину, три семьи выкуплены княжичем у новой жены немецкого математика Симона Стивена и ещё одиннадцать прибились на Юрьев день. Пожарский из пришедших отобрал только эти одиннадцать. Они были молоды и здоровы, и детей пока было не много, по одному – двое. Все эти двадцать семей сейчас были переписаны на самого Шульгина. Он стал средней руки дворянином.

Крестьян, их жён и детей, одели в новые одежды, выдали по две пары валенок и сапог. Ещё всем заказали у кузнецов новые плуги, косы, лопаты. Приготовили и плотницкий инструмент, на каждого по несколько топоров, молотков и целые короба кованых гвоздей разного размера. Там на Урале всего этого будет не достать. Пока ещё заработают железодельные заводы.

Кроме крестьян с Никитой Михайловичем на постоянное

место жительства собирались два мастера печника с семьями, один кузнец и один гончар. Два брата рудознатца Ивановы тоже готовились к переезду. Уж им-то там работы надолго хватит, целый край не исследован. Двое стрельцов, что остались в живых после нападения торгутов на конвой, который сопровождал опального воеводу в ссылку, успели за зиму найти себе жён из местных девушек и теперь готовились к отплытию, изучая производство кирпича и черепицы, в свободное от боевой подготовки время. Там-то любые мастера пригодятся.

Стрельцов они с княжичем планировали оставить на зимовку всего двадцать человек, выбрали тоже из тех, у кого детей поменьше, ну и кто сам пожелал, понятно. Денег этим желающим выдали в тройном размере и на год вперёд. Пусть сами закупают, что потребуется на новом месте жительства, понятно кроме оружия. Его подготовку Пожарский взял на себя, закупив изрядное количество пороха, свинца и двадцать лучших испанских мушкетов.

Никита Михайлович за остатки осени собрал по Волге и Оке почти два десятка лодей разных размеров. Сейчас весной всё это конопатилось и смолилось. По всей губернии собирались кормщики и гребцы. Целый флот получался.

Вдвоём с Полуяровым Шульгин запас по задраенным бочкам семена озимой ржи и пшеница, а также яровых: пшеницы, ржи, ячменя и овса. Выбирали ту, что крестьяне первую убрали. Полуяров объяснил бывшему воеводе, как нужно бу-

дет поступить с зерном на следующий год, чтобы урожай не снижался. Неужели всё так просто, удивлялся Шульга. Почему же никто до Полуярова так не поступал. Крестьяне умирали с голоду, а посадить детей перебрать семена не могли догадаться. Странно.

Ещё одним важным этапом подготовки было заготовить лекарственными травами и обучить двух жён стрелецких, какие травы, когда применять, да как заваривать. Княжич надеялся, что успеет напечатать учебник по лекарственным травам, который заканчивает немецкий лекарь ван Бодль.

И ещё сотни разных дел нужно сделать. И отобрать коров и коз, что с собою возьмут и лошадей присмотреть посмирнее, ведь больше месяца на кораблях плыть.

Саму экспедицию решили разделить на три группы. В первой поплывут на самых быстроходных лодьях плотники и крестьяне с двумя десятками лошадок. Ну и понятно, стрельцы без жён. Плюс рудознатцы и печники. Пока они устроятся, да дома срубят, да печи поставят, подтянется вторая партия с жёнами и продовольствием. И последняя партия состояла из домашних животных и пастухов, да женщин, что за ними во время плавания ухаживать будет. Было предложение, закупить скот в Уфе, но княжич его отверг, конечно, ближе, только скот будет не отобранный за два года в Вершилово, а что достанется. Нет, лучше дальше, но лучше. Не на каторгу ведь людей везём, а к новой богатой сытой и вольной жизни.

А третьего апреля у молодой жены Шульгина Надежды Петровны родилась девочка. Крестным отцом при крещении Нены выступил Пётр Дмитриевич Пожарский. Так вогульская девушка и стала Надеждой Петровной.

Эх, теперь бы ещё старших сыновей разыскать да к себе в Миасс перетащить, думал бывший воевода Казани и будущий мэр города Миасс.

Событие двадцать шестое

Антуан ван Бодль написал письмо жене Кристин. Он недолго думал после того собрания в бывшей церкви, где маркиз раздавал дворянские грамоты для своих управляющих и лучших мастеров Вершилова. Хотел ли ван Бодль стать русским дворянином. Ну, наверное, хотел. Все люди тщеславны, а если нет стремления к новым достижениям, нет мечты, и нет энергии, эту мечту осуществить, то это и не человек вовсе, а скот домашний. Лишь бы сена было побольше. Антуан был бы не против добавить к своей фамилии приставку «дер». Доктор Антуан ван дер Бодль – звучит не плохо.

Ван Бодль наказывал жене продать дом и практику и вместе с сыновьями Иоахимом и Яном ехать в Вершилово. Служанку Кларенс с мужем плотником Симоном Боссом и их тремя детьми Антуан приглашал последовать за женой в отдельном письме, вложенном в тот же конверт. Ещё доктор советовал жене до отъезда устроить, заранее обговорённую

свадьбу Иоахима с дочерью пастора ван Бизе. Пастер был соседом доктора и ровесником, они часто встречались и обсуждали вопросы политики и веры. Ещё лет пять назад они договорились, что Иоахим женится на дочери Виктора ван Бизе Шарлоте Марии, как только той исполнится шестнадцать. Что ж, время настало, да и лучше приехать в Вершилово женатым, с невестами здесь не очень. Антуан подумал и дописал, чтобы жена переговорила с пастором и от его имени и имени маркиза Пожарского предложила старшему сыну ван Бизе, недавно закончившему богословский факультет в Антверпене, переехать в Вершилово и стать здесь протестантским священником. Пожарский обещал построить в следующем году кирху, если найдётся священник.

Жене Антуан советовал добраться морем до Риги, а там нанять необходимое количество повозок и карет для поездки в Вершилово. Кроме того, по совету княжича Петра Дмитриевича доктор писал жене, чтобы та наняла десяток рейтар. Пусть сопровождают до самого Вершилова. Антуан усмехнулся, хитрый маркиз уж точно уговорит рейтар остаться в Вершилово. Зачем в маленьком селе столько войск можно было только догадываться. Сейчас почти каждый второй мужчина в Вершилово был воином. Это вселяло уверенность в доктора, что если вдруг кому придёт в голову напасть на волшебное селение, то отпор будет достойным.

Закончив письмо жене, Антуан сразу принялся за второе. Оно было его другу и соратнику, аптекарю Патрику Янсену.

Ван Бодль приглашал Патрика в Вершилово. Он описывал, чем сейчас занимается и вообще жизнь в Вершилово. В конце была приписка, что он вызвал жену к себе и если Патрик решится на переезд, то они могут отправиться вместе, что гораздо безопаснее и веселее.

Третье письмо было оружейнику ван Рейну. В это письмо было вложено послание от самого маркиза Пожарского, доктор же писал, что его жена переезжает точно и что у Яна есть возможность составить ей компанию.

Последнее четвёртое письмо было младшему непутёвому брату Антуана, Йозефу Марку. Тот, как и старший брат, закончил университет в Падуе, но увлёкся алхимией. Ни философского камня, ни золота младший ван Бодль пока не получил. Зато получил ожог лица, занимаясь своими адскими смесями. Как-то в разговоре с маркизом Пожарским Антуан вскользь упомянул про брата, Пётр его расспросил поточнее и предложил пригласить алхимика сюда.

– Здесь мы с ним легко золото добудем, – пообещал княжич.

– Правда ли это, Пётр Дмитриевич? – не поверил доктор, – Ты умеешь делать золото из свинца?

– Из свинца нет, а вот из камней, сделаю, – усмехнулся тогда Пожарский.

Так вот откуда то немислимое богатство, что тратит направо и налево маркиз, подумал тогда ван Бодль.

Дописав письма, доктор пошёл в школу. Он учил детей

второго класса латыни и голландскому. Зачем эти языки крестьянским детям Антуан уже не спрашивал, детей готовили так, что все университеты Европа позакрывались бы от зависти. Математику вёл Симон Стивен, астрономию Симон Майр, геометрию и оптику Иоганн Кеплер, рисунок и живопись сам Рубенс, географию маркиз Пожарский. На уроки географии собирались и все преподаватели. Даже десятой части того, что по книгам атлантов рассказывал маркиз о планете Земля, не знал ни один путешественник в Европе. Учёные смеялись вместе с детьми над тем, как Колумб поплыл искать Индию, а открыл Америку, они вместе с детьми поражались животным не открытой ещё Австралии, которые переносят детёнышей в сумках. Неужели это правда? Даже Кеплер выразил сомнение о шестом континенте Антарктида, где над землёй вырос ледник высотой в четыре новомодных километра. А загадочный Китай, где принцессам ломали и бинтовали ступни, чтобы она была очень маленькой и принцесса не могла сама ходить, ведь принцесс должны носить на руках слуги. А сколько ещё чудес поведал маркиз.

Эх, как жаль, что книги атлантов сгорели. Ван Бодль сейчас заканчивал свою книгу. Книга была про лечебные травы. Сначала ван Бодль отнёсся скептически к этому предложению. В Европе издано десятки подобных книг. Может, лучше взять одну из них и перевести на русский язык. Теперь, когда его книга почти закончена, Антуан чувствовал разницу между теми книгами и «этой». Как составлены все

травники. Описывалось лекарственное растение, чаще всего даже не по алфавиту, а в произвольном порядке и говорилось, какую болезнь нужно отваром или настоем этого растения лечить. Книга же, которую предложил написать ван Бодлю Пожарский, была иная. Сначала в алфавитном порядке описывались болезни, а потом указывались травы и сборы из нескольких трав, которыми эти болезни нужно лечить. Конечно же, это было в сотню раз правильнее, чем делали до этого. Только никто кроме этого юноши до этого не додумался.

Когда книга ван Бодля «Народная медицина» будет издана на латыни и попадёт в Европу, он сразу станет самым известным доктором мира. Да и есть ли там доктора в том мире? Антуан вспоминал, каким тёмным невеждой был всего год назад. Он гордился, что учился у самого Амбруаза Паре. С прискорбием доктор понимал, что ни ему, ни его учителю лечить людей в Вершилово никто не доверит. А то ведь ещё кровь начнут пускать. Один экземпляр на русском ван Бодль обязательно пошлёт этому зазнайке Бильсу, придворному лекарю русского царя. Нужно, чтобы этого монарха, который благоволит к маркизу Пожарскому, лечили правильно.

Событие двадцать шестое

Мелкопоместный русский дворянин Пётр Павлович Рубенс сидел на стадионе и «болел» громче всех. Сегодня бы-

ло целых два соревнования. Сначала был футбол. Их голландско-немецкая команда «Рыси» разгромила «Медведей» со счётом 3:1. Честно сказать, это произошло впервые. «Рыси» уже регулярно выигрывали у «Росомах» из Нижнего Новгорода, но всегда проигрывали «Зубрам» и «Медведям». И вот сегодня свершилось. Иноземцы, занявшие западную часть трибун, долго после финального свистка кидали вверх шляпы и свистели на все лады. Рубенс не отставал от прочих, ведь среди игроков было три его ученика.

Второе запланированное на сегодня соревнование было новинкой и называлось «эстафета». Всего было четыре детские команды. Детям было от восьми до десяти лет. И соревновались они на лыжах. В команде было две девочки и два мальчика, каждый пробегал по кругу на стадионе. В первой команде были дети стрельцов. Во второй дети мастеров. Третья команда состояла из детей иноземцев. В четвертой были крестьянские дети. В команде иноземцев одной из девочек была дочь Рубенса Клара Серена.

Первыми побежали девочки, и Клара Серена пришла второй. Правда, в результате их команда оказалась на третьем месте, первой пришла команда из детей крестьян, вторыми были стрелецкие дети. Последними оказались дети мастеров. А дальше началось вообще необычное, взяв с собою Рубенса, стрелецкого сотника Малинина и архитектора Тимофея Шарутина, княжич построил детские команды и каждому из участников команд вручил медали. За первое ме-

сто дети получили настоящие золотые медали. Медали были на ленточке и размером не уступали флорину. На аверсе была цифра один, а на реверсе фигурка лыжника. Явно работа Лукаша Донича. Вторая команда получила серебряные медали и на аверсе была цифра «2». Команда, в которой была дочь Рубенса, была награждена бронзовыми медалями с цифрой «3». И дети мастеров получили медали из меди с цифрой «4».

Сколько потом у Рубенсов было разговоров про эти соревнования и награждение.

– На следующий год я буду ещё больше тренироваться и получу золотую медаль, – заявила, уже собираясь спать, Клара Серена.

– Вот как это получается у маркиза Пожарского? – в тысячный раз задал себе и Изабелле вопрос художник, – Да, по слухам у римлян были стадионы и гладиаторские бои и на них ходили люди, чтобы наблюдать за поединками. Только там убивали людей, а здесь ни каких смертей, а всем интересно. И у детей и у взрослых всё время появляются стимулы выступить в следующий раз ещё лучше. Разве возможны такие соревнования в нашем Антверпене? Конечно, нет. Как ему это удаётся?

Рубенсы ждали пополнения семейства. Жена была уже на пятом месяце. При этом она удивительно похорошела. Целебные отвары, правильное питание, что контролировали знахарки и прогулки по зимнему лесу вернули его Изабел-

ле десяток лет. Она снова была улыбочивая весёлая девчонка. Художник это видел и хорошо понимал, что это очередное чудо непонятого маркиза.

Неделю назад Питер написал письмо ван Дейку. В нём Рубенс подробно описывал жизнь в Вершилово и просил своего лучшего ученика продать свой дом и дом Рубенса в Антверпене и вместе с оставшимися учениками ехать в Москву. Рубенс описывал дорогу до Москвы и советовал Антониусу взять пару десятков рейтар в Риге для сопровождения до Вершилова.

Рубенс подробно написал ученику, какие картины и статуи взять с собою, а когда сам перечитал, даже улыбнулся. Забрать нужно было практически всё. Ещё Рубенс советовал все деньги вырученные от продажи дома и обстановки потратить на закупку красок. Нет, местные художники (иконописцы) научились из растений получать неплохие краски, но были и такие цвета, что из растений получать не удавалось. На самом деле, деньги в Вершилово практически не нужны, а вот краски вполне пригодятся. Зачем везти золото, если золото само приедет в Вершилово. Да ещё и умолять будет, что бы его поменяли на расписанную Рубенсом вазу из фарфора.

Питер улыбнулся. Его Антверпен захирел после того, как Амстердам устроил тому морскую блокаду. Вершилову не устроить блокаду, за вещами, производимыми здесь, приезжали со всех концов Европы и ждали своей очереди по-

лучить диковинку. А сейчас ещё мастера освоили производство изделий из цветного и прозрачного стекла. Скоро купцов станет ещё больше.

Кроме ван Дейка Рубенс написал письма по просьбе Пожарского и целому ряду итальянских живописцев. Это были Алесандро Воротари, Гульельмо Каччи и его дочь Орсола, Гвидо Рени, Белизарио Коренцио и Барбара Лонги. Маркиз был удивлён две женщины.

– Они хорошие художники, – заступился за итальянок Рубенс, – Мадонна с младенцем Христом Барбары Лонги просто шедевр.

– Да я не против, пусть будут женщины, только решатся ли они приехать в Вершилово.

Ещё маркиз предложил пригласить из Италии хорошего архитектора, чтобы построить в Вершилово храм для разрастающейся немецко-голландско-чешской диаспоры.

– Хороший архитектор Карло Модерна он, правда, уже не молод, – задумался Рубенс.

– Вот и замечательно, подлечим, подберём молоденькую жену, и пусть создаёт шедевры, – засмеялся Пётр.

Поди, пойми, когда он шутит, а когда говорит серьёзно. Тем не менее, письмо Карло Рубенс написал.

А последнее письмо художник написал Марену Мерсенну во Францию, с которым давно переписывался, с таким же приглашением в Вершилово и просьбой передать приглашение химику Жану Рэ, про которого он несколько раз писал

Рубенсу как об изобретателе термоскопа (термометра) и создателе нескольких красок.

Событие двадцать седьмое

Пётр Пожарский продолжал заниматься стеклом, он учил несколько человек выдувать разные вазы и салатницы, они даже попробовали выдуть бутылку с помощью деревянной полуформы. Бутылку получили, но это было не то. Нужен был стандартный размер, а для этого нужна железная матрица из двух половинок. А вот чтобы изготовить матрицу, нужен токарный станок. Станок-то сделали, но резцы к нему забыли. Пока же кузнецы отковали по его размерам бутылку и загнули вокруг неё две пластины. Заготовка для матрицы сделана, осталось только обработать. Попробовали вручную разными наждаками, но нет. Качество не то.

Резец делали из стали. Это Пожарский из своего прошлого помнил. А как эту специальную твёрдую сталь получить. Ведь она сама должна точить железо. Про твёрдость стали, как обычный человек из 21 века, Пётр знал, что 45 сталь прочнее 25, и что цифра это содержание углерода в стали. Неужели 45 процентов? Не может быть. Там, какие ни будь доли процентов. Наверное, 0,45 процента. Ещё бывший генерал помнил, что сталь это сплав железа с углеродом, а чугун – это сплав железа, углерода и кремния. В какой-то книге он читал, что для того чтобы сварить качественную сталь в Англии добавляли к стали стекло и известь. Но ведь не от

этих добавок сталь упрочнялась настолько, что из неё можно делать резцы.

И всё время в голове крутилось «самолёт». Только вот причём здесь самолёт. Их вообще делают из алюминия. Или из фанеры. У-2, например. Стоп! Вот почему крутится в голове самолёт. На заре перестройки ходила в народе шутка «армянского радио». «Армянское радио» спрашивает, что такое У-2 – У-7. Вы думаете, что У-2 – это самолёт, а У-7 сталь для резцов. Так вы ошибаетесь. Это вино-водочный магазин, который у 2 часа открывается, а у 7 часов закрывается. Чёрт с ним с магазином. У-7 – это сталь для резцов. А «7», скорее всего – это содержание углерода в стали. Исходя из заключений про сорок пятую сталь, получается, что 7 это семьдесят, значит в стали 0,7 процентов углерода. Пусть будет 0,8 – кашу маслом не испортишь.

Теперь стоял вопрос, как определить эти 0,8 в 17 веке. На стекольном заводе в Гусь-Хрустальном была лаборатория, и там один раз случился пожар. Тогда Афанасию Ивановичу, как заместителю директора по технике безопасности пришлось устраивать разбор полётов. Как загорелось, да почему, загорелось, да что загорелось, и кто виноват? Оказалось, забыли выключить прибор для выжигания углерода. То есть, что бы определить, сколько в стали углерода надо взвесить стружку, выжечь из неё углерод и снова взвесить. Придётся ещё и весы изобретать.

Пётр пошёл к своим кузнецам, и предложить науглеро-

дить сталь. Разрубили лучшую шведскую сталь на кусочки, засыпали в специально изготовленные горшки, добавили древесного угля и стекла с известняком. Запечатали горшок и поставили в печь. Печь угробили, кирпичи потекли от таких температур, но немного стали получили. Кузнецы отковали из неё резцы и заточили. Попробовали этими резцами точить железо. Железо с трудом, но обдиралось. Только эти резцы ломались как стеклянные. Дальше экспериментировать не стали. Пусть ломаются, им и надо-то одну матрицу сделать.

Все до единого резца переломали, последние даже сращивать пытались. Но ведь сделали. Перед Петром лежали две полуформы с очень чистой поверхностью. Стоящий за спиной Петра Симон Стивен потрогал рукой обработку и присвистнул.

– Надо поработать над хрупкостью резцов, но уже и так видно, что всем остальным о такой чистоте обработки даже мечтать не приходится.

– Надо бы настоящего мастера по токарным станкам в Европе найти. Я всего сделать просто не успеваю, – пожаловался ему Пожарский.

– Я попробую написать письма своим знакомым, может, кого и подскажут, – предложил математик.

– Вот и хорошо. А ещё напиши, чтобы подсказали и мастера по ткацким станкам.

Десять первых стандартных бутылок выдули на следую-

ший день. Блин, уже 1 мая. На днях Волга вскрыется. Пора заканчивать всю эту кустарщину и заниматься подготовкой ко второму броску на Урал.

Событие двадцать восьмое

Второго мая совершилось поистине великое событие – приехал из Испании Якоб Буксбаум. Еврейская диаспора Вершилова построила двадцать теремов на окраине Вершилова и поехала в Европу выполнять поручения Пожарского. И вот Буксбаум вернулся с семенами. Пётр разложил перед собой узелки и стал разбираться с давно ожидаемым подарком. Семена помидор он узнал легко. Все же многолетний опыт дачника не пропьёшь. Картофель был представлен десятком очень мелких клубеньков и тоже семенами. Понятно, этот овощ ещё никто не рассматривает как продукт питания. Это пока экзотический цветок. Семена тыквы и кабачка отличить друг от друга не просто. Да и, в общем, какая разница и, то и то нужно сажать, когда созреют, разберёмся. Семечки подсолнуха откровенно огорчили. Уж очень мелкие. Сколько лет работы селекционеров впереди. Баклажанов не было. Зато был острый перец и топинамбур. А вот кукуруза откровенно порадовала. Буксбаум привёз три початка, и они не уступали по размерам тем, к которым привык бывший генерал в 21 веке. Может и правду говорили ботаники в будущем, что кукуруза не земное растение, его подарили индейцам инопланетяне. У кукурузы нет ни одно-

го дикого предка, и она не может размножаться без помощи человека. Початок просто сгниёт, или будет съеден птицами.

Итак. С картошкой и топинамбуром всё ясно, клубни посадим, и нужно будет рассказать Полуярову про окучивание. Семена нужно посеять. Тоже ни чего необычного. Да, нужно и с первого урожая собрать все семена. Будет материал для перекрёстного опыления.

Для остального нужно строить теплицу. Подсолнух и кукурузу нужно посадить срочно в горшки и потом очень аккуратно, после цветения черёмухи высадить в открытый грунт и после созревания защитить от птиц. Тыкву и кабачок нужно выращивать через рассаду и тут тоже без теплицы не обойтись. Ну а помидоры и перец без настоящей теплицы однозначно не вырастить. Это в 21 веке появились хоть немного районированные семена, а так это очень южное растение. Тоже десятилетия работы селекционеров впереди. Ничего есть главное с чего начать.

Пётр вызвал Полуярова и продиктовал тому все, что знал о выращивание новых диковин. Проверил записи «агронома» и дополнил пояснение встряхиванием помидор и перца для лучшего опыления и самостоятельным опылением тыкв и кабачков.

Разобравшись с Полуяровым, Пожарский занялся плотниками, нужно ведь было объяснить мужикам, зачем княжичу стеклянный дом. И самое главное, что нужно сделать его почти герметичным и как можно быстрее.

Теперь оставалось наделать стёкол. Все стеклодувы были переброшены с выдувания ваз и бутылок на производство листового стекла. Работали в три смены. И всё равно ушла неделя.

А тут и Волга вскрылась. Пора уплывать. Блин, толком и проверить подготовку к походу не успел. Вся надежда на Никиту Михайловича Шульгу.

Событие двадцать девятое

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов вместе с отцом, патриархом Филаретом, и матерью, старицей Марфой, рассматривал новые диковины из Вершилова. На этот раз сундуков было много. В ожидании появления родителей Михаил несколько раз хотел начать доставать диковины сам, но каждый раз руку отдёргивал, так не интересно.

Первым из сундука, что поменьше, с него и решили начать, достали письмо.

– Опять Петруша всё наперёд говорить будет, – усмехнулась Государыня.

Здрав будь, Великий Государь, желаю, здоровья так же батюшке твоему, патриарху Филарету, (Благословите Ваше Святейшество) и матушке, Государыне Царице Марфе, – писал Пётр, – высылаю тебе новые диковины, что наделали за зиму и весну в Вершилово. Только ты, Государь, первым делом вызови докторуса своего Бильса и вели ему ознакомиться, пока вы подарки рассматриваете, с книгой, что док-

тор ван Бодль написал. Книг высылаю десяток, одну доктору и подари от меня.

Михаил Фёдорович достал книги. Пять было на русском языке, а пять на латыни. Он велел дьяку Борису позвать Бильса, а сам стал листать книгу на русском языке. Книга называлась «Народная медицина» и была про траволечение. Как всегда, поражали очень качественно выполненные рисунки цветов и трав, прямо как живые. Бильс появился буквально через минуту, словно под дверью ждал. Царь дал ему одну книгу на русском языке и одну на латыни и велел через час рассказать, хороша ли книга на его вкус.

После этого перешли к другим подаркам. Следом в сундучке было четыре красивых коробочки. Царь открыл, прочитал надпись на медали и, усмехнувшись, протянул отцу, сам же стал читать письмо дальше.

В коробочках, Великий Государь, четыре медали, одна из золота, вторая из серебра, третья из бронзы и четвёртая из меди. Из разговоров с немцами своими вынес я убеждение, что главное для твоего государства Михаил Фёдорович – это развивать производства всякие. Это медали за развитие ткачества на Руси. Вели Государь до всех в стране донести, что объявляется смотр на лучшую ткань и пусть образцы к тебе доставят, а ты выбери четыре лучших и награди тех, чья материя лучшей окажется. И объяви, что смотр этот будет ежегодный. Медальки я сделаю и вышлю. Тогда люди будут стараться хорошую ткань сделать, а самым луч-

шим и помочь можно, на второй год денег дать на расширение производства. Смотришь, через несколько лет не мы у англичан и голландцев будем сукно покупать, а они у нас. И деньги в казну и людишки богатеть будут и престиж державе.

– «За лучшую ткань на Руси», – прочитал на реверсе патриарх, – Хорошо придумал Петруша. Ведь и, правда, всю ткань хорошую иноземцы завозят, что же у нас умельцев нет. Сделай Миша, как предлагает «маркиз» наш.

Следом из маленького сундучка стали появляться фарфоровые фигурки девушек. Всего их оказалось девять разновидностей. Каждой разновидности было по четыре штуки. Старице Марфе больше всего понравилась русская царевна. Сам же Михаил залюбовался на немецкую графиню.

Государь, – писал меж тем княжич Пожарский, – фигурок по четыре экземпляра, три оставьте себе, а последний, не откажи в просьбе, выставь на аукцион. Хотелось бы мне, чтобы об этих фигурках купцы прознали и поехали за ними в Вершилово. Романовы переглянулись и заулыбались, предчувствуя очередное веселье на аукционе.

Больше в маленьком сундучке ничего не было. Открыли большой сундук с вырезанным на нём осётром. В нём были огромные с пол сажени блюда под рыбу. Всего было двенадцать блюд. И тоже один экземпляр для аукциона, как выяснилось дальше из письма Пожарского. На одном блюде с синим рисунком было нарисовано озеро и из него выпрыгива-

ли несколько рыбин. На втором, уже с несколькими цветами, рыбаки вытаскивали на берег реки сети с бьющейся в них крупной рыбой. Больше всего царскому семейству понравилось третье блюдо. На нем двое крестьянских мальчишек ловили рыбу на удочку. У одного как раз клюнуло, и он тащил из воды приличного окуня. Такая забавная мордочка была у рыбака, что без улыбки, и смотреть на неё нельзя было.

– Красота, какая, – вздохнула Государыня, – жаль и про-
давать, хороших художников Петруша в Голландии нашёл,
побольше бы нам таких заманить на Русь.

Государь, – продолжалось письмо, – Есть у меня к те-
бе просьбица малая. Прошу не откажи, и тебя, Святейший
Владыко, о том же молю. Дозволь для немцев и голландцев
в Вершилово храм протестантский построить. Протестантов
в Европе сильно притесняют, а если они узнают, что у нас
за веру иную людей не убивают, да на кострах не сжигают,
а храмы дозволяют строить, то потянутся на Русь. Очень
много среди них мастеров, в том числе и художников, а если
и не мастера, то ведь тебе, Великий Государь, и Урал камень
народом заселять и дальше Сибирь. Многие и многие тысячи
людишек надо. Почему не иноземцы. Те державы, кои они
покинут, слабеть будут, а твоя, Михаил Фёдорович, усили-
ваться.

– А ну как монаси ихние будут люд православный в свою
латинскую веру переманивать, – спросила, перекрестив-
шись, старица Марфа у мужа.

– Одну церкву можно в Вершилово разрешить, – тоже перекрестился патриарх, – В остальном же верно пишет «Соломон» наш. Мастеров нужно на Русь залучать. Напиши Миша в ответе Петру, что позволяешь храм протестантский строить в Вершилово.

В третьем сундуке были вазы из стекла. Вот диковина так диковина. Стекло умели делать только в италийском острове Мурано, и стоило оно сумасшедших денег. А таких цветных красивых ваз делать и там-то не умели. Вазы были четырёх цветов: синие, зелёные, красные и прозрачные. И как всегда по одному экземпляру для аукциона.

– Ох, и повалят купцы в Вершилово, никакая смертная казнь не остановит теперь иноземцев от желания выведать сей секрет, – охнул Филарет, – Нужно думать, как не допустить немцев в Вершилово и особенно шпионов, что они из наших купцов навербуют. И забор ведь не поможет. И забор подкопают и охрану купят. Вот ведь «маркиз» задачу задал. Сам, интересно понимает, что натворил?

Михаил, памятуя, что на все вопросы в письме есть ответы, продолжал читать письмо.

О сохранности секретов в Вершилово, государи, не беспокойтесь. Те люди, что отвозят диковины в Нижний Новгород, никаких секретов не знают, а те, кто знает, из Вершилова не выезжают, и с купцами встретиться не могут. Кроме того всех секретов ни один не знает. Люди только свою часть работы разумеют, а все знает только один мастер, но ему я ве-

рю. Да и очень тяжело будет найти людей желающих из Вершилова сбежать. Ты, Государь, в конце лета сам приезжай, да посмотри на деревеньку отцову. Много чего для Москвы можно перенять в ней.

Последний сундук был опять с вазами, но теперь фарфоровыми. Фарфор был покрашен в тёмно-синий цвет и на этом фоне были выпуклые цветы разных расцветок. Вазы были просто огромные. Их и влезло-то в большущий сундук всего четыре.

– Сколько же может стоять вещь сия? – всплеснула руками старика Марфа.

– Да, поди, столько, сколько в эту вазу серебра влезет, – Михаил бережно погладил цветы, как живые прилепились.

Последняя просьбица у меня к вам, Государи, есть. Хочу я в больших европейских городах ростовщические и меняльные конторы очень большие открыть. «Банк» это называется. Буду иноземцам в долг деньги давать. Мои немцы говорят, что лучший товар – это сами деньги. Ничего делать не надо, а прибыль идёт. Сейчас в Европе этим в основном евреи занимаются. Вот чтобы начать мне деньгами торговать и нужна их помощь. Разрешил я нескольким богатым семействам у себя в Вершилово поселиться. Просят они разрешить им синагогу открыть. Наших православных в их веру точно заманить не удастся, а сами пусть верят, во что хотят. А вот «банки» открыть за это по всей Европе они мне помогут. Представь, Государь, захочет король

польский войной на тебя пойти, и потребуется ему для этого деньги занять и придёт он в мой «банк», так как все мелкие и крупные ростовщики к тому времени из-за банка разорятся. И что же, как думаешь, получит он в «банке» деньги для войны с Русью? Вот для войны со Швецией точно получит. Да и Шведы для войны с Польшей получают. Прошу тебя, Государь, и тебя, Святейший Владыко, не откажите и в синагоге. Огромную пользу Руси евреи принесут.

– Да, – покрутил головой патриарх Филарет, – Ошибаемся мы, не «Соломон» в Вершилово подрастает. Там царь Соломон даже в ученики не годится. Не пора ли отрока сего в Думу Боярскую вводить, да на Москву вызывать. А синагогу, конечно, разреши, Миша. Пусть в Вершилово стоит. Там уже всего столько стоит, что одной синагогой меньше, одной больше ни чего не изменится. И в поездку в деревеньку эту готовься. Летом непременно съездить нужно, да всё своими глазами увидеть.

На закуску оказался докторус Бильс. Он долго коверкал русскую речь, и в итоге стало понятно, что мало ему часа для изучения книги сей. Тут и года будет мало. Всё в этой книге по-новому. Читать и думать надобно.

– Ни кому пока, Государь, книгу сию из иноземцев не показывай. Сначала самим понять надобно, – напоследок попросил царёв лекарь.

Пётр Дмитриевич Пожарский смог, наконец, отдохнуть. Последние несколько дней слились в один, бесконечная гонка со временем и желанием всё успеть. Всё, теперь уже на корабле, ничего не изменить. Что успели – то успели. Пётр сидел на корме лодьи, на небольшой табуреточке, и размышлял. Подводил итоги того, что смог и чего не смог сделать за зиму. На коленке лежал блокнотик, куда он все неуспелки и записывал. Начал княжич со стекла.

Успели освоить производство бутылок, листового стекла, смальты и нескольких ваз. Теперь нужно будет всё это разделить на четыре разные производства. Сейчас за старшего на стекольном заводике остался бывший кузнец Осип Руднев. Ставить дворянчика Андрея Фёдоровича Квашнина, которого специально для этого дела обучал, управляющим стекольного заводика, Пожарский не стал. Рано ещё. Вместо этого он взял юношу с собой в Миасс, пусть на мир посмотрит, да командовать поучится.

Чего не успели по стеклу? Нужно сделать ещё матрицу по литью гранёных стаканов и рюмок с ножками. И нужно попробовать сделать зеркало. Сейчас в Мурано их делают с помощью ртути. Делают амальгаму серебра и наносят на специальное стекло, которое долго шлифовали. Попробуем пока этот же способ. Химиков под рукой нет, а самому изобрести способ, где серебро из какого-то раствора осаждают уксусной кислотой, он не сможет. Даже с чего начинать не знает. Просто слышал когда-то, что серебро так осажда-

ют. Нужен химик.

Ещё нужно начинать делать хрусталь, оксид свинца у него есть, осталось добыть глауберову соль. Сам Глаубер ещё мальчишка и живёт где-то в Неметчине, в Баварии, кажется. Отец у него цирюльник. Всё, на этом знания про великого химика заканчивались. Ладно, дадим евреям задание найти молодого сына цирюльника в Баварии с фамилией Глаубер. Может и найдут. Эта самая глауберова соль, состав Пётр естественно не знал, добывалась в заливе Кара-Богаз-Гол на Каспийском море. Это бывший генерал помнил, точно, стекольный завод в Гусь-Хрустальном получал оттуда сырьё. Ещё бы знать какое государство контролирует сейчас эту территорию. Казахстана ведь ещё точно нет. Нужно отправляться туда экспедицию. И чем быстрее, тем лучше. Пока со стеклом всё.

Фарфор. Будущий управляющий, Семён Антонович Березин, восемнадцати годов от роду, тоже сейчас с княжичем плыл в Миасс, чем он лучше Квашнина. Пусть учатся ещё, направляться успеют. Старшим остался Андрейка Лукин. Пока спрос далеко опережает предложение. Пусть наращивает мощности. Все инструкции Пётр ему на этот счёт выдал. Зотов и Крчмар тоже живы, здоровы, помогут. Вот когда вернёмся, будем пробовать делать костяной фарфор. Ещё нужно будет попробовать с помощью художников пару новых красителей придумать. Они ведь часть красок из камней получают. Возможно, что некоторые из этих красок и останутся

цветными при 1500 градусах.

Токарный станок. Здесь нужно менять все деревянные части на железные и улучшить качество резцов. То, что мы пока первые в мире не радуем, а огорчает, им у нас есть, что украсть, а нам у них нечего. Ладно, вернёмся поизобретаем.

Бумажное производство всё расширяется. Уже сейчас работают двадцать пять человек. В основном это вершиловские подростки. Тут пока улучшать ничего не надо, нужно расширяться, строить на берегу Волги новую фабрику. Вообще всё производство нужно из самого Вершилова убирать. Промзона должна стоять отдельно и воздух в городе не портить, благо роза ветров как раз в сторону Волги вытянута. Вот пусть весь дым за реку и сносит.

Дуняша с маслами тоже справляется сама, тут вмешиваться не надо. Цены упали до пяти рублей, то есть в два раза, но сейчас стабилизировались и заказов хватает. Люди даже, продавая Дуняше молоко, стали заводить третью корову, а кто и четвёртую. Богатеют. Даже нехватка кормов не останавливает, скупают сено в округе.

Сыры, что изготавливал Фёдор Сирота, тоже пользовались хорошим спросом и первый русский сыродел собирался летом расширяться. Он, по совету княжича, готовился копать большие подвалы для созревания сыров. Там и температура будет постоянная и влажность подходящая. Коз крестьяне Пурецкой и Жарской волостей тоже поголовье увеличивали, всех молодых козочек оставляли на молоко, на мясо

шли только козлы молоденькие.

Валенки у Татьяны Бобылки теперь выпускаются всех цветов и размеров. Научились делать и белые, и чёрные, и красные, и синие, и зелёные. Помогли знахарки, надоумили какие природные красители подойдут. Сейчас летом дети побольше заготовят трав да цветов всяких и попрём. Вся шерсть теперь на валенки уходит, всё равно ткацкого станка пока не изобрели хорошего. Нечего в пустую сырьё трать. Вот научимся ткань не хуже английской делать, тогда за это и возмёмся, а сейчас еле на валенки шерсти хватает. Да ещё почти весь поташ на мыло извели, хорошо хоть зимой золы в округе хватает. Татьяна тоже весной будет переезжать на берег Волги, в самом Вершилово уже место для её обувной фабрики не хватает.

Сидор Косой со своим непутёвым Петькой, бывшим алкоголиком, теперь выпускают помаду. Лукаш Дониц делает сами футлярчики, а бортники из пчелиного воска, масла конопляного, да красителей, что те же знахарки подобрали, варят помаду. Купцы, что наши, что заморские новую диковину расхватывают мгновенно, так что ограничивающий фактор пока производство футляров. Правда, теперь имеется токарный станок, а новые резцы золото, серебро и бронзу, в отличие от железа, режут легко, и производство помады стало увеличиваться. А если к Доницу приедут ювелиры, что он из Европы пытается заманить, то скоро вся помада в Европе будет из Вершилово. Сейчас серебро рекой в Вершилово

течёт, а скоро и золотые реки попрут. Пока там конкуренты состав изобретут и научатся футляры делать.

Звёздочки и другая лапша у Матвея Лыков с семьёй уходили на ура. Тоже расширяться собираются. Теперь уже не зерно, да и не муку, а лапшу продаём. Нужно будет в Москве лавку для Лыкова поставить. Стоп. Нужно предложить на ямах по всей Руси готовить лапшу. Вот тогда можно настоящую макаронную фабрику в Вершилово строить. Нужно записать в блокнотик.

Картины Рубенс и ученики выдают стабильно. Пожарский их пока все скупает. Вот построят Академию Художеств, можно будет вывешивать в коридорах и классах. Да и дворец собственный забывать не стоит. Подносы теперь в основном ученики расписывают, сам Рубенс, и Франс Снейдерс с Якобом Йордансом редко к этому подключались. Хватало работы с картинами и росписью нового храма, да плюс фарфор ещё. Художники загружены по уши. Может, приедут итальянцы. Ещё Рубенс вызвал ван Дейка. Вот тогда можно будет и фарфоровое производство серьёзно расширить.

Иконописцы Прилукина тоже сейчас почти всё время на новый храм тратят. Горшками и прочей мелочёвкой уже ученики из крестьянских да стрелецких детишек промышляют. Такую серьёзную копеечку в дом несут, что родители за голову хватаются и младших детей в ученики волокут.

Ван Бодль издал книгу по народной медицине и сейчас договаривается с книгопечатником Швабом о двух сотнях

экземпляров на латинском языке для продажи в Европе. Пусть попробует. Только Пожарский боялся, что противников у голландского доктора будет больше чем последователей. Может и хорошо. Пусть у себя в Европах кровопусканием лечатся да клизмами.

Симон Стивен закончил работу над учебником математики. Сейчас Шваб готовит его к печати. В сентябре дети пойдут в школу с новой книгой. Сам же Симон сейчас уже загорелся идеей написать учебник по математике для старших классов, где всякие иксы и функции. Пусть творит, потом посмотрим и если что поисправляем.

Иоганн Кеплер почти закончил учебник по оптике. Княжич несколько раз его исправлял. Как доказать этому учёному, что свет во всех средах распространяется с одной скоростью. И как объяснить, почему стекло прозрачное. Пришлось рассказывать про молекулы и атомы. Кеплер завис. Пришлось даже подталкивать, чтобы сначала одно дело закончил, а уж потом атомной физикой занялся. Правда, следующим учебником Пожарский наметил ему Геометрию. Эх, дел много, а учёных пока мало. Быстрее бы уж подтягивалась братва из воюющей Европы.

Симон Майр написал учебник по астрономии, с ним Пожарский намучился больше всего. Он по крупинкам восстанавливал в памяти все, что помнил про космос и пытался это систематизировать. Но сейчас учебник готов и Шваб уже начал набор. Для Европы это будет бомба. Там и все три за-

кона Кеплера и данные обо всех планетах и их спутниках и даже правило Тициуса – Боде, хотя теперь эти астрономы его уже не откроют. Им будет считаться Симон Майр. Княжич лишь чуть подтолкнул его к этому открытию. Сейчас Майр по просьбе Пожарского составляет список книг, которые стоит закупить в Европе для перевода на русский язык и печатания.

Так. Что у нас дальше. Селекция. Тут Полуяров молодец. Сейчас вся озимая пшеница и рожь засеяна его семенами. Они перебраны и «прожарены» от спорыньи и прочих вредителей. Яровые же перебраны уже по второму разу. Тот небывалый урожай, что собрали крестьяне, у них почти полностью выкуплен, и его снова перебрали и «прожарили». Меньше чем был, урожай не станет, а значит, народ поверит. Крестьяне люди такие, что только примером и можно убедить. Вот осенью приедем и подведём итоги. Ну и с американскими семенами осенью поразбираемся. Крупный подсолнух вывели в России крестьяне. Чем мы хуже. Мы правила знаем.

Коровы отелились, но говорить о том, есть ли результат пока рано. Вырастут тёлочки, случим их с самыми крупными быками и тогда только посмотрим, не быстрое дело. Жеребята тоже народились. Тут та же история, подрасти им надо, прежде чем дальше пары составлять. Пока с кобылами повторили почти те же варианты, что и год назад. Жалко было десятка дестриэ и арабского скакуна, что забрал старший Пожарский. Ну, ничего, кобылку, если что можно к нему

на случку и в Новгород стогнать. Так, наверное, и надо будет осенью сделать.

Верблюжье стадо увеличилось. Крестьяне пока в их сторону даже не смотрят. Княжич и сам ещё не понял, стоит ли овчинка выделки. Дают ли они шерсти больше коз в пересчёте на вес и съдаемую траву. Единственное, что заставляло продолжать возиться с этими «кораблями пустыни», так это знание о том, что верблюжья шерсть лечебная. Пока вся она на носки и ушла. Зато все переселенцы ими снабжены, зима на Урале похолоднее будет, чем в Нижнем.

Вот и всё что успел сделать за две зимы. Теперь отметим – чего не успел.

Не успел Пётр Дмитриевич перегнать нефть. Просто руки не дошли. Ну, за лето бочек прибавится, вот осенью и надо будет запланировать строительство нефтеперегонного заводика. Керосин добыть и асфальт. Бензин и солярка пока не нужны. Их даже говорят, до изобретения двигателя внутреннего сгорания выливали в землю. Нет. Мы природу портить не будем, попробуем создать горелку.

Ещё не успели построить спиртовой завод. Нужно делать водку и виски и продавать на запад. Будем спаивать Европу. Теперь есть бутылки. Это вам не глиняные кувшинчики. Каждый захочет купить элитный самогон. Вернёмся, нужно будет и этим заняться.

Не успел заняться производством резины из одуванчиков. Хорошо хоть вспомнил перед отъездом и приказал По-

луярову насобирать десяток мешков корней этого цветочка. При Сталине делали из него резину, вот и мы попробуем.

Лекарство от цинги тоже не удалось пока запасти, но княжич дал команду старосте Коровину насобирать и высушить за лето по максимуму шиповника и смородины. Тоже вернёмся, поэкспериментируем. Сварим отвары, добавим мёда и разольём по бутылкам. В шиповнике витамина «С» в полста раз больше чем в лимонах, не станут англичане лаймами, станут «шиповниками». Нет. Так тоже нельзя, эликсир от цинги должен быть секретным и называться броско. Например – «Эликсир Парацельса».

Ещё надо наметить пару соляных командировок. Где-то не далеко от Волги есть озера Эльтон и Баскунчак, оттуда будем пищевую соль возить. Ну, и Кара-Богаз-Гол. Там будем глауберову соль.

Событие тридцать первое

На третий день первые шесть лодей достигли Чебоксар. Пётр уже два раза был в этом городке за прошлый год. Осенью даже мастеров литейщиков с собой переманил. На лодьях было теперь по пушечке на каждой. Одну отбили у башкирских пиратов, три достались от атамана Сокола и две отлили колокольные литейщики по чертежам княжича. Он осмотрел все трофеи и внёс кое-какие изменения, в основном для удобства крепления. Про всякие казнозарядные орудия даже не думал пока. До войны с Польшей за Смо-

ленск ещё тринадцать лет. Дойдёт время и до пушек.

Чебоксары за год не изменились. Вообще. Пожарский привык к развивающемуся, строящемуся и вширь и вверх Вершилову, и эта обнесённая кривым забором деревенька с узкими загаженными улицами, серьёзно отрезвила княжича. Это у него прогресс, а вся остальная Русь спит непробудным сном. Надо что-то думать и в общегосударственном масштабе. Понятно, он не царь. Но вот двадцать пять приютов со школами в Москве и тринадцать в других городах бояре построили, а всего-то надо было отлить медальки, да правильно царю преподнести. И с новыми медальками за лучшую ткань должно получиться. Тщеславие и зависть двигатель прогресса. Надо будет подумать по приезду домой в Вершилово над тем как всколыхнуть Русь матушку.

На первых шести лодьях плыли двадцать крестьян, двадцать стрельцов и пять мастеров: печники, углежоги, плотники, кузнецы. Ещё было двадцать лошадок и двое рудознатцев Ивановых. Ну, плюс Пожарский и Шульгин. Маленькие всё же кораблики. Много не увезёшь. Ещё один флот из семи кораблей шёл следом с отставанием в сутки, на нём были семьи и ещё стрельцы. И последние восемь судёнышек везли живность, часть переселенцев, двух будущих управляющих и венгра, поклявшегося, что язык предков он выучил. Может, и не нужно было брать. Шульгин вёз жену, а уж вогулка-то вогульский язык знать должна. А на русском она уже почти свободно говорила. Вот что значит погружение в язы-

ковую среду. Не забыли взять и ногайского лучника, в прошлый раз много пользы принёс ведь, может и жену ему, где по дороге подберём.

В Казань прибыли по графику. Мытники на причале прочли грамоту от царя, где всем указывалось всячески содействовать маркизу Пожарскому в дороге на Урал камень, и побежали предупреждать воевод и Государева дьяка. Руководство в Казани сменилось, воеводой теперь сидел князь Одовский Иван Никитич Меньшой. Князю было пятьдесят годов с хвостиком. Это был деятельный человек, и победитель Заруцкого, и усмиритель нескольких восстаний, и защитник Москвы, и усмиритель Астрахани. Иван Никитич был другом и соратником старшего Пожарского и вообще незаурядной личностью. Пётр собрал все, что можно по нему, готовясь к путешествию. По всему выходило, что проскочить Казань, как прошлый раз с ходу, не получится. Не тот князь человек.

Вторым воеводой был Куракин Фёдор Семёнович. Ему было всего двадцать девять лет, но он уже и с Лисовским успел повоевать и под Тулой с ляхами. Одним словом и этот был крутой. Государевым дьяком был Иван Бородулин. Про него Пожарский не узнал ни чего.

Воеводы Пожарского встречали в Кремле. Он хоть и победитель непонятным торгутов, но ещё юноша, а эти двое зубры. Невместно им дальше Кремля нос высовывать. С первого же взгляда Петру стало ясно, что это просто потеряян-

ное время. Обычные спесивые русские князья. Да, смелые, да удачливые. Но учиться чему-либо у Петра не будут. Сами с усами. Ну, и чёрт с ним. Пётр посидел на пирушке в его честь, выслушал здравицы за своего отца. Сам восхвалял воевод. Шульгина он оставил на корабликах. Не дай бог, ещё узнает кто в Казани. Пиши потом объяснительные. Закончилось всё это действие поздно вечером и пришлось оставаться ночевать в Кремле у князя Куракина.

С утра княжич ломанулся на рынок. Вдруг опять арабские скакуны попадутся. Нет, лошади были, а арабских жеребцов и кобылок завести забыли. Всё-таки одного коня Пётр купил. Это был здоровущий вороной конь, в его родне явно были дестриэ, но Пожарский взял его по другому признаку. У него при полностью чёрной окраске были белые бабки и белая звезда на лбу. Красавец. Хозяин просил сорок рублей и Пётр, не раздумывая, их выложил. Коня взяли с собой в Миасс, не нанимать же корабль до Нижнего из-за одного жеребца.

Событие тридцать второе

Пан Янек Заброжский гордо шёл по Вершилову на плац, его Матильда родила позавчера мальчика. Тесть Янека Ганс Шмидт, самый богатый пивовар в Нижнем Новгороде, примчался, узнав о великой радости, и привёз с собой две бочки тёмного пива. Вершиловский воевода решил позвать на праздник всех соратников Пётра Дмитриевича, в том чис-

ле и новых немцев и голландцев. Собралось почти двадцать человек.

В терем не вместились и решили праздновать во дворе, благо май стоял тёплый. Произносили тосты, кричали здравицы, русская речь мешалась с немецкой, голландской и чешской. Было на самом деле весело. Пан Янек, чуть захмелев от пива и радости, обнимался с гостями, принимал подарки и тепло вспоминал Пожарского. Всех этих людей собрал в малюсенькой деревушке с полумёртвым священником и умирающими с голоду крестьянами именно Пётр Дмитриевич. Он сделал из них очень богатых людей. А есть и такие, что могут целые княжества немецкие купить. Но именно, что не в деньгах счастье. Эти люди были увлечены тем делом, которым занимались. Они не просто жили. Они мечтали и воплощали свои мечты в жизнь. Задумал вывести новую породу лошадей. Вот тебе лошади, вот тебе конюшни, вот тебе деньги. Выводи. Захотел построить лучший на Руси храм. Вот тебе строители, вот тебе кирпич, вот тебе лучшие в мире художники. Возводи. Задумал написать книгу. Пожалуйста. Вот тебе самая лучшая бумага, вот тебе лучший в мире книгопечатник, вот тебе лучшие в мире художники. Пиши, издавай. И так во всём. И у него – Янека так же. Захотел создать лучшую в мире армию. Вот тебе самые лучшие испанские мушкетеры, вот тебе клинки из толедской стали, вот тебе самые старательные ученики. И самое

главное, вот тебе наставления, как из всего самого лучшего сделать такой сплав, чтобы получилось не просто самое лучшее, а чтобы получилось недостижимое.

Пётр забрал с собой пятьдесят стрельцов. Двадцать добровольцев останутся в новом городке Миассе, что на Урал камне, а тридцать вернётся назад. Среди тех, кто останется, нет ни одного из первой двадцатки, что с княжичем с первого сражения. Тогда двадцать плохо обученных стрельцов разгромили превосходящий в три раза отряд казаков. Сейчас все эти стрельцы уже служат десятниками и сами обучают молодёжь.

Пожарский оставил памятку, как тренировать оставшихся стрельцов. Он целый день посвятил Заброжскому, объясняя каждое действие, каждую букровку в наставлениях. Лях поражался, слушая эти пояснения. Нужно было научить стрельцов быстро выкапывать траншеи, в которых можно не бояться обстрела из пушек и атаки конницы. Затем нужно научиться строить редут. Это такой забор из двух рядов плетённых из веток ограждений, между которыми засыпается земля. Атаковать, конницей или пешим строем такие укрепления будет чистым самоубийством. А ещё ведь отработывались два дополнительных мероприятия, чтобы и вовсе затруднить атаку. Перед окопами или редутами копались ямки, куда при плотном строе наступающей конницы обязательно будут попадать ноги лошадей. Дальнейшее понятно. А ещё отработывалось рассыпание «чеснока», откованных

шариков шипастых. Если лошадь наступит, тоже прощай лихая сабельная атака. Все эти уловки были далеко не новыми, так поступали ещё в старину. Но ведь сейчас нет. Сейчас это считается чем-то не рыцарским, подлым. Ну, так бы думал пан Янек два года назад. Теперь после общения с Пожарским он понимал, главное в бою, не удаль показать, а уничтожить противника не потеряв своих. Про твою удаль после победы летописцы и менестрели сами всё придумают.

Эти действия касались оборонительного боя. А был ещё бой наступательный. Отрабатывали незаметное подкрадывание ночью к лагерю противника и обстрел его с последующей атакой конницей. Был наступательный бой под обстрелом из пищалей и пушек. Тогда нужно ползти, используя неровности местности, и не поднимать головы, причём ползти очень быстро, а чтобы этому правильно научиться, была нарисована приспособа с натянутой в трёх вершках от земли проволокой с приделанными к ней колючками. Вот кузнецы шипеть будут, когда им делать эту приспособу придётся. Чай проволока не дешёвая вещь. Ничего. Жизнь стрельца дороже, тем более такого обученного стрельца.

Самое интересное было на закуску. Княжич назвал это штыковым боем. Штык – это такой четырёхгранный клинок, приделанный к деревянному мушкету. Мушкет этот был не настоящим, он только внешне немного его напоминал, его делали из дуба и заднюю часть оковывали железной пластиной с небольшими шипами. Княжич специально вы-

делил несколько часов из своего занятия стеклом и показал Янеку приёмы этого самого штыкового боя. Да, когда на тебя бегут размахивающие сабельками, а, то и дедовскими мечами противники, эта штыковая атака не только остановит наступающих, но и легко обратит их в бегство. Точно также и с кавалерией. Тут Янек опять поразился новой тактике. Не нужно обязательно стремиться стащить всадника с лошади, как это делается сейчас. Конечно конь это ценный трофей, да и не с лошадьми ты пришёл воевать. А тут наоборот, ткни коню штыком в грудь. Он и сам упадёт и всадника свалит. В лучшем случае всадник через какое-то время поднимется, а в худшем, лошадь его придавит. В обоих случаях добить кавалериста штыком не составит труда.

Про непонятную деревянную пищаль княжич объяснил так: это только макет. Скоро к ним приедут оружейные мастера и сделают мушкеты такого же размера и тогда стрельцы уже смогут ходить в атаку прямо с приделанными к мушкету штыками.

– Но, ведь мушкет очень тяжёлый, с ним не набегаяешься, – возразил тогда пан Янек.

– Этопока просто не умеют делать хороших мушкетов. Вот, мастера приедут, и тогда начнём настоящее оружие производить, а не эти пушки ручные.

Ещё несколько дней назад пан Заброжский считал, что эти двести стрельцов и десяток рейтар самое лучшее и обучен-

ное войско в мире. Теперь он понимал, что столкнись это лучшее войско с тем войском, которое с сегодняшнего дня будет тренировать пан Янек и от него одни ошмётки полетят. А что будет, если с этими стрельцами, что получатся после обучения новым приёмам рукопашного боя и обороны, столкнётся обычное воинство Европы, состоящее из ополченцев и научившихся плохо стрелять дворян и наёмников. Эти две сотни разгонят этот сброд, даже не дав к себе приблизиться. Они и лучшую в мире польскую кавалерию легко в бегство обратят. Против них нет ни у кого умения вести бой. Бедные шведы, турки и поляки. Что вас ждёт.

Событие тридцать третьё

Князь Баюш Разгильдеев поджидал их на прежнем месте. Только на этот раз нападать на людей, сгрузившихся на ночлег с шести лодей с Андреевским флагом, не собирался. Вместо этого он попросился за почти те же деньги, а именно за сто рублей, помочь княжичу Пожарскому основать поселение на реке Миасс. Пётр с радостью согласился. Деньги такие заработать легко. Один чайный сервиз в три раза дороже. А вот двадцать проверенных бойцов (служилые касимовские татары), что уже побывали на Урале, да плюс почти тридцать гребцов и такелажников – это ведь пятьдесят пар рабочих рук. Сила.

Баюш на небольшой пирушке, что устроили княжич с Шульгиным по поводу увеличения экспедиции, расска-

зал, что по представлению воевод Долгорукого и Пушкина был пожалован царём грамотой и освобождение пожизненно от налогов с его деревенок Рындиной, что на реке Меня и Княжьей. Теперь он среди мордовских мурз просто герой. Только вот денег постоянно не хватает.

– А дети у тебя, Баюш, чем занимаются, – спросил его Пётр.

– Старший, Богдан, сейчас на хозяйстве в Княжьей, а младший, Чепкун, смотрит за Рындиной, ему ещё только четырнадцать лет, но он будет великим воином, – похвастал татарский князь.

– Ты, как вернёмся, отправь, Баюш, младшего ко мне в Вершилово. Я его грамоте выучу и воинскому искусству вместе с моими стрельцами пообучается. А ещё давай договоримся, я после Крещения хочу в набег на шведов сходить, на те земли, что они у Руси по Столбовому договору забрали. Ты приводи этих же воинов. Только на конях. Найдёшь по два коня для двадцати человек? – вспомнил одну из своих задумок княжич.

– Сорок коней найду, но ведь в походе их кормить надо? – хитро сощурился Баюш.

– Об этом не переживай. Я выдам им одежду и оружие хорошее, я же и корма для коней куплю. Людям заплачу за поход по пять рублей на человека, а тебе с Чепкуном по сто рублей каждому. Согласен? – Пётр протянул руку.

– Конечно, согласен. Может мне больше воинов взять? –

вот ведь татарская простота.

– Нет, князь, поход будет тайным, нам ведь не нужна война со Швецией. Так, что славы не добудешь и не нужно, чтобы огромный отряд внимание к себе привлёк. Нападём на крепость, пограбим и бегом оттуда, – остудил великого воина Пожарский.

Через седмицу доплыли до впадения Белой в Каму. На этот раз люди мурзы Бадика Байкубета на караван не напали, или одумался первый в мире нефтяной магнат или, увидев восемь судов под знакомыми флагами, пираты поостереглись. Сам Бадик встречал дорогих гостей на берегу. Видно всё-таки устье Белой его люди контролируют и успели начальнику доложить о караване с Андреевскими стягами.

Приняли приглашения мурзы и вместе с князем прокатились на низкорослых башкирских лошадках до аула Моссада. Сорок бочек нефти стояло под навесом. Молодец мурза. Княжич отвалил нефтедобытчику сорок рублей и сказал тому, чтобы он бочки к реке доставил. Пётр собирался нанять в Уфе пару людей и отправить на них в Вершилово шерсть и бочки с нефтью. Отвели варёной баранины, договорились с Бадиком Байкубетом, что осенью заберут ещё сорок бочек и тут князя торкнуло.

– Мурза, а ведь твои люди овец разводят? – княжич указал на плавающее в котле мясо.

– Конечно, этим и живём, – кивнул, выслушав перевод, мурза Байкубет.

– Вы овец стрижёте? – спросил Пётр.

Оказалось, что стригут, но шерсть мало кому нужна, в основном для себя, войлок делают.

– Бадик, давай я вместе с земляным маслом буду у тебя и шерсть покупать по копейке за тюк. Можешь скупать у соседей, все, что заготовишь, я у тебя заберу, и забирать, как и земляное масло, буду каждый год весной и осенью.

Расстались вполне довольный друг другом.

Событие тридцать четвёртое

Воевода Нижнего Новгорода князь Фёдор Фёдорович Пронин получил письмо от личного дьяка Государя Фёдора Борисова. Письмо было небольшое, дьяк желал князю здоровья и сообщал, что в конце июля или в начале августа царь и Великий Государь Михаил Фёдорович желает посетить Нижний Новгород и Вершилово.

У новоиспечённого князя ещё с того дня как его царь возвысил, сложились дружеские отношения с Фёдором Борисовым. Князь регулярно посылал в Москву разные диковины из Вершилово, а дьяк взамен сообщал московские новости и вообще посвящал неофита в хитросплетения царёва окружения. Поэтому в достоверность этого, довольно невероятного события, воевода поверил сразу и, усевшись в новомодное вершиловское «кресло», задумался.

Цель поездки Государя была очевидна. Михаил Фёдорович регулярно получал диковины из Вершилово и, конечно,

любопытство взяло верх. Царю захотелось самому посмотреть на то, как и где производят эти красивые и страшно дорогие вещи. Само Вершилово Государя обязательно впечатлит, ещё не было человека, которого оставило бы равнодушным «село князя Пожарского». Ровные, прямые улицы, засыпанные мелким щебнем и утрамбованные, уже резко отличались от любых улиц любого города на Руси. Дома под черепичными крышами и с двумя печами, стоящие вдоль этих улиц, тоже равнодушным никого не оставят. Сейчас они уже большей частью обложены кирпичной кладкой, а к августу так будут выглядеть все. А новый храм, что возвёл архитектор Трофим Шарутин. Он настолько по внешнему виду выделяется из общей массы храмов на Руси, что его даже сравнивать не с чем. Ну, витые разноцветные купола немного напоминают собор Покрова Пресвятой Богородицы или, как его раньше называли, Троицкий собор. (Собор Василия Блаженного). Все храмы на Руси оштукатурены и побелены. Эта махина из красного кирпича с мозаичными иконами снаружи храма была «другой». Впечатление создавалось двойственное. Это было красиво. От храма невозможно было отвести глаз, всегда находилось что-то, за что глаз цеплялся. И это было чужеродно. Пронин как-то на эту тему разговаривал с Лукашем Доничем и тот сказал, что в Праге много храмов и они не похожи на русские, но они не похожи и на новый храм в Вершилово. Для Европы он такой же чужой, как и для Руси.

Два здания справа и слева от храма ещё только начинают строиться, но и сейчас уже видно, что они будут выполнены в одном стиле с храмом. Академия Художеств и Академия Наук будут из такого же красного кирпича с непонятным узором из кирпича более светлого, и иметь высоту, по словам Пожарского, в четыре этажа. И на стенах этих «академий» тоже будет мозаика. Хотелось бы посмотреть на эту площадь, когда строительство будет закончено. Напротив храма строится княжеский дом. Строительство едва началось, но уже только по фундаменту было ясно, что его размеры соответствуют академиям. Даже представить себе такой дом не получается.

А ведь ещё в Вершилово есть «промзона», как называет свои производства Пётр Дмитриевич. Там дымят десятки печей и хорошо, что ветер почти всегда дует от Вершилово к Волге. Целая стена дыма стоит. Так и хочется перекреститься, уж не ад ли там за дымом.

Итак, с Вершиловым всё понятно, оно к приезду государя готово всегда. А вот Нижний Новгород? Пронин со вздохом покинул кресло и приказал стрельцу, дежурящему за дверью отправить посыльного к Государеву Дьяку Акинфиеву Трофиму Силычу. Нужно готовить Нижний Новгород к визиту царя. Времени достаточно, два с половиной месяца. Много можно успеть.

Событие тридцать пятое

Трофим Акинфиев крутился как белка в колесе. Управляющие княжича Зотов и Крчмар начали строить дорогу от Нижнего до Гороховца и сейчас они обучали этой премудрости двух выбранных для этого дела Государевым дьяком немцев. Одним «немцем» был чех Томас Крупчик. Он должен будет через неделю заменить Зотова и Крчмара. С этим было всё просто. Имеется обученная сотня «дорожных рабочих», что тянули дорогу от Вершилова до Нижнего и есть тот же Зотов, который будет проверять и подсказывать, если, что пойдёт не так.

Второй «немец» был тоже чех. Вся чешская диаспора Нижнего Новгорода была из пленных наёмников, которых захватили после разгрома высланного на помощь сыну Сигизмундом войска. Гетманов, понятно, отпустили с верхушкой шляхты, а вот других пленных сослали сюда в Нижний. Так они с 1613 года здесь и обитают. Чеха звали Адам Вожик. Пан Вожик был чуть постарше остальных немцев, ему уже шёл пятый десяток и к строительству он отношения до разговора с дьяком не имел. Вожик был пушкарём и обучал этому делу нижегородских стрельцов. Выбор пал на него просто потому, что он чех. Трофим Силыч надеялся, что Крчмар и Крупчик будут помогать своему земляку. Оба были строителями, а Крчмара ещё и княжич Пожарский научил вести дела.

Адам Вожик должен был перенять навыки по строительству дорог и принять под свою руку стройку участка доро-

ги от Гороховца до Вязников. Вот набором рабочих, их обучением и подготовкой инструмента дьяк сейчас и занимался. Купцы и мастера, почувствовав большие деньги, начали взвинчивать цены, и приходилось кого добрым словом, а кого и плетью убеждать, что сребролюбие это грех. Пока вроде получалось. Пока. Вчера его позвал воевода Фёдор Фёдорович Пронин и сообщил о скором визите царя батюшки. Целый день руководители губернии соображали, что можно кроме строящихся дорог предъявить царёвым очам.

Первым делом они решили позвать всех богатых купцов и мастеров и предложить им покрыть свои дома черепицей. Черепицу можно будет закупать у Пожарского, а можно и своё производство организовать. Дело не хитрое, мастера освоят.

Ещё подумали о дорогах, точнее улицах, в самом Нижнем Новгороде. Нужно хотя бы несколько центральных улиц и площадь в торговых рядах сделать по образцу вершиловских. На торг Государь обязательно поедет. Одно дело, если он поедет по грязи и ухабам, а другое дело – по засыпанной гравием и утрамбованной дороге. Ещё можно хоть немного выровнять дороги в городе. Пусть идеальными прямыми они не станут, но хоть одной ширины будут и ямы засыпятся.

Купцы и мастера разделились, одни охотно поддержали начинания воеводы и Государева дьяка, вторые стали кричать, что им и под деревянными крышами не плохо. Пришлось идти на компромисс, Акинфиев своей волей разре-

шил деньги, потраченные на черепичную крышу вычесть из причитающейся пятины. Тут все споры и прекратились. А ещё, вспомнив методы Пожарского, воевода объявил, что за самые красивые ворота будет приз, фарфоровая ваза из Вершилова. Народ ушёл, почёсывая затылок. Сомнения нет, некоторые даже Рубенса к этому делу привлекут.

– Надо будет через неделю объявить, – тоже почёсывая затылок, предложил Пронин, – Что когда царь приедет, хлеб соль ему подавать будут только те, у кого дом кирпичом обложен.

Дьяк понимающе хмыкнул. Строительство печей в городе, что производят кирпич и теперь ещё и черепицу увеличится в несколько раз, а значит и собираемая губернией пятина увеличится. Чего бы ещё придумать, чтобы царя ба-тюшку достойно встретить?

Событие тридцать шестое

Воевода Уфы Григорий Григорьевич Пушкин за зиму сильно сдал. Обнимая его на пристани Пётр Дмитриевич заметил, что и без того седая голова воеводы стала прямо белоснежной. Да, и морщин вокруг глаз добавилось. Кожа стала желтоватой. Стоп, авитаминоз ведь у них должен быть весной. Про витамин «С» только англичане стали догадываться, а остальной мир знать не знает.

– Григорий Григорьевич, – начал княжич Пожарский, когда они отообедали, просветительную беседу, – У меня сейчас

в Вершилово доктор один живёт из Голландии, так он советует по весне всем черемшу есть и настой из еловых иголок пить.

– Зачем же это? – удивился Пушкин.

– Говорит, что тогда люди болеть весенницей (цингой) не будут. Ты Григорий Григорьевич стрельцов по домам пошли, пусть они людишкам прикажут по полям пройтись, да черемши накопать и есть её, чем больше, тем лучше. Для тебя же у меня средство заморское есть, – Пётр взял с собой несколько бутылок с настоем шиповника, соком смородины и мёдом. Всё это перемешивалось, заливалось в бутылку по самое горлышко и сверху затыкалось пробкой из живицы.

– Спасибо за уважение, – улыбнулся щербатым ртом воевода.

Пожарский послал стрельца на корабль, чтобы тот принёс чудодейственное лекарство в зелёной бутылке, а сам стал расспрашивать Пушкина о новостях.

– Торгуты больше не появлялись, но башкиры говорят, будто Большие Ногаи сворачивают свои стоянки и перебираются на правый берег Волги. И с Яицких городков то же передают. Вся степь в движение пришла. Не иначе те воины с коими ты столкнулся, были разведкой, а теперь основные силы подходят, – рассказывал Григорий Григорьевич, – В позапрошлом годе скончался правитель Больших Ногаев Иштеряк – бий. У них сейчас усобица идёт. Мурза Канай в прошлом годе к Астрахани подходил с пятью тысячами войска,

чтоб на верность государю нашему присягнуть. Слышал я, что его и хотят новым бием провозгласить. Только это всё пустое. Как волка не корми, а он всё одно на хозяйских овец нападёт. Ну, да посмотрим, чем дело кончится, – махнул рукой Григорий Григорьевич.

– Может, нужно острожек или заставу поставить, там, где Белая на восход поворачивает? – предложил Пётр, – Пойдут со мною, я им помогу крепостцу срубить, задержусь на денёк. А то ведь за мною ещё людишки плывут и со скотом и с семьями стрелецкими и крестьянскими.

– Добро, выделю я два десятка стрельцов, – согласно кивнул Пушкин.

На этом пока и расстались, Пётр пошёл на рынок, посмотреть, нельзя ли чего интересного прикупить, а воевода Уфы собирать стрельцов для стройки острога у поворота Белой на восток. Подняв карты, что имелись у Пожарского от прошлого похода, решили строить на правом берегу Белой в месте впадения в Белую речки Бальза, что в переводе с башкирского «медовая долина». Крепость с двух сторон водой будет окружена, все меньше работы.

Подходя к рынку, Пожарский вспомнил, что здесь в прошлый раз в конских рядах прикупил верблюдов и сразу туда направился. Верблюды были. Купец явно азиатской внешности азартно спорил о чём-то с русским бородачом. А возле него и лежали на земле четыре верблюда и ... два яка. Яков Пётр видел только в зоопарке. Это что, он их с самого Тибета

та сюда пригнал. Про яков бывший генерал помнил, что рассказывал экскурсовод в зоопарке Нижнего Новгорода «Лимпопо», куда он ходил с внучкой. Яки с коровами образуют гибрид, называемый хайнак, получается корова с конским хвостом и шерстью, и что они достигают больших размеров и мясо у них гораздо вкуснее говядины. «Надо брать», – решил Пожарский. И не только яков. Нужно будет как-то организовать отлов в будущей Белоруссии десятка зубров, пока их там всех не истребили.

«Китаец» через переводчика башкира был уломан Пожарским продать четверых верблюдов и двух яков (самца и самки) за двести рублей. Деньги, конечно, были не малые, но чего не сделаешь, ради прихоти. Кроме того китайцу было предложено пригнать сюда осенью ещё десяток яков.

– А чтобы не гонять впустую, возьми и загрузи их чаем, весь куплю, – сообщил, враз разбогатевшему купцу, княжич.

Договорились. Княжич предупредил, что если его не будет, то деньги отдаст воевода Уфы Пушкин Григорий Григорьевич.

Ещё Пётр купил на рынке десяток овец с самой, как ему показалось, тонкой шерстью. Быстро нашёлся и купец, который согласился на двух своих лодьях доставить живность в Вершилово и по дороге забрать бочки с нефтью у мурзы Бадика Байкубета, а тому взамен поставить сорок пустых бочек. Пётр покидал Уфу довольный. Удалось пополнить стадо верблюдов, удалось купить яков и договориться с «ки-

тайцем» о поставках чая и ещё десятка яков. Наконец, он договорился с воеводой о постройке небольшой крепостцы на повороте реки Белая на восток. Две большие лоды со стрельцами и плотниками отплыли из Уфы вместе с ним.

Событие тридцать седьмое

Пётр Дмитриевич Пожарский оглядывал в подзорную трубу берег. Место, где они с воеводой Уфы Григорием Григорьевичем Пушкиным наметили поставить крепостцу, было занято. Река Бальза впадала в Белую под очень острым углом, получался практически треугольник – идеальное место для крепости. Тем более что берег Белой был довольно крутым. Построй стену с вышкой, да чуть углуби правый берег Бальзы и вот тебе готовая неприступная крепость. Только вот там сейчас стояла на привале целая армия. Ну, ладно, дивизия.

– Что делать будем? – спросил кормщик у княжича.

Пожарский огляделся. Белая в этом месте была не очень широка, не больше пятидесяти метров. Если степняки попробуют закидать лоды стрелами, то у них и получиться может.

– Пристаём к правому берегу. Из лодей ни кому не выходить, – скомандовал Пожарский.

Прямо к берегу подойти не удалось. Мелко. Пришлось изгаляться. Пётр решил провести разведку и на всякий пожарный перетащить на один кораблик все шесть пушек. Ес-

ли степняки нападут, то залп картечи с нескольких десятков метров может сильно поубавить прыть атакующих. Пушки перетасили по мосткам, перекинутым с одного кораблика на другой, и зарядили картечью. Зарядили и все двадцать мушкетов и двадцать пищалей уфимских стрельцов.

Одна лодья подгоняемая северо-западным ветром и слаженными ударами весел гребцов направилась к устью Бальзы. Незваные гости их заметили, и на берегу поднялся шум с «плясками». Седлали коней, доставали луки. Точно миром не разъехаться. Ещё бы понять – кто такие. Стоящий рядом с Пожарским князь Разгильдеев эту проблему решил.

– Ногаи. Вон шатёр с бунчуком. Не иначе сам бий. А нет – это бунчук нурадина, правителя западного крыла, – вглядевшись в протянутую княжичем подзорную трубу, заключил Баюш.

Подзорная труба досталась Пожарскому от ван Бодля. Доктор купил её ещё в Нижних Землях, хотел сделать из неё микроскоп. Но Симон Майр привёз с собой уже готовый, и труба была подарена княжичу. Вот сейчас и пригодилась.

– Пушкин говорил, что сейчас вроде мир с ногаями. Канай сейчас даже покровительство у царя просит, – неуверенно начал Пётр, но его сомнения тут же рассеял град стрел, упавший в воду с небольшим недолётом.

Да, покровительство – это одно, а пограбить купцов – это другое.

– Целься из пушек, – отдал он команду, одновременно же-

стом остановив гребцов.

Пушкари навели маленькие свои орудия на берег. До ногаев столпившихся на берегу оставалось метров сто.

– Сейчас подойдём поближе, Фёдор Иваныч, – вспомнил бывший генерал фразу из фильма «Белое солнце пустыни».

Ветер ещё метров на двадцать подтащил лодью к устью Бальзы.

– Огонь, – как всегда, залпа не получилось. Пушчонки ухнули с некоторыми интервалами, но общую картину это не испортило. Судно заметно вздрогнуло, всё заволокло вонючим дымом. Но на реке дым снесло к правому берегу быстро, – Из мушкетов, пли.

Два десятка выстрелов прозвучали даже громче, чем шесть пушечных до этого.

– Из пищалей, пли.

Теперь можно и осмотреться. На берегу была паника. Три залпа просто выкосили первые ряды ногаев, но их было слишком много. Задние ещё по инерции продолжали напирать, а оставшиеся в живых с берега ломанулись навстречу. Лошади ржали, люди орали, но пока это, ни к чему не приводило. Меж тем пушкари снова подкатали пушчонки к борту и зарядили следующей порцией картечи.

– Огонь, – скомандовал Пожарский, видя, что все шесть орудий готовы к стрельбе.

Пушки жажнули повторно. На этот раз картечь ударила в спины пытающихся уйти с берега степняков. Теперь уже

вся масса ногаев дружно покидала треугольник образованный двумя реками.

– Гребцы, ближе к берегу. Из мушкетов пли.

Пушкари успели зарядить и выстрелить ещё раз, когда уже лодья ткнулась в берег. Высота берега была в уровень с бортом лодьи, и вслед удирающим степнякам хлестануло практически в упор, огромная масса людей и коней просто не могла отступить слишком быстро. Ещё по разу из мушкетов и пищалей успели отметиться и стрельцы.

– Пушки и мушкеты чистить, осмотримся, – скомандовал княжич, увидев, что пушкари в азарте собираются заряжать орудия снова.

Стрелять было не в кого. Ногаи убралась уже на добрые двести метров, и останавливаться не собирались. Пётр осмотрел оставленный противником берег. Больше сотни убитых и раненых, да и коней почти столько же. На ближайšie дни явно мясная диета намечалась, по крайней мере, у татар.

– Баюш, дай команду остальным судам подходить. И надо на берегу живого найти поспрошать, кто такие.

Подошли девять остальных лодей. Татары споро сыпанули на берег, добивать тяжелораненых и раздевать всех подряд. Пожарский видел, как довольно потирал руки князь Разгильдеев. По договорённости с Пожарским вся добыча доставалась ему, как самому нуждающемуся.

Удалось поймать одну лошадь. Стремян не было, вместо

седла что-то типа коврика. Баюш вызвал одного из мародёрствующих соплеменников и отправил его вслед ногаям, посмотреть, что они теперь делать собираются. Пётр Дмитриевич между тем осматривал шатёр, доставшийся ему в качестве трофея. Бывший хозяин так быстро покидал свои покои, что впопыхах забыл даже двух девиц. Вернее одну девицу и одну тётку.

Бебезяк, что первый спрыгнул на берег с подошедших корабликов, первый и в шатре оказался. Сейчас он, покрикивая на тётку, расспрашивал её о хозяине шатра. Оказалось, что на них напали ногаи из улуса самого Каная, сына нурадина Динбай-мурзы и внука Исмаил – бия. Того самого, что по словам воеводы Пушкина хотели избрать бием в Астрахани. Получается, опять почти своего побили. Ну и нечего было нападать первыми.

– А это что жёны его? – спросил лучника княжич.

– Старшая – его мать Алсу, а младшая – жена Агзама, что значит самая великая, – пояснил ногай.

– И что нам теперь с ними делать? – скорее себе, чем Бебезяку задал вопрос Пожарский.

– Надо мать отправить к нему с посланием, что теперь это наша земля и если он не хочет рассердить Великого Государя, то пусть убирается отсюда, – предложил подошедший князь Разгильдеев, – Там ещё одну легкораненую лошадь поймали.

– А с Агзамой что делать? – перевёл взгляд с матери на де-

вушку княжич.

Жена будущего, бия, была закутана в несколько дорогих парчовых халатов, на голове возвышалось грандиозное коническое сооружение, обвешанное какими-то бусами.

– Ты отбил у Каная жену, теперь она твоя, – безапелляционно заявил Бебезяк, – можешь продать, можешь жить с ней сам.

– Слушай, Бебезяк, а давай я её тебе подарю, – придумал Пётр. Он давно хотел найти лучнику жену, да всё ход не доходил.

Ногай был очень полезен, он натренировал за год десяток отобранных стрельцов стрельбе из лука, и теперь у Пожарского было десять человек, которые легко могут бесшумно снять посты или часовых на стенах. Пусть пользуется бывшей женой самого бия. Чем не почёт.

Через день вернулся посланный вдогонку улусу разведчик. Канай, не останавливаясь, уходил на запад к Волге.

Глава 4

Событие тридцать восьмое

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов изучал астрономию, десять дней назад пришла очередная оказия из Вершилово. В письме Петруша сообщал, что отправился снова на Урал добывать секретный камень для производства фарфора, а заодно и заложить там крепостцу с двумя десятками стрельцов и с таким же количеством крестьян, что являются холопами недавно возведённого во дворянство Никиты Михайловича Шульги. Он же потом воеводой там и останется.

Михаил порадовался – ещё одно поселение шагнуло в Сибирь. Уже несколько лет из лесов за Уралом идёт неиссякаемый поток мягкой рухляди. На вырученные от продажи мехов деньги царь закупил изрядное количество мушкетов в Англии и Франции, а так же огненного зелья к ним. На Руси самостоятельно порох делать не умели. Вернее из чего делают порох знали, но серы рудознатцы в пределах Московского царства не нашли, а селитру в навозных буртах получали, но в очень небольших количествах, уж очень долгим был путь от закладки буртов до получения селитры.

Освоится Петруша на Урале, сможет больше диковин своих из фарфора делать, опять казне прибыль не малый. После недавнего аукциона с блюдами под рыбу и огромными

вазами опять явились английские купцы во главе с Джоном Мерриком просить и требовать допустить их в Вершилово, напрямую торговать с Пожарским. Даже приплели, что Михаил Фёдорович сам дал им льготы по торговле русскими товарами.

– Конечно, – согласился Государь, – Льготы вам дадены и никто на них пока не покушается, но льготы даны на пеньку и лес, а про фарфор там, ни слово не сказано. Вот если вы привезёте из Англии мастера по производству мушкетов и мастера по выделке хорошей шерстяной ткани, и они откроют здесь производство, то он, Михаил Фёдорович, царь и Великий Государь, подумает, чем он сможет англичским купцам помочь.

Купцы ушли недовольные, а дьяк Тайного приказа Трофим Возков потом доложил, что Джон Меррик собирается в Мурманск, чтобы отплыть в Англию. Может и привезёт мастеров.

В посылке от маркиза Пожарского было несколько новых поделок из фарфора. Особенно Михаилу понравились собачки. Их было шесть штук, и все они были разных пород. Царь сам был страстным охотником и красоту собак оценил, русская же борзая была просто великолепна. Кроме того в сундуке было пять бутылок зелёного стекла, запечатанных воском. На бумажке, что была приклеена к бутылке, было написано, что это микстура Парацельса и сделана она по рецептам докторов Амбруаза Паре и ван Бодля. На бу-

мажке была нарисована краснощёкая дивчина, которая улыбалась, демонстрируя ровные белые зубы.

В письме Петруша писал, что это средство от веснянки, иначе именуемой цингой, и пить его нужно Государю и его родителям по одной ложке каждый день. Вызванный на пробу докторус Бильс сказал, что питьё вкусно и если оно и в самом деле помогает от цинги, то его можно продавать морякам всей Европы за огромные деньги. Он даже попросил Михаила написать письмо Пожарскому, чтобы тот поделился секретом этого зелья.

«Сейчас», – усмехнулся царь, проглатывая ложку вкусно-го, пахнущего летом, снадобья, – «Маркиз наш и сам знает, где и за какие деньги, что можно продавать».

Ещё в сундуке было три книги. Первая была учебником математики для детей. Автором её был Симон Стивен, голландский математик, что прошлой осенью приехал к Петруше. Только цифры там были не как на Руси написаны буквицами, а арабскими знаками. Михаил сразу взялся книгу изучать. На третий день он уже перестал путаться в новых цифрах и с удовольствием решал задачки для детишек. Он вызвал старшего Фофанова и дал тому команду напечатать сотню таких книжек для учеников приютов, где собрали по Москве и другим городам беспризорных мальчишек. Государь посетил недавно приют, что основал он сам на деньги от аукциона, и остался, увиденным, доволен. Дети были опрятно одеты и веселы, а опрошенные наугад даже немно-

го лопотали по-немецки и на зубок читали десяток молитв. За семь-то лет они многие науки превзойдут.

А сегодня Михаил принялся изучать вторую книгу. Это был учебник по астрономии написанный немцем Симоном Майром. Михаил Фёдорович поражался, неужели Земля и правда вместе с Луной вращаются вокруг Солнца, а с ними и ещё семь планет, со своими лунами. Поразительно.

Его оторвал от созерцания солнечной системы, нарисованной на первой странице книги нарочитый кашель дьяка Фёдора Борисова. Михаил оторвался от книги, если Фёдор решил его потревожить, то случилось что-то серьёзное.

– Государь батюшка, там опять «немцы» к маркизу Пожарскому приехали, чуть не десяток, прикажешь позвать? – дьяк низко поклонился, но Михаил успел улыбку заметить.

– Зови, пусть через час все в тронном зале ждут, – Михаил отложил «Астрономию», нужно пойти переодеться к приёму гостей. Петруша простых крестьян к себе не зовёт, явно мастера будут или учёные, пусть Государя видят во всей красе.

Переселенцев и впрямь было много. Первой царь дозволил представиться женщине. Переводчиком опять служил доктор Бильс, почти все приехавшие были голландцами. Женщину звали Кристин, и она была женой доктора ван Бодля, с нею был Иоахим старший сын составителя учебника и зелья от веснянки. Семейство ван Бодлей продало в Антверпене дом и практику и в полном составе со слугами перебиралось на Русь.

Михаил обрадовался, значит этот докторус, что принесёт огромные деньги Петруше и в казну своим учебником, а особенно микстурой от цинги, собирается обосноваться в Вершилово на постоянно.

– Фёдор, – подозвал Государь дьяка, – Подготовь грамотку на даровании докторусу ван Бодлю дворянства с 50 четями землицы в Жарской волости. Пусть жена его и порадует сим известием.

Следом представился пастор Виктор ван Бизе. Как оказалось, его дочь только что вышла замуж за сына доктора ван Бодля Иоахима. Маркиз приглашал через ван Бодля приехать старшего сына пастера Риакарда стать священником в расширяющейся протестантской диаспоре Вершилово, но ван Бизе решил перебраться на Русь всем семейством, уж больно беспокойно стало в Нижних землях. Религиозные войны захлестнули всю Европу.

Что ж, Михаил с отцом решили разрешить строить в Вершилово протестантский храм и священник был нужен. Почему бы и не родственник нового русского дворянина ван дер Бодля.

– Ты, пастер, езжай в Вершилово, и храм строй и службы справляй, только русских людей в свою веру не переманивай. А хочешь, чтоб паствы побольше было, зови мастеров да учёных из Европы. Если человек знающий, то пусть едет, примем, – глядя прямо в глаза улыбчивому монаху, сообщил Михаил.

Ван Бизе заверил его величество, что и не собирался кого-то переманивать в протестантство. Человек вправе верить в то, что считает правильным. Это в Европе католики всех хотят переделать по-своему. Именно поэтому война и началась.

– Добро, езжай к Пожарскому, – решил Михаил Фёдорович.

Следующим был мастер оружейник Ян ван Рейн. Мастер делал и мушкеты и пистолы. Ну, вот, обрадовался царь, и оружейника Пётр Дмитриевич к себе заманил. Умница. Ван Рейн перебирался сразу с женой и тремя сыновьями, двое из которых уже помогали отцу. С ним также приехала и семья его подмастерья.

– Каковы твои мушкеты будут, лучше ли испанских? – поинтересовался у оружейника царь.

– Очень многое зависит от железа, из которого делают ствол. Испанцы делают из металла, производимого в Толедо. Это лучшее железо в мире, разве что шведское может и с ним сравниться, – честно ответил голландец.

Царю это понравилось. Мастер не хвастал.

– Купим свейского железа, чай их купцов в Новгороде, да Пскове полно. Зерно наше скупают, да меха. Пусть за меха-то с пшеничкой железо и поставят, – Михаил кивнул дьяку, чтобы тот этот вопрос обдумал.

Четвёртым представился аптекарь из Антверпена Патрик Янсен. Этот тоже переезжал со всем семейством, женой дву-

мя сыновьями и тремя дочерьями, все они ещё были маленькие, старшей дочери едва минуло тринадцать. Михаил приказал дьяку Фёдору показать аптекарю книгу ван Бодля на латинском языке и переключился на следующего посетителя. Им оказался младший брат докторуса Йозеф Марк. Этот был алхимиком. Зачем Петруше алхимик, неужто золото собирается из свинца делать. Ну, да ладно, раз позвал, значит, есть и для алхимика у маркиза работа.

Последним представился пожилой немец Михаэль Мёстлин. Вот этот оказался зубром так зубром. Из перевода Бильса Михаил Фёдорович понял, что это учитель Кеплера, Галилея и Симона Майра, профессор Тюбингенского университета. Последним он представился потому, что не имел приглашения от маркиза Пожарского, а только читал его письма к Рубенсу и Кеплеру. Государь не удержался и приказал Борису принести книги Кеплера «Оптика» и Майра «Астрономия» на латыни. Остальных «путешественников» царь отпустил, а тёзку пригласил отобедать с ним, а пока собирают на стол посмотреть книги. Профессор как уткнулся в новые книги, так и не смог оторваться, пока его дьяк под руки не проводил к столу.

– Это замечательные книги. Я читал многие книги этих астрономов, но эти на голову лучше. Их нужно немедленно отправить в Европу, – высказался учёный после обеда.

– Завтра вас на кораблях по рекам отправят в Вершилово, – сказал на прощанье Михаил, – А насчёт Европы я со-

мневаюсь. Ещё припрутся паписты наших людей сжигать. Пусть сначала эта Европа дорастёт до понимания, что вокруг чего вертится. Они там думают, поди, что Солнце встанёт только чтобы Ватикан освещать.

– Может вы и правы, Ваше Величество, могу я хотя бы пригласить в Вершилово Вильгельма Шиккарда, он тоже профессор Тюбингенского университета и в свете начавшихся войн ему сейчас небезопасно оставаться в Тюбингене. Это выдающийся учёный, он недавно изобрёл удивительную счётную машину.

– Учёным мы всегда рады, пусть едет, да и другим профессорам-то письма напиши, пусть едут к маркизу Пожарскому. Там войны и инквизиции точно нет, – усмехнулся Михаил. Как вовремя ему Петруша книжки-то прислал.

Событие тридцать девятое

Василий Петрович Полуяров женился. Началось все, когда ему Замятий Симанов показал его вотчину в Жарской волости. В деревеньке было четыре двора. Как и все получившие тогда дворянство вершиловцы, Василий построил им на свои деньги дома с банями и хозяйственными пристройками, купил коров, лошадей и коз. В общем, всё как в Вершилово. Потом собрал крестьян и рассказал про обранные уши и холощение в случае лености и питания мёда. Так как с Полуяровым был страшный лях, и рассказы про от-

резанное ухо у Фомы Андропова уже облетело ближайшие окрестности Вершилова, то народ новому господину поверил. Как тут не поверишь, коли лях так и зыркает глазами, отыскивая в толпе, кому ухо обрезать али ещё чего.

Когда весной пришло время сеять, Василий раздал своим крестьянам перебранную рожь с пшеничкой и сам проследил, чтобы именно эти семена и посадили. А на следующий день к нему не свет ни заря пожаловала гостья. Женщина была не старая, но какая-то поблѣкшая. Она повисла на Василии и просила того не губить её горемычную. Агроном еле-еле с помощью бабки Лукерьи, что вела его хозяйство, успокоил женщину раздел её и усадил в кресло. Женщина оказалась соседкой Полуярова, вдовой дворянина Истомина, Анной Игнатьевной.

Когда соседка успокоилась, то рассказала Полуярову свою историю. Муж её погиб позапрошлым годом под Москвой отражая последнюю попытку ляхов взять столицу Руси. А на следующий год утонул в речке и шестилетний единственный сын Истоминой. Именьице Истоминых было не малым, целых шесть дворов и находилось как раз рядом с вотчиною Полуярова. Женщина одна, пока муж воевал и потом, после его смерти, четыре года тащила хозяйство и кое-как сводила концы с концами. Но тут появился Василий и построил своим крестьянам домины и роздал животину, последней каплей стала раздача крестьянам «полуяровки». Её крестьяне заявили, что если им хозяйка не выдаст на семена новую

рожь с пшеничкой, то в Юрьев день они уйдут от неё к Полуярову или к Пожарскому.

Вот Анна Игнатъевна и пришла к Василию. Пока женщина пила чай, поданный бабкой Лукерьей, и рассказывала агроному свою историю, Полуяров успел хорошо разглядеть вдову. Без верхней одежды оказалось, что Анна ещё очень молода, и двадцати пяти лет нет. Кроме того соседка была красива, чёрные как смоль волосы, карие глаза, высокая грудь.

– Не расстраивайся, Анна Игнатъевна, дам я тебе пшенички и ржи на семена, – хотел утешить вдову Василий, но добился противоположного.

Истомина опять пустилась в причитания и слёзы. Полуяров поднял её, посадил на лавку и сев рядом, стал утешать женщину. А через час предложил ей выходить за него замуж. Вдова застеснялась и убежала. Василий сходил к отцу Матвею и попросил его быть его сватом. Так дело и сладилось. Через неделю уже и свадьбу сыграли. Василий раздал своим новым крестьянам зерна, купил коров и лошадей и заплатил Крчмару за строительство ещё шести домов. Вот тут и оказалось, что заработанные деньги и даже деньги, что княжич выдал в качестве премии за «полуяровку», целых двести рублей, кончились. Поднимать десять дворов оказалось далеко не дёшево. Спас староста вершиловский Коровин. На следующий день после свадьбы он заявился в терем Полуяровых с сундучком.

– Это, Василий Петрович, тебе Пётр Дмитриевич велел

передать, коли ты без него женишься, – сказал Коровин и открыл крышку сундучка, – Тут двести рублёв серебром и кольца золотые тебе и невесте, а ещё серьги и колечко для жёнушки твоей.

За всеми этими делами семейными не забывал агроном и об новых культурах. Подсолнух и кукуруза были пересажены из «теплицы» на улицу, как только отцвела черёмуха, а для тыкв и кабачков были приготовлены тёплые грядки. Сначала насыпали навоза конского с травой, перемешали всё, водой залили, а сверху плодородной землицы с поймы Волги принесли. Картофель протяпали от сорняков и подокучили. Это тот, что клубнями посадили, а семенами посаженный только ещё третий листик дал в теплице. Помидоры и перцы тоже в теплице взошли и сейчас на летнем почти солнышке уверенно тянулись вверх. Лучшее всех рос топиамбур, уже выше колена поднялся. Даст бог, вырастим и заморские овощи, порадуем Петра Дмитриевича к возвращению.

Событие сороковое

У новой крепости пришлось задержаться на два дня. Лес валили и доставляли брёвна для строительства с другого берега Белой. На левом была степь, насколько хватало видимости. Вместо заслуженного отдыха получился незаслуженный аврал. Нужно было рубить деревья, почти полкилометра тащить брёвна к воде, сбивать из них плоты, пе-

реплавлять на другой берег, разбирать плоты и затаскивать мокрые, скользкие брёвна на довольно крутой берег. Два дня и ушло. Как раз дождались второго каравана переселенцев. Ночь провели вместе, а утром, наказав вновь прибывшим, тоже пару дней помогать строить укрепления и жильё для стрельцов, поплыли дальше. Лето приближалось, нужно ведь ещё успеть вспахать целину и посеять пшеницу на Урале.

Баюш был доволен. Он стал обладателем большого количества сабель, ножей и прочего железа, что удалось снять с побитых ногаев. Его воины перевезли на лошадях и свалили в кучу в трёхстах метрах от новой крепости сто двенадцать раздетых трупов. Тоже не малая горка получилась. Не чета, конечно, прошлогодней, но и эта впечатляла. Тем более что потом в Уфе и Казани можно цифру и утроить. «Более трёхсот ворогов побили», – звучит не плохо.

Пленных, оказалось, шесть человек. Раны у них были неглубокие, и княжич сам их осмотрел, промыл раны и перевязал. Из допроса получалось, что улус мурзы Каная перекочёвывал поближе к Волге, так как на правом берегу Яика появились их давние враги торгуты. И было их так много, что ногаи предпочли, после нескольких стычек, откочевать пока подальше и собраться с силами.

Пётр Дмитриевич выслушал перевод князя и решил крепость помочь достроить до конца, а уж потом плыть даль-

ше. Не спокойно в степи. Лучше встречать врага за стеной, чем пытаться отбиваться из недоделанной крепости. Баюш не возражал, он и сам, подавая пример своим, таскал брёвна и переправлял их на другой берег. Деньги, что заплатит Пожарский надо отработать.

Князь внимательно следил за собираемыми вершиловцами домами. Так строить его люди не умели. Избы в двух вотчинах, что теперь принадлежали роду Разгильдеевых, скорее напоминали перекрытые сверху землянки. Копалась в земле яма, поднимались уложенные прямо на землю три-четыре венца, и устраивалась крыша, крытая камышом. Пол был земляной, и в доме всегда было сыро. А эти дома были с высокими стенами и деревянными полами. Нижний венец укладывался на вкопанные в землю камни, Пожарский называл их «фундаментом». Нужно будет по возвращению домой построить у себя в деревнях такие же дома. Леса хватает, а денег после этого похода тоже будет достаточно, чтобы нанять печников и плотников.

Дальше до самого переката, ничего не случилось. Княжич поторапливал гребцов, нужно было нагонять время, потраченное на помощь стрельцам. Русским хорошо. Они здоровые и сытые, а гребцы у князя быстро уставали и не выдерживали такого темпа. Приходилось воинам садиться за вёсла и на привал становиться позже основного отряда. Там уже успевали разбить лагерь и сварить еду. Хорошо хоть не забывали про татар, варили и на их долю. Первое время почти

одной кониной питались, почти сто убитых лошадей. Удалось всего семь животных выходить после боя с ногами, да и то одну отдали матери Каная Алсу, чтобы она передала сыну, что к новой крепости лучше не соваться. Её отпустили, когда подошла вторая часть каравана княжича. Теперь будущий бий узнает, что русских там несколько сотен и множество пушек, их специально принесли на недостроенную ещё стену, чтобы женщина видела, потом перед отплытием пушки отнесли назад на корабли, но этого женщина уже не видела. Она настёгивала лошадь, стремясь быстрее миновать гору трупов из своих бывших подданных.

Из всей добычи Пожарский оставил себе только шатёр, Баюш и его бы с удовольствием забрал, но Пётр Дмитриевич его аппетит остудил. Всё оружие, шесть лошадей и целая гора одежды, разве мало. Жаль, шатёр был из парчи и стоил огромных денег.

Событие сорок первое

Никита Михайлович Шульга остался на последнем пороге Белой. Построенный причал в прошлом году льдом и весенним разливом реки чуть покорило, и его нужно было поправить. С бывшим воеводой остались шесть кормщиков, один печник и десяток стрельцов. Построенный рядом с причалом острог «Белорецкий» состоящий из одного барака и трёх полноценных домов, только без печей, нужно было обнести настоящей стеной, построить смотровую вышку, а в

домах и бараке возвести печи. Ну, и достроить.

Остальной отряд пошёл дальше пешком. В отличие от прошлого года были лошади, и часть необходимой поклажи на них повезли, всё людям облегчение. По наступающей жаре чувствовалось, что они чуть опаздывают с пахотой и посадкой яровой ржи и пшеницы. Оставалось надеяться только на русский авось. Постоит хорошее лето и уродится пшеничка, рожь же тем более, ей времени и тепла меньше надо.

Никита Михайлович распределил людей на работы, первым делом нужно поправить причал, ведь через два дня подойдёт второй караван с семьями поселенцев и стрельцов. Нужно будет разгружать припасы на зиму и так как мужчин будет совсем мало, без хорошего причала не обойтись. Весь день и ушёл, срубили деревья, распустили продольной пилой на доски брёвна (замечательную пилу сковали кузнецы, теперь не нужно брёвна на доски кольями раскалывать, а потом обтёсывать) и принялись укреплять и удлинять причал. Двое только были на другую работу отправлены. Шульга выделил печнику одного помощника, чтобы тот начинал делать кирпичи для печи, что уже настоящие кирпичи обжигать будет.

В Белорецке намечалось оставить на зимовку пять стрельцов с семьями и две крестьянские семьи. Так что требовалось семь домов с двумя печами в каждом, много кирпича нужно. Да ещё зимой планировалось из заготовленной летом глины с песком наделать черепицы для покрытия крыш до-

мов и казармы. Глину печник нашёл быстро, радостно мял в ладонях.

– Хороша глина, жирнящая!

Ну и, слава богу. Теперь ещё песок найдут и можно начинать.

Второй караван судов ждали на вечер второго дня, а он не пришёл. Никита Михайлович встревожился и отправился к перекату, что волоком проходили, с двумя стрельцами. Оказалось, что зря тревожились, корабли были там, просто мужчин меньше, в основном женщины и дети, сил перетащить семь лодей за день не хватило. Ничего страшного. Отдохнут ночью и перетащат оставшиеся три судёнышка, а к обеду уже будут на месте. Шульгин со стрельцами остался с семьями, он и сам по своей вогулке соскучился.

Утром со свежими силами перетащили суда через мелководье, и обедать и впрямь уже стали в Белорецке. Здесь планировалось женщинам с детьми отдохнуть после долгого перехода сутки, да и идти дальше.

На следующий день лагерь распугал всю оставшуюся дичь на несколько вёрст вокруг. Носились дети, устроили постирушки женщины. Хотелось им перед мужьями в чистом предстать. Горели десятки костров, распугивая комаров, варили уху. Мужики прошли с бреднем по реке и вернулись с хорошим уловом, всем рыбы хватило.

Вогулы появились на третий день после ухода семей к Миассу. Это был уже знакомый Шульге Сотр. С ним было

три охотника и шесть женщин. Охотники принесли косулю и двух зайцев. Никита Михайлович кликнул жену. Его Нены оказалась из другого племени, но язык был один. Легко договорились с вогулами, что те приносят шкурки соболей, куниц и белок, а также мясо, а взамен получают железные ножи и топоры. Вогулы предлагали продать приведённых женщин, но бывший воевода объяснил, что все переселенцы прибыли с семьями, вот когда они осенью назад пойдут, может и купят несколько женщин, надо будущих переселенцев в Вершилово языку обучать. Ещё Сотр просил помочь ему напасть на соседнее племя, те были сильнее и постоянно нападали на род Сотра, отбирая у него еду и железные орудия, что достались от «длинноносых» в прошлом году.

Оказалось, что Нены как раз из того рода. Шульга пообещал переговорить с их старостой Кендой, чтобы тот перестал нападать на соплеменников Сотра, а за железными орудиями приходил сюда в острог Белорецкий, менял их также на пушнину и мясо. Расстались вполне довольные друг другом. А через день и делегация «родственников» во главе с Кендой пожаловала.

Событие сорок второе

Пётр Дмитриевич Пожарский склонился над лотком и, заметив несколько крупинок золота, указал на них братьям Ивановым.

– Вот так приблизительно и надо делать, – он передал ло-

ток сидящему рядом на корточках Бебезяку.

Все три каравана достигли, наконец, места будущего центра металлургии и золотодобычи Миасса. К этому времени первый отряд уже успел вспахать землю под зерновые и посадить яровую рожь и пшеницу. Двадцать крестьян вспахали по две десятины земли. Лошадей с учётом купленного княжичем жеребца и подлеченных лошадок, доставшихся от ногаев, было двадцать семь. Запрягли попарно их и устроили практически колхоз. Целину поднимать дело не простое. Уставала одна пара лошадей, впрягали вторую, и так по кругу. Свободные люди в это время корчевали пни и палили костры на месте будущих пашен. Вторая часть поселенцев вырубала и валила лес, разделявала сосны великаны на шестиметровые брёвна и сносила сучья к кострам. Управились за пять дней. Только последние зёрна бросили в землю, как подошёл второй отряд с семьями поселенцев и опять начался аврал, теперь строительный.

В наличие имелся оставшийся с прошлого года барак и три дома. Намечалось же почти пятьдесят семей оставить на зимовку. Сначала срубили ещё один барак, чтобы хоть детей на ночь под крышу загонять. Посчитали, прикинули и ещё один барак срубили. Теперь женщины и дети ночевали под крышей. Остальные по-прежнему ютились в шалашах, да шатре ногайском. Дома строили практически все прибывшие, в самый разгар строительства пришлось бросить дома и заняться конюшнями и коровниками. Подошёл третий от-

ряд поселенцев и пригнал с собой скотину.

Свободными от всего этого кошмара было только четыре человека: рудознатцы Ивановы, Пожарский и ногайский лучник Бебезяк, его княжич таскал с собой в качестве телохранителя. Вогулы пока не показывались, но время от времени их следы в виде костровищ старых попадались. Понятно, что зверьё от производимого русичами шума разбежалось, и вогулам, которые в основном жили охотой, пришлось откочевать вместе с лесными обитателями.

Пётр Дмитриевич с Ивановыми обошёл, все окрестности и прикинул, где ставить медный заводик, где железный и так же место будущего золотого прииска. Самое интересное, что золота на Руси не было, и мыть его никто не умел. Пришлось княжичу вспомнить все фильмы, где показывали промывку золотого песка и, соорудив из дерева лоток, попытаться воспроизвести теоретические знания на практике. Почти неделю промучились. Наконец нашли место подходящее и навыки, какие ни какие, приобрели. Ну, теперь пусть Бебезяк и двое мальчишек постарше, что имелись у переселенцев, занимаются золотом, остальные свободные руки строят печи.

Княжич только сейчас понял, что неправильно просчитал количество необходимых рабочих рук. Если бы не пятьдесят татар князя Разгильдеева, да шестеро пленных ногаев, считай тех же татар, то ни чего бы и не успели. Ну, теперь по истечению почти месяца стала вырисовываться перспек-

тива. Пшеница и рожь дружно взошли на плодородной, да удобренной золой почве. Женщины с помощью лопат и тяпок раскопали рядом со строящимися домами огорода и там тоже уже зеленели различные овощи. Печники собрали печи для обжига кирпича и черепицы. Теперь сохнувшие на солнце кирпичики уже начали обжигать. Осталось малость, начать да кончить. Главное успеть полевого шпата на следующий год заготовить.

Событие сорок третье

Захариас Янсен даже не раздумывал, получив письмо от Симона Майра.

Оставаться в Миделлсбурге, значит точно сесть в тюрьму, а там не за горами и смертная казнь. Снова сбежать в соседний городок Арнемёйден тоже не получится, там его тоже поймали за изготовлением фальшивых денег.

А как всё хорошо начиналось, муж его сестры Матильды позвал его как-то на монетный двор с просьбой помочь починить станок для производства серебряных талеров. Захариас потом легко построил собственный станок и начал понемногу изготавливать талеры с меньшим количеством серебра. Как всегда всё кончилось плохо из-за длинного языка женщины. Его жена Катарина рассказала матери Стефании де Хаене про станок по печатанию талеров, и скоро слух дошёл до бургомистра. Он тогда успел бежать в Арнемёйден и продолжил изготавливать фальшивые талеры там, привлекая

для сбыта монет отца тамошнего бургомистра, но и в Арнемёйдене они попались из-за длинного языка теперь уже жены старика Хансена. Хорошо хоть бургомистр отсрочил дело, не казнить же ему собственного отца. Из Арнемёйдена тоже удалось сбежать. Вот тут он и получил письмо от астронома Симона Майра, которому он как-то несколько лет назад продал телескоп.

Недолго думая, Захариас через родителей жены продал дом и мастерскую по изготовлению очков в Миделлсбурге, собрал в несколько сундуков инструменты по шлифовке линз и разобранный станок по производству талеров и с женою Катариной и сыном Яном сел, на корабль, идущий в Ригу.

Все порты Фландрии были запружены испанскими войсками под командование Амброзио Спинолы присланными королём Испании на помощь императору Фердинанду. Но Захариас счастливо избежав неприятностей и на курляндском корабле «Святая дева» в начале июля прибыл в Ригу.

В порту было полно кораблей, словно и не было войны. Швеция заключила с Речью Посполитой перемирие и выдержавшая осаду Рига снова процветала. В письме Симона Майра были подробные инструкции, как добраться до Москвы и, следуя им, Захариас сходил на почтовую станцию и договорился с извозчиком по проезду до Динабурга. На этой станции, вернее на площади рядом со станцией Янсен и повстре-

чал попутчиков. Ими оказались голландский астроном Филипп ван Лансберг и его сын Яков.

Астрономы тоже получили приглашение перебраться в Вершилово. Сам Филипп недавно похоронил жену, а Яков был с женой Розеттой и двумя детьми погодками, пяти и шести лет. Лансберги везли с собой целую кучу книг. Вернее целую кучу сундуков с книгами. Симон Майр приславший им приглашение от маркиза Пожарского советовал нанять в Риге десяток рейтар для сопровождения до Вершилова. Оказалось это дело не простое. В немецких землях шла война, и все приличные воины были там. Всё же один десяток юнцов удалось уговорить, подкрепив уговор пятьюдесятью талерами. Хорошо хоть у Захариаса был с собой запас изготовленных им монет, а то бы пришлось ехать без охраны, пятьдесят монет серьёзные деньги.

Оказалось, что рейтар брали не зря, недалеко от Минска на них напали. Десятка два разбойников накинулись на караван на повороте лесной дороги. Голландцы запаниковали, но командир наёмников не растерялся, он направил лошадь на здоровущего мужика, размахивающего саблей и, сбив его с ног, разрядил в поверженного пистоль. Выстрел из другого пистоля также нашёл жертву. В это время прогремело ещё несколько выстрелов и разбойники, лишившись предводителя, предпочли ретироваться в лес. На поле боя осталось шесть раненых и убитых татей и один легкораненый

наёмник, ему во время схватки полоснули саблей по ноге, к счастью вся сила удара пришлась по кобуре прикреплённого к седлу разряженного уже пистоля. Рейтары спешили, добили и обобрали разбойников и, раскалив саблю одного из нападавших на маленьком костёрчике, прижгли пострадавшему рану.

Больше до самой Москвы никто на небольшой караван не позарился.

Событие сорок четвёртое

Виктор Шварцкопф смотрел на двух десятников рейтар, что прибыли в Вершилово вместе с женой доктора ван Бодля и поражался. Неужели девять месяцев назад он был таким же идиотом. Эти неумехи считают себя воинами. Свой десяток Виктор набирал несколько лет из лучших в Риге и Митаве. Сейчас все лучшие воюют в Европе. Эти двадцать человек были откровенным сбродом, ни одного из них Шварцкопф год назад к себе бы не взял. А теперь? Теперь после тренировок с княжичем, паном Янеком и Иваном Пырьевым, его десяток разделается с этими двадцатью «наёмниками» хоть в поле, хоть в кабаке не поранившись даже.

Отто Гроссман и Клаус Гофман пришли спросить у него, стоит ли им принять предложение пана Замброжского и подписать контракт на пять лет, за десять талеров в год на человека и по пятнадцать для десятников. Виктор девять месяцев назад такой же контракт подписал и сейчас об этом не жалел.

Теперь он и в самом деле умел воевать. Нет. Теперь он и в самом деле знает, как можно уметь воевать. Несмотря на тяжелейшие тренировки его десятку очень далеко до десятка Бороды. Один Иван Пырьев положит половину его парней, если они окажутся по разные стороны в сражении. Но ведь всего половину, девять месяцев назад он положил бы всех.

Эти два напыщенных гуся сомневаются, им не понравился пункт про тренировки. Думкопфы, это и есть главная плата, а не десять талеров. Вас, свиньи неблагодарные, научат «воевать». Нет. Без демонстрации не поймут. Виктор вздохнул и предложил.

– Давайте устроим стрельбу по мишеням, каждый из ваших десятков стреляет по два раза. Это сорок выстрелов. Мой десяток тоже делает сорок выстрелов. Мишень в двух десятков шагов, кто больше раз попадёт тот и победил.

Эти два недоноска пошептались и согласились. Ещё бы они отказались. Виктор предложил, что если проиграют они, то выплатят один талер, а если проиграет его десяток, то Шварцкопф заплатит им десять монет. Кто же откажется. Думкопфы, донер ветэр. Свинячьи собоки.

Со счётом сорок – двадцать один победили ветераны Вершилова. Теперь уже ветераны. Эти напыщенные индюки соизволили согласиться. Ох, и устроит им Виктор тренировку. Жаль время мало осталось, уезжая маркиз, Пожарский сказал, что где-нибудь на Рождество они пойдут в поход, «немного повоевать». Ну, ничего есть целых шесть месяцев.

«Воевать» эти свинячьи какашки не научатся, но хотя бы не закрывать глаза при выстреле он их заставит.

Событие сорок пятое

Вогулы появились неожиданно. Пётр с рудознатцами Ивановыми и двумя стрельцами осматривал выход жилы халькопирита у берега реки, когда буквально в нескольких сантиметрах от его ноги в траву вонзилось копьё. Рефлексы бывшего спецназовца сработали, он кувыркнулся вперёд и, пробежав пару метров, снова ушёл в перекат, сокращая расстояние до врага. Навстречу ему вылетел воин с копьём наперевес, манёвр уклонения и удар ногой в прыжке по виску. Теперь поднять копьё и отбить им летящее из кустов другое копьё. В кустах сидело трое. Все они метнули копья и теперь остались с костяными ножами. Княжич ударом ногой в живот оттолкнул одного и приёмом «ножницы» завалил второго, заодно пробив ему локтём в висок. Третий вогул успел-таки ткнуть в него ножом, но только распорол кафтан под мышкой. Охотники они, а не воины. Зря ГДР восхваляла воинские навыки американских индейцев, никогда простой охотник не сравнится с обученным военным. Где сейчас те индейцы, спиваются по резервациям, получая хлявные пенсии, или где сейчас вогулы, остались только на крайнем севере, тоже спиваться и олешек пасти. Одних выбили ирландцы, других казаки.

Пётр огляделся, на него с саблей в руке бежал, судя по все-

му, вождь этих товарищей. Этого надо брать живым. Справа орали по-русски про чью-то мать. Значит, хоть один из его спутников ещё жив. Княжич показал, что уходит вправо от вождя и когда тот рубанул туда саблей слева заехал ему ладонь по шее и уже падающему добавил хук слева. Пусть немного отдохнёт. Теперь бегом на крик. Блин. Один стрелец лежит в луже крови. Зато трое других его спутника устроили соревнования по вольной борьбе с тремя последними вогулами. Пётр помог сначала рудознатцам, а потом ногой в висок успокоил последнего нападающего.

Так теперь стрелец. Матвей, фамилию княжич не помнил, зажимал рукой рану на ноге. Быстро оторвать рукав у кафтана и соорудить из него и палки жгут. Вот ведь, крови сколько потерял.

– Семён! – княжич окликнул проходящего в себя после тяжёлой схватки стрельца, – Раненых и оглушённых добей. Вон копьё возьми.

– Вы двое, – Пётр повернулся к рудознатцам, – вырубите две жердины, надо носилки для раненого соорудить. Ну, а я займусь вождём ихним.

К посёлку вышли через час. Пока носилки сооружали, пока Пётр гонялся по кустам за очнувшимся главарём вогулов, пока тащили на себе раненого и вождя, вот час и пробежал. Первым делом Пожарский осмотрел рану стрельца, артерии вроде не задеты, просто рана получилась рваная, вот крови и пробежало. Рану промыли хлебным вином и наложили по-

ввязку с травмами, что приготовили им с собой бабки лекарки в Вершилово. Лишь бы воспаление не началось, а то ещё придётся тут ампутациями заниматься.

Вождь в это время зыркал на пытающегося общаться с ним венгра и молчал, как партизан на допросе в гестапо. Ну, это легко исправить. Княжич стянул с «партизана» штаны и ткнул легонько ножом в детородный орган.

– Скажи ему, что не будет говорить – отрежу.

Вождь сразу что-то залопотал, наверное, обрадовался, что адекватный собеседник появился.

Бартос Каропа, перебивая «языка» через каждое слово, наконец остановил того жестом и рассказал Пожарскому следующее.

– Их род называется Кучаль он слабый и является «кыштымом» у более сильного рода Кордуль, которым правит «князь» Тетей. Так вот, этот Тетей прознав, что здесь поселились длинноносые с большим количеством железного оружия, заставил Увачана напасть на длинноносых и захватить у них много железного оружия и принести его Тетейю.

– Кыштым – это вассал что ли? – не понял Пётр.

– Да они платят дань роду Кордуль.

– Сколько воинов в его роде осталось? – поразмыслив над ситуацией, спросил княжич.

– У Увачана было всего десять хороших воинов, он всех их взял с собой.

– Стоп. Мы ведь убили всего восемь человек. Где тогда

ещё двое.

– Увачан говорит, что, наверное, двое сбежали.

– Что же теперь будет с родом Кучаль? – княжич уже ясно предвидел, что ответит этот товарищ и что теперь войны с эти самым «князем» Тетеем не избежать. Тут ведь, как и везде в мире, если ты не оторвал руку, что тебя ударила, а подставил другую щеку, то ты слабый, и от тебя не отстанут, пока или не подчинят или всё же не получат в обратку по полной.

– Тетей заберёт молодых женщин и детей, а стариков и его Увачана убьёт, – Бартос жалостно посмотрел на Пожарского. Он был из тех людей, что чужие несчастья пытаются вечно на себя натянуть. В монахи ему нужно было идти, а не в войско ляхов.

– Проводишь меня и наших воинов скрытно к посёлку этого «князя»? – прямо глядя в глаза Увачана, спросил Пётр Дмитриевич.

Увачан обречённо кивнул.

– Сколько воинов у этого Тетей и что у него за оружие? – уточнил Пожарский.

– У рода Кордуль четыре десятка воинов и ещё у него кроме рода Кучаль есть два других кыштыма, там тоже наберётся три десятка воинов, – глазёнки вогула забегали, даже шире открылись от зависти.

Пётр представил, как придётся бегать по лесам за семьюдесятью вооружёнными луками вогулами и ему это очень

не понравилось. Так кучу людей положить можно. Нужно собрать этих семь десятков в одном месте и истребить залпом из мушкетов и арбалетов, а то они не успокоятся, а ведь он всего два десятка стрельцов собирался оставить на зимовку. Да, ещё ведь этот князёк может партизанские действия открыть. Нет, только истребление воинов и подчинение себе оставшихся в живых позволит избежать жертв среди поселенцев. К счастью подсказку, как это осуществить подал всем князь Святослав, когда отправлял половцам послание «Иду на вы». Те сдуру собирались вместе и естественно получали по сусальнику. Зачем? Продолжай грабительские нападения и избегай решительной битвы. Как поступил с Наполеоном Михаил Богданович Барклай де Толли? Этот маленький император с комплексом неполноценности из-за малого роста и естественно малой пиписьки вечно стремился дать решающее грандиозное сражение. А Барклай де Толли заманил его в снега России и позвал на помощь генерала Мороза. Превозносимый всеми Кутузов почти сорвал этот беспронзримый замысел, устроив Бородинское сражение. Положил больше трёх десятков тысяч русских, которых как раз не хватило, чтобы наголову разбить деморализованных французов при бегстве из России. Амбиции у них. Побеждает не тот, кто выигрывает сражения, а тот, кто пирует на костях поверженного врага.

Значит, нужно обязательно сделать так, чтобы этот Тетей собрал все свои семьдесят воинов и подставил их под муш-

кетный залп.

Событие сорок шестое

Иоганн Кеплер вызвался провести показать Вершилово своему учителю Михаэлю Мёстлину. Они причалили к пристани вчера вечером. Вот суматоха-то поднялась. Обычно все переселенцы прибывали через Владимир и Нижний Новгород на повозках и лошадях, а оказывается летом сюда можно добраться и по рекам на небольших плоскодонных кораблицах. Больше всего радости досталось доктору ван Бодлю. И жена с детьми в целости и сохранности прибыла, да ещё и грамотку на дворянство Антуану привезла. Пётр Дмитриевич как всегда ситуацию предвидел, а может и сам организовал, о его влияние на русского царя можно было только догадываться. Он ещё зимой говорил, что за написанные теперь уже учебники царь дарует дворянство новым «русским» учёным. Вот Антуан его уже получил. Теперь очередь за Симоном Майром, Симоном Стивенем и им – Иоганном Кеплером.

Астроном был страшно удивлён, увидев среди поднимающихся с пристани людей, своего старого учителя Михаэля Мёстлина. Профессору уже семьдесят исполнилось, а он решился на столь далёкое путешествие. Прекрасный зелёный Тюбинген, вытянувшийся вдоль реки Неккар с монументальным зданием университета, что там должно случиться, чтобы профессор университета решился покинуть этот

университет основанный ещё в 1477 году по инициативе графа Вюртембергского Эберхарда Бородатого.

Оказалось всё просто война и чума. Испанская армия громила немецкие войска, а следом за их армией по землям шествовали эпидемии. Нет, до Тюбенгена этот вал ещё не докатился, но лучше уехать до, чем унесут вперёд ногами после.

Вечером профессора встретил Вацлав Крчмар и перевёз вещи старого учёного в один из построенных на окраине Вершилова теремов. Пришлось срочно организовывать для профессора экономку и другую прислугу, ведь он прибыл в Вершилово только со своим старым слугой Георгом, которому тоже лет под семьдесят.

Сейчас Иоганн водил своего учителя по Вершилово и ловил себя на мысли, что гордится тем, чего достиг маркиз Пожарский. Конечно, трёхэтажные дома Тюбенгена были больше домиков Вершилова, но здесь были замечательные дороги и просто немислимая чистота, если лошадь, проезжая по улице успевала навалить кучу, то дворник опрометью бросался эту кучу убирать и подсыпать свежую крошку, чтобы скрыть следы преступления против чистоты и порядка. По этим ровным ухоженным улицам не бегали мальчишки, приставая к прохожим с требованиями милостыни. В Вершилово не было ни бедных, ни тем более нищих. Местные были вполне зажиточными людьми, а пришлых попрошачек в «село» не допускали. Даже у старой церкви или ново-

го почти построенного храма, работы заканчивались внутри, не было ни одного нищего или калеки. Никто не выплёскивал содержимое ночных горшков на тротуары. Да, теперь кроме замечательных дорог были ещё и тротуары. Их только закончили и люди специально выходили в свободное время, чтобы прогуляться по этой красоте. Тротуары были вымощены специальными кирпичиками разных цветов и размеров. Сам Рубенс со своими учениками разрабатывал узоры, в которые складывались уложенные на песчаную подложку кирпичики. Это было красиво. Кеплер был уверен, что подобного нет нигде в мире. Да в Вершилово про многое можно сказать, что этого нет больше нигде.

Они подошли к законченному гиганту храму с мозаичными картинами на стенах, стеклянными витражами окон и разноцветными луковками куполов. Да, в Италии есть храмы больше и, наверное, красивей, но их строили десятилетиями, а, то и веками. Этот воздвигли за пару лет. Сейчас Рубенс, Прилукин и остальные русские и голландские художники заканчивают роспись внутри храма, туда никого не пускают из праздных зевак и все с нетерпением ждут открытия. Симон Стивен рассказал по секрету Кеплеру, что двери храма будут распахиваться сами, они с маркизом придумали хитрый механизм и сейчас кузнецы под руководством математика его заканчивают. Когда только Пожарский всё успеет.

– Это будет Академия Наук, – показал Иоганн Мёстли-

ну на возведённое уже под крышу здание. Оно, как и храм было сложено из кирпичей двух цветов и окна уже были застеклены. Сейчас восходящее солнце отражалось в десятках окон и просто резало глаза. Сколько же будет стоить это здание, когда его закончат. Вернее, не так. Сколько бы это здание стоило в Европе, если бы, какой ни будь монарх, насобирали бы столько денег? Хотя, тут у одного монарха денег не хватит, разве что Ватикан сможет потянуть.

– А напротив будет Академия Искусств, – астроном указал профессору на здание, напротив, там уже вовсю кипела работа, десятки каменщиков возводили наружную стену здания. Здания были близнецами. Такой же портик с шестью колоннами и несколько широких ступеней крыльца, придающие зданиям величественности.

– А с другой стороны площади напротив храма будет дворец маркиза, – Кеплер указал, на только наметившееся здание, все силы строителей были брошены на достройку двух академий и дворец неспешно возводили всего пара каменщиков. Угадывалось лишь то, что и это здание будет выполнено в той же манере, что и три других.

– Когда это достроят, то мало какая столица в Европе сможет похвастать такой площадью, – кивнул головой впечатлённый Мёстлин.

– Когда это достроят, профессор, то это будет чудом света, а стоить это будет столько, что можно будет несколько государств поменьше в Европе купить, – усмехнулся довольный

астроном, – Теперь пойдёмте, посмотрим, как делают фарфор и стекло. Всего нам не покажут. Это секрет, но печь, откуда достают готовые изделия и мастерскую, где выдувают стеклянные ваза и бутылки, посмотрим обязательно.

Событие сорок седьмое

Увачан привёл два десятка стрельцов и столько же служилых татар князя Разгильдеева к себе в становище. Там и двое сбежавших мужчин отыскалось. В селении было полтора десятка чумов из бересты и шкур. Сидели у костра четыре старухи и дедок в высокой шапке, шаман, наверное. Княжич договорился с неудачливым стратегом так, они занимают его посёлок и прячутся по чумам или хантам. А Увачан отправляет к Тетею гонца из мальчишек, что набег удался и у него в селении сейчас три связанных длинноносых и целая гора железных ножей и топоров.

Паренёк убежал вчера, а сегодня ждали в гости князька с воинами. Может, всех он и не приведёт, но один ведь тоже не придёт. Воины князя Разгильдеева сидели в засаде в чумах, а стрельцы с арбалетами залегли на окраине селения с той стороны, откуда должны появиться гости, чтобы сразу отрезать им путь к отступлению.

Нет, эти вогулы серьёзно отличались от индейцев, что показывали в кинотеатрах в семидесятые годы с лёгкой руки киношников из дружественной ГДР, ставших суперменами. Эти были беспечны, и воевать не умели вовсе. Припёрлось

десятка три. Очевидно, Тетей опасался, что Увачан не захочет расставаться с честно добытым железом и привёл с собой аргументы. Княжич на это в принципе и рассчитывал. В плен никого не брали. Расстреляли из арбалетов, а раненых добили ножами. Двое умудрились прорваться через засаду, но пустившиеся в погоню, стрельцы вскоре вернулись с двумя трупами. Те вздумали устроить перестрелку из луков, вот их и перестреляли, правда, из арбалетов.

Теперь нужно собрать добычу, несколько железных наконечника для копий и одну ржавую саблю, что болталась на поясе у князька. Больше она ему без надобности. В ад с оружием не пускают. А куда ещё может попасть нехристь вогул, живущий грабежом соплеменников?

– Так, Увачан, давай выдвигаемся к селению этого «князя». Нужно род Кордуль оставить без мужчин полностью, – княжич не хотел этого делать, но отлично понимал, что оставшиеся будут мстить, а этого не хотелось больше.

– Тогда все дети, женщины и старики умрут зимой от голода, я с тремя мужчинами ещё может, и прокормлю свой род, а род Кордуль вымрет, – через венгра обречённо сообщил Увачан.

– Возьмёшь всех молодых женщин и детей к себе в селение. Мы дадим зерна, до весны протяните, а там мы приедем и с собой еды привезём. Теперь вы все будете нашими кыштымами, будете помогать нам добывать железо и менять его на шкурки у других родов, – заключил Пожарский.

Придётся вовлекать этих детей лесов в трудовую деятельность. Без мужчин они точно помрут все, или на их место придут другие, которым опять захочется повоевать. А так эти кыштымы; род Торгуль и род Кучаль, будут буфером между воинственными соседями и переселенцами. Княжич поговорил с Разгильдеевым, а потом вместе с ним занялись обработкой пленных ногаев. Они остаются здесь и живут вместе с русскими, в жены возьмут освободившихся после истребления мужчин племени Кучаль женщин с маленькими детьми. Княжич построит им дома, а весной привезёт каждому по два десятка овец. Будут разводить овец, и работать на прииске. Добраться отсюда до Волги им без оружия не удастся, тем более и дороги не знают. А здесь дом, жена, стадо овец, мука и прочие блага цивилизации.

Все шестеро согласились. Княжич только условие им поставил, выучить русский язык. Хотел заодно потребовать и креститься, но священника пока в Миассе не было. Нужно будет весной привезти, вот всех заодно и окрестит и вогулов и ногаев, да и детишки у русских переселенцев к тому времени появятся. Ладно, это всё в будущем, а пока надо быстрее разделаться с остатками рода Торгуль и возвращаться к строительству посёлка и добыче полевого шпата. Скоро август, а они по лесам бегают, вместо того чтобы работать.

Событие сорок восьмое

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов со-

бирался в поездку. Дума уговаривала его плыть по рекам, но Михаил решил по дороге посетить Владимир и Нижний Новгород, а вот назад из Вершилово уже плыть на лодьях. С собой Михаил Фёдорович брал пять десятков стрельцов и двух думных бояр Романа Ивановича Гагарина – объезжего голову для береженья от огня в Старом и Большом Кремле и Ивана Андреевича Хованского большого – сподвижника Пожарского по второму ополчению.

«Сидение великого государя с боярами о делах» или заседание боярской думы по поводу длительного отсутствия царя в Москве затянулось на две седмицы. Не хотели бояре отпускать Государя. Хорошо хоть патриарх Филарет поддержал. Кроме того царь брал с собой дьяка Каменного приказа Игнатия Полозова и дьяка Стрелецкого приказа Тимофея Игнатьева. Из пятидесяти стрельцов два десятка Михаил намеревался оставить в Вершилово для восполнения тех, что Пожарский увёз на Урал.

Отъезд был назначен на семнадцатое июля. А шестнадцатого дьяк Фёдор Борисов опять доложил царю, что приехала целая толпа немцев, по приглашению Петра Дмитриевича Пожарского на жительство в Вершилово. Михаил как обычно велел послать за докторусом Бильсом, лучше него с голландского толмача не было. Прав был Петруша, что надумил открыть школы для толмачей из сирот. Жаль раньше такой хорошей мысли никому не пришло в голову.

«Немцев» и в самом деле было много. Первой царь разрешил представиться женщине. Это оказалась жена Симона Майра, того что написал такой замечательный учебник по астрономии. Женщину звали Феликитас. Она привезла с собой семерых детей. Кроме того с ней прибыло две семьи, которые она наняла для помощи в заботе о детях, и два десятка рейтар из Ансбаха. Что ж, женщина была смелая, пуститься в такое путешествие, когда в Священной Римской империи вовсю идёт война, поступок достойный уважения. Михаил решил не изменять традиции и, подозвав дьяка Фёдора, велел тому подготовить для Симона Майра грамоту о даровании ему титула дворянин и пятидесяти четей земли в Жарской волости Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Книга была хороша, за такую не жалко. Царь помнил, какими глазами на этот учебник смотрел профессор немецкий. Видеть в чужих глазах зависть, разве это не есть для монарха лучшее доказательство того, что он поступает правильно. А тёзка профессор не просто завидовал, он был восхищён. Стоп.

– Фёдор, для Иоганна Кеплера и Симона Стивена такие же грамоты заготовь, их книги не хуже будут, у нас люди должны получать по заслугам, – царь отпустил дьяка и переключил внимание на следующего переселенца.

– Разрешите представиться, Ваше Величество, я Захариас Янсен очковый мастер из Миделлсбурга. Думаю, что я получил приглашение от Симона Майра и маркиза Пожарско-

го, потому что являюсь изобретателем телескопа. Это такая труба, что позволяет смотреть на небесные светила, – мастер раскланялся и преподнёс Михаилу подзорную трубу.

Раньше царь только слышал об этой диковине. Он осторожно приблизил окуляр к глазу и направил трубу на дальний конец тронного зала. Без сомнения это было чудо. Находящаяся за два десятка метров дверь приблизилась настолько, что хотелось вытянуть руку и потрогать её. С трудом Михаил преодолел это желание.

– Что ж, мастер Захариас, езжай в Вершилово, там сейчас астрономов много живёт и Майр и Кеплер и Михаэль Мёстлин, думаю, ко двору придёшься.

Янсен ещё раз раскланялся.

– Позвольте представить вам Ваше Величество моих спутников. Они тоже астрономы. Это Филипп ван Лансберг и его сын Яков.

Пожилой голландец и его сын раскланялись. И зачем только Петруше столько астрономов, неужели они лучше Симона Майра?

– Что же за открытия в астрономии вы совершили, господа голландцы, – поинтересовался государь.

– Мы с сыном, Ваше Величество составляем астрономические таблицы и календари, кроме того в прошлом году я опубликовал книгу о поддержке гелиоцентрической системе мироздания, надеюсь в Вашем царстве нет преследования от церкви за такие идеи.

А голландец хорош, видно, что и на костёр пойдёт за свои убеждения. Ещё одного зубра Петруша залучил. Так в Европе вшивой и не останется учёных, все в Вершилово переберутся.

– Фёдор, покажи Филиппу книгу Симона Майра, – Михаил представил, как сейчас и у этого глаза округлятся, – Можете быть спокойны, господин астроном, у нас учёных не сжигают, а награждают. Вот за эту книгу, я только что произвёл во дворянство Симона Майра, – царь протянул раскрытый на странице с изображением солнечной системы учебник астрономии, – По этой книге у нас детей учат.

Всё. Этот господин как собеседник потерян. Его теперь только силой можно от учебника оттащить. Михаил поглядел на следующего переселенца.

– Арнольд Тимме, Ваше Величество, – отрекомендовался немец, – У меня в Ансбахе была мастерская по производству мушкетов, разрешите подарить вам, Ваше Величество, один из моих мушкетов. У него в отличие от большинства мушкетов колесцовый замок, не нужно зажигать трут перед выстрелом. Вот этим ключиком заводится механизм и нужно только иногда менять пирит в замке и следить, чтобы в замок не попала грязь.

Царю принесли мушкет мастера, оружейник показал, как взводить замок и производить выстрел. На самом деле, это было здорово, стрелки в засаде не выдадут себя огнём и можно стрелять даже в дождливую погоду. Ай да, Петень-

ка. Какого замечательного мастера нашёл. Так и хочется его оставить на Москве. Прямо руки чешутся. Нельзя. Здесь он будет, конечно делать свои мушкеты. Только ему мешать будут и дураки и мздоимцы и конкуренты, а у Петруши он развернётся.

– Дорого ведь выйдет мушкет с таким замком? – поинтересовался Михаил Фёдорович.

– Да, Ваше Величество, это главный недостаток моих мушкетов, – поник головой мастер.

– Езжай Арнольд в Вершилово. Там сейчас много умных людей собралось, может, кто и подскажет, как цену-то снизить, – усмехнулся довольный государь, уже второй оружейник едет в Вершилово.

Последним представился ещё один астроном – Исаак Бекман. Он с завистью поглядывал на увлечённо листающих книгу отца и сына Лансбергов и прямо переминался с ноги на ногу от нетерпения. С Филиппом ван Лансбергом он был знаком и даже принимал участия в составлении астрономических таблиц вместе с ним год назад. Письмо от Симона Майра застало его по приезде в Роттердам, куда его пригласили преподавать в латинской школе. Но предложение известного астронома, а также упоминание о том, что в Вершилово живёт Кеплер и собирается приехать Галилей поменяло намерения Исаака. Тем более что, по словам Майра там, в Вершилово собираются строить протестантский храм, и никто ни кого не преследует за веру. Рьяный кальвинист

Бекман порадовался за людей, живущих в этом Вершилово, и решил перебираться туда. С Арнольдом Тимме он встретился в Риге, они наняли по совету Майра десяток рейтар и благополучно доехали до Москвы, где в немецкой слободе и встретились с другими переселенцами.

– Позвольте и мне представится Ваше Величество, – поклонился учёный, – Моё имя Исаак Бекман, я тоже некоторым образом занимаюсь астрономией, кроме того у меня имеются несколько книг по физике и механике.

– Чем же ты собираешься заниматься в Вершилово? – поинтересовался Михаил, количество астрономов явно было велико для маленького села.

– Я могу преподавать физику и философию, – смущённо улыбнулся учёный, он понимал, среди каких титанов окажется через пару недель.

– Хорошо. Езжай, Исаак, и ты к маркизу Пожарскому, раз он тебя пригласил, значит ты того стоишь. Разве плохо когда шесть астрономов вместе соберутся. Спорить будет проще, не надо месяцами ответа на письмо ждать, – рассмеялся государь.

Михаил был доволен сегодняшним приёмом «немцев». Эти были не хуже предыдущих. Один оружейник чего стоил. Придётся скоро рядом с Вершилово полк стрелецкий размещать. Столько там секретов набралось, что не сегодня-завтра англичане или ляхи войной пойдут, чтобы те секреты выве-

дать.

Глава 5

Событие сорок девятое

Василий Полуяров был просто на седьмом небе от счастья. Вчера неожиданно его в теплице нашёл стрелец, дежуривший на пристани.

– Василий Петрович, там купец швартуется. У него на лодье лошади, – стрелец запыхался, бежал, наверное.

– Что за лошади? – Василий уже мыл руки, просто так стрельцы бегать не будут.

– Красивые, арабские должно быть, – мечтательно закатил глаза вестник.

На пристани было столпотворение. Всё Вершилово сбежалось посмотреть на красавцев коней.

– Омар, это ты? – обрадовался Полуяров, когда протолкался через зевак и увидел того, кто привёз лошадей.

Это был тот самый туркмен, что в прошлом году привёз кохейлана, что забрал князь Пожарский, и других арабских лошадок. На этот раз с корабля сводили целых восемь лошадей. И все были кохейланы. Они были разной масти, но общая порода чувствовалась. Был и вороной с белыми бабками, почти копия первого.

У купца был и переводчик. Он был явно русский, но видно давно жил на чужбине, южное солнце выкрасило волосы в белый цвет, а кожу наоборот почти в коричневый.

– Василий Петрович, дорогой друг, я привёз четыре жеребца и четыре кобылы, если не возьмёшь их за четыреста рублей, то я прямо сейчас грузу их на корабль и уплываю в Москву, – туркмен радостно, как родного обнял Полуярова.

– Омар, дорогой, не надо ни куда тебе дальше плыть я возьму всех твоих коней и даже торговаться не буду, – Василий радовался как ребёнок, восемь таких красавцев.

После взаимных приветствий Полуяров пригласил Омара в гости.

Лошадей Василий велел шагом довести до конюшни с арабскими скакунами и так как места явно не хватит, никто такого пополнения не ждал, то начать срочно строить рядом ещё одну конюшню. Сам же с Омаром и его переводчиком пошёл домой. Пока путники с дороги принимали, кстати, оказавшуюся натопленной баню, Василий с женой готовили угощение. На стол выставили все фарфоровые блюда и чайные сервизы, принесли из погреба нетронутый круг сыра и, пробежавшись по соседям, нашли только испечённый каравай, Дуняша Фомина сама принесла масло. Одним словом, подготовились.

Купец оценил и угощение и фарфор.

– У нас в Хивинском ханстве есть китайский фарфор, всё-таки через Мерв проходит великий шёлковый путь. Но позволить себе есть из фарфоровых блюд не может даже сам

султан. Ты очень богатый человек Василий.

– Это, Омар, не китайский фарфор, эти вещи мы делаем сами, можешь, если захочешь купить у нас фарфор и везти домой не серебро, а фарфоровые и стеклянные изделия, – Полуяров представил, как загорятся глазенки у туркмена, когда он увидит вазы из стекла и фарфора.

Загорелись ещё раньше, чем увидел. Пришлось вести купца на склад и показывать. Омар подбегал, то к одной вазе, то к другой, но тут же отходил. Только рядом с вазой, на которой были три прилепленные розы, простоял подольше.

– Жаль, что я не смогу купить эти красивые блюда и вазы. На них нарисованы люди, а Коран запрещает изображать людей, но вот эти вазы с цветами и цветные вазы из стекла я могу купить, – туркмен был явно огорчен.

– Подожди, Омар, – Василию пришла в голову замечательная мысль, – Сейчас можешь купить эти вазы, мы специально для тебя сделаем их чуть дешевле, чем продаём остальным, а ты привози ещё лошадей, а я поговорю с Андрейкой Лукиным, и он специально для тебя сделает вещи, какие закажешь, с рисунками, где нет людей и животных.

Послали за Лукиным, и они долго общались с купцом, потом даже за Прилукиным сбегали, чтобы объяснить суть проблемы непосредственным исполнителям. В результате купец все четыреста рублей потратил на вазы и обещал приплыть весной за товаром и привезти ещё арабских лошадей.

Событие пятидесятое

Антонис ван Дейк опоздал с приездом в Москву буквально на два дня. Русский царь уехал из столицы. И уехал как раз в Вершилово. Антонис скрупулёзно выполнил все поручения Рубенса. Он продал свой дом и дом учителя, закупил на полученные деньги красок и переправил морем на корабле всю обстановку из дома Рубенса. Получился как раз полный корабль. Скульптуры итальянских мастеров, десятки картин и самого Рубенса и других художников, тоже в основном итальянских, да много ещё чего.

Ван Дейк уговорил переехать вместе с собой семь учеников и трёх подмастерий, что пока только готовили краски для художников и грунтовали холсты. Ещё неожиданно согласился переехать и багетный мастер Карл ван Зоон.

– Если вы все уедете в Московию, то для кого я буду делать багеты. Кому нужны мои рамы без картин Рубенса, – горько вздохнул мастер и стал собираться.

Он взял с собой жену с тремя детьми, двое юношей уже помогали отцу резать рамы, а старшая дочь только вышла замуж за сына корабельного мастера Марка ван де Фриза. Марк был средним сыном корабела и наследство ему не светило, поэтому и он решил перебираться в Московию. Ещё ван Зоон взял с собой двух подмастерий с семьями. Одним словом, набралось почти тридцать человек.

Проблемы начались по прибытию в Ригу. Потребовалось

нанять сорок семь подвод, чтобы перевезти всё имущество и столько людей. Возникли проблемы и с наймом рейтар. По словам владельца постоянного двора, где они все разместились, ожидая пока Антонис договорится с возчиками и наёмниками, всех боле-мене нормальных рейтар уже наняли предыдущие переселенцы в Московию, и теперь лучше нанять копейщиков, так как остался один сброд, и неизвестно они будут защищать, или от них нужно защищаться. По счастью в Ригу из Бранденбурга вернулся отряд рейтар, и за пять монет на человека удалось набрать двадцать желающих прокатиться до Вершилова.

И вот они в Москве, а царя нет. Тем не менее, ван Дейку удалось добиться встречи с царёвым личным дьяком Фёдором Борисовым. Дьяк, дородный мужчина с огромной чёрной бородой выслушал художника, посмотрел на письмо от Рубенса и молча, выписал тому разрешение на переезд в Вершилово.

– Плывите на лодьях, – посоветовал в самом конце встречи дьяк, – Так ещё и быстрее государя в Вершилово попадёте.

Легко сказать, плывите. На самом деле кораблики оказались очень маленькие. Их потребовалось целых пять нанять, чтобы все люди и вещи уместились. Ван Дейк истратил почти все деньги. Он не очень разобрался в русских ценах, но подозревал, что купец, согласившийся организовать переезд пятидесяти человек и двадцати коней рейтар, да ещё

и весь ценный груз художников, себя не обидел.

Ну, ничего, если Рубенс писал правду про Вершилово, то деньги, потраченные на переезд из Роттердама в Вершилово, они заработают за несколько месяцев. Все, теперь можно спокойно стоять на носу лодьи и любоваться закатами.

Событие пятьдесят первое

Пётр Дмитриевич Пожарский покидал Миасс с тяжёлым сердцем. Слишком мало народу он оставлял на Урале, в совершенно необжитом крае. Меньше двухсот человек получалось. Да это ещё с шестью семьями ногайцев из пленных, да их новыми жёнами из вогульского рода Кучаль. Им построили стандартные дома с двумя печами, но, ни ногаи, ни их вогульские жёны пользоваться ими не умели, придётся Шульге следить за этими дикими народами, чтобы не угорели или пожар не устроили. Пётр обговорил, что в первое время пусть кто из смышлёных пацанов перед сном проверяет, как печь протопили. Но это зимой будет. Сейчас стояло жаркое лето.

С поголовным истреблением мужчин рода Торгуль справились легко. Те ночного визита не ждали, и никто их не учил охранение выставлять. Пришли и всех, кто схватился за оружие, пристрелили из арбалетов, да заодно и шамана, хоть он не за оружие, а за амулеты схватился. Зачем им шаман, весной приедет священник и всех окрестит, без шамана это сделать будет проще. Женщин и детей старейшина Увачан увёл

с собой. Не легко им придётся в первую зиму, ну да ничего, продуктами мяссы помогут. Княжич велел все запасы сгрузить перед отъездом, только чтобы до Уфы хватило, там купим.

Пётр о десятках загубленных жизнью переживал не сильно. Другого выхода не было. Если к ним проявить доброту, то эти товарищи примут её за слабость и будут пытаться раз за разом этого «слабого» противника уничтожить, да ещё месть наложится. Ассимилировать взрослых тоже не получится. Если можно весело время проводить на охоте, то за каким чёртом им горбатиться на пашне или в шахте или тем паче у печи. Нет, пусть под присмотром добывают мягкую рухлядь и рыбу ловят. А вот детей нужно у них в пятилетнем возрасте изъять и по одному в семьи к русским подселить.

Вопрос «Чем кормить?» сейчас не стоял. Прокормим. Зато на пятьдесят человек нормальное население увеличится. А через пару лет можно будет опыт повторить. Всех-то детей изымать нельзя, кто тогда будет охотиться и рыбу ловить.

Полевого шпата нарубили гораздо больше, чем в первый раз, теперь был порох, делали штольни и взрывали. И перевозили не на себе, а на лошадях. Пётр успел и при первой плавке железа попридти, получили несколько сот килограмм чугуна, который разлили по формам. Нужны ведь и печные плиты и чугуны для готовки. Ну и на закуску, намыли почти два килограмма золотого песка. Даже саморо-

дочек в четверть кило пацаны нашли. Пожарский всё честно записал, когда переплавим и отчеканним монеты, не забудем и первых старателей. Пётр определил, что сдавать намытое золото будут ему по пятьдесят грамм за рубль. Но на общем собрании предупредил, что мыть золото только в свободное от работы время. Если, кто не поймёт, то сначала отрезание уха, а потом, при повторном залёте, холощение. Вроде, прониклись.

Всё пора уезжать, перед смертью не надышишься, им ещё два месяца плыть, в том числе и против течения выгребать.

Событие пятьдесят второе

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов во Владимире посетил Успенский и Дмитриевский соборы, отдохнул два дня во Владимирском кремле, вернее во Владимире так называют Рождество-Богородицкий мужской монастырь, и выехал 27 июля из Злотых Ворот по направлению к Нижнему Новгороду. Во Владимире ему понравилось, город своей патриархальностью, обилием церквей и соборов, малиновым звоном колоколов настраивал человека на веру в добро и царствие небесное.

А вот дорога до Нижнего царя удивила. Нет, в Москву въезжало и выезжало тысячи телег и возков в день, но это ведь огромная Москва, а не благочинный Владимир. Тем не менее, вся дорога в сторону Нижнего Новгорода была запружена возами. Стрельцы, ехавшие чуть впереди, заставля-

ли царскому поезду уступать дорогу, зачастую сбрасывая телеги прямо в канаву. Дорога была узка, и разъехаться трём путникам уже не получалось. Так продолжалось до Вязников.

В Вязниках они переночевали и, позавтракав у воеводы, тронулись дальше, но где-то перед полуднем царский возок встал.

– Что там? – поинтересовался недовольный Михаил Фёдорович.

Дьяк Стрелецкого приказа Тимофей Игнатьев пошёл на разведку и вернулся через несколько минут с выпученными глазами.

– Великий Государь, там дорогу ремонтируют, возку никак не проехать, нужно выпрягать и поднимать возок на руках на новую дорогу, бо она на целый аршин выше нынешней, – доложил дьяк.

Михаил отсидел ноги и решил, что и к лучшему, хоть разомнёт косточки. Он, кряхтя, вылез из закрытого возка и ошалел. Не меньше сотни человек, бухнулись на колени и принялись креститься. Размер дороги, начинающейся за их спинами, впечатлял, она и правда была на аршин выше и в два раза шире. Царь по опушке обошёл строительство и с помощью дьяка поднялся на дорогу. Теперь уже и у него глаза из орбит полезли.

Дорога была прямая как стрела. По бокам вырыты глубокие траншеи, и самое главное, она была засыпана мелким

камнем и утрамбована. Не было ни единой лужи и выбоины, даже вечной колеи и то не было. Михаил, часто ездивший на богомолья в различные монастыри Руси, ничего подобного не видел. Стоящий рядом с ним дьяк Каменного приказа Игнатий Полозов перекрестился и прошептал:

– Что же это делается, Великий Государь, кто приказал дорогу камнем засыпать?

Михаил посмотрел на дьяка и выругался про себя, а потом и вслух не сдержавшись.

– Ты, дьяк, недоволен никак, тебя не спросили, а такую красоту сделали. Почему в Москве нет таких дорог? Почему я даже в Кремле по лужам, да по сгнившим мосткам хожу? Кто приказал? Да, уж не ты приказал! Ну, да я разберусь, почему не ты.

В это время возок подняли на руках на новую дорогу и уже запрягли коней. Тем не менее, Михаил долго ещё шёл пешком и притопывал каблуками сапог по утрамбованной дороге. Кто же на самом деле приказал такую чудесную дорогу строить. Ответа могло быть только два. Либо государев дьяк Нижнего Новгорода Акинфиев, либо Петруша Пожарский. И почему-то Государь был уверен, что без маркиза тут не обошлось.

Дальше катили без тряски и остановок, чтобы вытащить колесо из глубокой колеи. Михаил просто наслаждался этим ровным движением, он уже не злился на дьяка. Полозов ведь и не обязан был дороги камнем засыпать, его дело строить

каменные стены крепостей. А кто обязан? Дмитрий Пожарский сейчас воеводой в Новгороде Великом, он и так много сделал для ямской службы. Нужно нового главу Ямского приказа назначить и заодно ему в обязанность включить и обустройство дорог по образу этой. Только сначала нужно доехать до Нижнего и узнать, кто это строит, и на какие деньги. Чай не малых денег ведь стоит. Хотя. Если бы все дороги на Руси были как эта.

Под мерное покачивание возка Михаил задремал.

Событие пятьдесят третьё

Жан Рэ закончил приём больных и, поднявшись на второй этаж дома в свой кабинет, присел отдохнуть. Стоял август, и жара на улице была в полдень просто невыносима. Жан посмотрел на созданный им недавно термоскоп. Это было очень дорогое сооружение. Доктор отдал за стеклянный сосуд все деньги, что достались ему после смерти отца и доход от практики за последние несколько лет. В высоком стеклянном сосуде плавали три бутылочки горлышком вниз наполовину заполненные воздухом. При повышении температуры бутылочки поднимались вверх, а при понижении опускались. Сейчас они были почти у поверхности. Жан нанёс на цилиндре риску, сегодня одна из бутылочек всплыла выше, чем обычно.

Вытерев платком пот, Жан выглянул в окно, посмотрел на небо. Ни единой тучки. Городок Ле-Бюге в графстве Пе-

ригор просто плавился от жары. На секретере лежало письмо от Марéна Мерсéнна, оно было прочитано уже несколько раз и столько же раз принято окончательное решение. Он ни куда не поедет. Мерсенн передавал ему приглашение поехать преподавать химию в Московию, школа находилась в некоем селе Вершилово Пурецкой волости Нижегородской губернии. Жан пытался в магазинчике папаши Соле найти на карте, где это. Но карты тех мест были сплошным белым пятном. Там было написано «Дикая Тартария». И всё.

Естественно ехать в дикую Тартарию Рэ не собирался. У него есть практика в Ле-Бюге, он уважаемый в округе доктор и у него есть любимое занятие – химия. Что ещё надо? Да, у него есть жена и двое детей. Две милые девочки семи и пяти лет. Жена была дочерью мельника и умела делать восхитительные пирожки с мясом. Что ещё надо?

Марен Мерсенн писал, что в это Вершилово уже переехали Кеплер, Майр, Симон Стивен, Рубенс и что доктором там ученик самого Амбруаза Паре Антуан ван Бодль. Что ж, компания очень достойная. Всех этих людей знал любой образованный человек в Европе. Получается, что они приняли приглашение этого загадочного маркиза Пожарского. Странно. Два придворных астронома, правда, у разных монархов переезжают в варварскую Московию. Ну, может, этот маркиз предложил им больше денег, но Рубенс. Рубенс в деньгах не мог нуждаться, и, тем не менее, забрал семью, всех учеников, и уехал. Об этом в прошлом году судачила вся про-

свещённая часть Европы.

Ещё немного коробило сочетание «Пурецкая волость», где-то Жан уже слышал подобное название. Он достал лист бумаги и сел писать ответ Марену, когда глаз его зацепился за надпись на новомодной ручке с серебряным пером. «Пурецкая волость» – вот же эта надпись. Получается, что эти замечательные «перьевые ручки» изобрели в этом самом Вершилово. Да, а ещё ведь такая же надпись есть и на дорожке чернильнице непроливайке, что подарил ему богатый купец из Бордо, которому он вправил грыжу. Интересно.

Доктор отложил ручку и задумался. В дикой Тартарии изобретают волшебные вещи, туда уехали самые известные учёные Европы и самый знаменитый живописец. Мерсенн пишет, что маркиз Пожарский строит Академию наук и поэтому приглашает к себе лучших учёных. Получается, что он, Жан Рэ, может попасть в число избранных. Может, врут про дикую Тартарию? Что же, все эти люди, что приняли приглашение маркиза дураки, а он малоизвестный доктор из неизвестного никому Ле-Бюге – умный? Что-то не сходится. Марен писал, что подумает над предложением маркиза Пожарского. Может и ему стоит подумать?

Событие пятьдесят четвёртое

Симон Майр сидел на берегу Волги с сыновьями Яковом Андреасом и Матиасом и ловил рыбу на удочку. Полностью снаряжённые удочки подарил как-то астроному Пётр Пожар-

ский.

– Вот придут у тебя сыновья, и сходите с ними порыбачить на утреннюю зорьку, – сказал тогда маркиз.

Пару недель назад к Симону приехала жена с детьми. К счастью все семеро были живы, захворавшую уже после Москвы Лидию, самую младшую, вершиловские травницы мигом поставили на ноги. Причём младшей не ограничилось. Уже две недели всё семейство Майров во главе с Фелекитас посещают травниц три раза в день. Вредные тётки говорят, что ходить придётся два месяца, а там они будут смотреть на состояние детей.

Его Феликитас пыталась было потребовать кувшин снадобья на целый день для всей семьи, но травницы засмеялись и заставили Майра объяснить «немке», кто главнее пациент или доктор. Симон и сам уже почти год ходит по три раза в день к травницам и пьёт отвары и настои, а после утреннего питания ещё и бегает, приседает, подтягивается, делает наклоны. Сейчас он уже точно понимает, что это приносит пользу, а тоже ведь сначала, как и все «немцы», возмущался.

После того как лекарки поставили Лидию на ноги и рассказе Симона о своих ощущениях, Фелекитас немного успокоилась. Теперь у неё следующая навязчивая идея, дом слишком мал для их семьи. В Ансбахе у них был двухэтажный каменный домик из пяти небольших комнаток и кухня на улице в отдельной каморке. В доме всегда было холодно и зимой и летом, а летом ещё и сыро. Не от этого ли умер-

ли двое их сыновей. Теперь был огромный тёплый домина из семи комнат с кухней и туалетом в тёплой пристройке к дому, и он мал. Семье служанки, что решила на переезд вместе с Фелекитас, выделили обычный дом с баней и другими пристройками по соседству, да ещё и служанка из местных «баба Маша» осталась, та тоже приходила из своего дома. На девять человек мало семь комнат, кто поймёт этих женщин? Тем не мене Майр сходил к Крчмару и поинтересовался, нельзя ли сделать пристройку к дому. Неожиданно пришло сразу несколько управляющих. С Крчмаром пришли Зотов и архитектор Трофим Шарутин, а через минуту заявился запыхавшийся Фома Андронов, знаменитый резчик по дереву. Комиссия обследовала дом и прилегающую территорию, и удалилась, ничего не сказав, удивлённому хозяину.

Только через неделю к нему пришёл Шарутин и принёс рисунок его нового дома с пристройкой. Это был деревянный дворец. Такой красоты Симон ещё не видел. Он не стал показывать рисунок жене, пусть будет сюрприз. Строители заявили на следующий день. Майров переселили в один из построенных для будущих переселенцев домов, на всякий случай вновь прожарив все вещи и вымыв визжащих детей в бане с огромным количеством ароматного хвойного мыла. Сейчас бригада из трёх плотников, одного каменщика и Фомы ударными темпами воплощала тот чудесный рисунок в жизнь.

Майр договорился с Крчмаром, Зотовым и Полуяровым, что после его дома строители займутся превращением крестьянских землянок в нормальные дома по вершиловскому образцу со всем полагающимся скотом и озимыми семенами, всё-таки он стал дворянином и хозяином пяти крестьянских дворов. Чем его крестьяне хуже, чем крестьяне Рубенса или Шваба.

Сам же Майр писал новый учебник. Это была «Физика». Точнее сам Симон писал только одну третью часть. Пожарский разделил этот учебник на три части и одну отдал Майру, она называлась «Жидкости», Иоганну Кеплеру досталась часть с названием «Газы», а третью часть «Твёрдые тела» должен был написать Симон Стивен, после того как закончит математику для второго класса.

Маркиз долго сидел с Майром вечерами и рассказывал про то, что запомнил, из прочитанной в детстве книге Атлантов, про физику жидкостей. Про давление в жидкости, про её свойства и рассказывал какие опыты нужно проводить. Симон записывал, боясь пропустить даже слово. Половину того, что говорил Пётр, было для учёного открытием, один расчёт давления жидкости на дно был чудом. Всё вместе вызывало шок. Как же далеко эти Атланты ушли вперёд? Как жаль, что эти книги сгорели.

Ученик лекаря Генрих Тамм вместе с женой Изольдой неожиданно для себя стал завзятым пчеловодом. Перед отъездом на Урал маркиз Пожарский зашёл к немцу домой и предложил написать книгу по пчеловодству.

– Но ведь я ничего не знаю о пчёлах, – удивился Генрих.

– Вот и хорошо, не напишешь всяких сказок, а всё выведешь у бортников и проверишь лично, – успокоил молодого человека маркиз.

Генрих на следующий день взял несколько листов бумаги, ручку с чернильницей непроливайкой и пошёл к бортникам. Княжич набросал ему примерный порядок глав в его будущем учебнике. Размножение там, зимовка, когда мёд качать и так далее. Вторая часть книги была про лекарственные свойства мёда и других продуктов, что бортники из улья забирают. Лекарь ходил от одного бортника к другому, спрашивал и переспрашивал, русский он за год освоил прилично, но некоторые понятия и слова всё равно были непонятны.

Вот один из бортников, Семён Орлов, и предложил Тамму взять себе в хозяйство один улей. Генрих подумал, что это отличный способ узнать побольше об этих насекомых и согласился. Вместе с Семёном они нашли в лесу дерево с дуплом, в котором жили пчёлы и выпилили его. Принесли и установили на заднем дворе дома, что выделили Тамму. С тех пор всё свободное время Генрих с Изольдой проводили, наблюдая за трудолюбивыми насекомыми. Книга писалась медленно. Очень не хотелось молодому человеку уда-

рить в грязь лицом перед маркизом.

Изольда ходила беременная на шестом месяце, и немец был вполне доволен жизнью. Есть большой и тёплый дом, есть любящая жена, а теперь ещё и любимая работа появилась. Генрих продолжал общаться с бортниками и травницами и потихоньку стал осознавать, что уже не он выпытывает у крестьян разные хитрости из жизни насекомых, а они узнают новое у него. Что ж, теперь можно и впрямь садится за учебник, собрать разрозненные знания в одно целое.

А улья у него стало теперь два, его первая пчелиная семья разделилась на две. Генрих успел поймать сбежавших пчёл в сачок и разместил в построенный по чертежам княжича домик.

Событие пятьдесят шестое

Царь и Великий Государь утром выехал со всей свитой из Нижнего Новгорода в Вершилово. В Нижнем пришлось задержаться на два дня. То, что увидел Государь при въезде в город, заставило и его и всю свиту открыть рты, да так до самого Кремля и ехать с открытыми. Это было что угодно, только не русский захолустный город. Улицы были ровные и засыпаны тем же самым гравием, практически каждый четвёртый дом был под черепичной крышей, несколько десятков домов в Верхнем посаде вообще были из кирпича. Но больше всего поразили царя ворота домов, практически все они были расписаны. Это были всевозможные петухи

и жар птицы, кое-где ворота превращены в цветочный луг. Некоторые из ворот явно расписывали настоящие художники, там были картины из жизни римских богов. Явно без Рубенса не обошлось, решил Михаил Фёдорович. Ехавший рядом с царским возком воевода Фёдор Фёдорович Пронин подтвердил, что немцы вершиловские и, правда, поучаствовали в создание этих красот.

После угощения и послеобеденного отдыха на мягком «диване» в горнице князя царь принял Государева дьяка Трофима Акинфиева и подробно расспросил того обо всех чудесах увиденных, начиная от Вязников до самого нижегородского Кремля. Михаил не ошибся, без маркиза Пожарского не обошлось. Более того, оказалось, что часть дороги от Нижнего до Гороховца Пётр строит на свои деньги. Откуда те деньги берутся, царь видел, всю дорогу запрудили купцы, что поспешали за диковинами в Нижний Новгород, и уже загруженные назад. Один из возов перевернулся, когда стрельцы освобождали дорогу для царского экипажа и Михаил Фёдорович видел, как из телеги посыпались под откос валенки. Несмотря на лето, товар пользовался спросом.

Царь долго выпрашивал, как и на какие деньги строится дорога. Деньги оказались государственные, но увеличение количества купцов и строительство десятков печей по обжигу глины на кирпичи и черепицу, а также обжиг извести практически свёл недостачу к нулю, а до конца года Государев дьяк обещал полностью восстановить сумму, взятую

из пятины и даже увеличить её. Какое-то волшебство получалось, истрачены огромные деньги на строительство дороги, а денег не меньше будет, а больше.

Дорога до Вершилова была почти такая же, что и та по которой царь доехал до Нижнего. Может только чуть шире. Отличие обнаружилось, когда они проехали первую версту. По правую сторону от дороги стоял высокий кирпичный столб с написанной на нем цифрой «1». Михаил уже привык к новым обозначениям цифр и вопросительно посмотрел на подъехавшего к остановившемуся возку воеводу.

– Это верстовой столб, Великий Государь. Так до самого Вершилова столбы будут, чтобы знать, сколько проехал, и сколько осталось, там цифра с другой стороны, – пояснил знакомый с этим новшеством Пронин.

– Хитро придумано, – обрадовался Михаил Фёдорович, – Надобно и другие дороги так-то разметить.

Остановились у въезда в Вершилово. Мишки царю понравились. И этих захотелось залучить в свой удел. Когда он сказал про это, Пронин рассказал, что приезжавший в прошлом году князь Пожарский так и поступил, а это уже вторые мишки больше и красивей прежних. Царь усмехнулся и хотел дать команду ехать дальше, но был остановлен встречающими жителями Вершилова. Вернее всего тремя жителями.

– Это управляющие маркиза Пожарского, – пояснил Пронин Государю, – Вячеслав Михайлович Крчмар, ваш, Вели-

кий Государь, крестник, и Василий Петрович Зотов. С ними настоятель местного храма отец Матвей.

– Ваше Величество, – низко поклонился Крчмар, – не желаете ли пересесть на коня, чтобы лучше видеть, что мы тут понастроили.

Михаил желал, двухчасовая поездка в возке из Нижнего его порядком утомила. Царю подвели коня, что для такого случая держали под уздцы стрельцы, но со стороны Вершилова тоже подвели жеребца. Конечно седло и уздечка на его «Соколике» была богаче. Только кони были разные. Михаил таких и не видел. Это без сомнения был арабский жеребец, но от этих игрушечных точёных коньков он отличался как бык от телёнка. У вороного были белые бабки, белая звезда во лбу и мощью от жеребца так и веяло.

– Хорошо ли объезжен, – поинтересовался Михаил.

– Конь смирный, Ваше Величество, и выезжен очень хорошо, – «крестник» протянул государю уздечку.

Михаил с помощью стременного взлетел в седло и погладил красавца, жеребец нетерпеливо перебирал ногами и прядал ушами. Поехали. Только до первого дома. Дом был из обожжённого кирпича двух цветов под черепичной крышей с двумя торчащими печными трубами и с застеклёнными огромными окнами. Михаил опять остановился.

– Чей это дом? – поинтересовался Михаил, подзвав Крчмара.

– Крестьянин Фёдор Семёнов здесь проживает с семей-

ством, – чему-то улыбнувшись про себя, ответил управляющий.

– Крестьянин, крепостной? – не поверил царь.

– Ваше Величество, все дома для крестьян, стрельцов и прочих простых жителей Вершилова сделаны одинаковые, дом, из дерева обложенный кирпичом с двумя печами и черепичной крышей, баня с одной печью, коровник, конюшня и прочие хозяйственные пристройки, – пояснил крестник.

– Чудит Петруша, – прошептал про себя Михаил и тронул коня.

Следующая остановка была на первой площади. Михаил спрыгнул с коня, не дожидаясь стремянного, и пошёл к храму. Но у резных картин с деяниями князя Владимира пришлось остановиться. Красота. Нужно заказать этому мастеру такие же картины и себе, – решил Михаил.

– Кто мастер? – повернулся он к Крчмару, выбрав его провожатым.

– Крепостной князя Пожарского Фома Андронов с учениками резали, – снова улыбнулся в усы крестник.

Михаил снял шапку и вошёл в храм. И тут красота. Некоторые из икон он уже видел, но все вместе и плюс роспись стен и потолка. Понятно, лучшие художники, что есть на Руси, здесь собрались. Но одно дело это понимать, а другое дело видеть. Эх, как хотелось всех этих мастеров переселить в Москву, да ведь нельзя. Михаил прочёл молитву, встав на колени перед алтарём, и тяжело вздохнув от нахлынувшей

жадности, вышел из храма.

– Это здание школы, – упредив его вопрос, ответил немец.

Тоже красиво. Кирпичи двух цветов создавали неуловимый узор, а утреннее солнце отражалось от десятков окон в обеих этажах. Как повезло этим детишкам, подумал Михаил, они учатся в такой красивой школе.

– Напротив кельи инокинь женского монастыря, – опять упредил вопрос повернувшегося к зданию близнецу государя, Крчмар.

– Да, Петруша писал, что отбил у атамана Сокола этих монахинь, вижу, не обижают, христовых невест, – благосклонно кивнул Михаил Фёдорович, – А там, у школы, что тоже резные картины? – увидел Михаил такие же доски под навесом у школы.

– Да, Ваше Величество, но там вырезаны животные с детьми.

Государь дошёл пешком до картин и остановился. Эти картины были не хуже чем деяния князя Владимира, но вот содержание. На картинах были вырезаны дети, играющие с зайчатами и белками или кормящие оленёнка, была девочка с совой на плече. Два десятка резных картин с детишками и животными. Царь переходил от одной картины к другой и только головой качал. Опять чудо. И дети, и звери были как живые. И такие надо себе заказать. Михаил с трудом отвернулся от картин и проговорил:

– Желая вечером посмотреть я на мастера этого.

В княжий терем заезжать не стали. Крчмар сообщил только, что сейчас для государя там готовят угощение и комнату для послеобеденного отдыха. Поехали ко второй площади. И вот тут зависли все приезжие. Такого храма никто не видел. Громада кирпичного собора подавляла тебя как муравья, цветные мозаики сверкали на солнце. Десятки витражных окон дополняли это сверкание. Храм нельзя было «окинуть взглядом». Взгляд застревал. Можно было только поворачивать голову и восхищаться. Конечно, больше всего поражали мозаичные иконы снаружи здания.

– Кто сотворил чудо сие? – смог вымолвить, наконец, Михаил Фёдорович.

– Позвольте представить вам Ваше Величество – это архитектор Трофим Шарутин, – Крчмар указал на склонившегося в поклоне мастера.

Михаил вспомнил, он приказал найти этого архитектора для ремонта Кремля. Тогда мастера не нашли, а он оказывается всё это время был здесь и создал вместо обычного ремонта шедевр. Ничего даже близко не стояло рядом с этим кирпичным чудом. Да, здесь было мало от канона. Разве, что цветные луковицы куполов напоминали собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

– А мозаики уложил мастер Аким Юнусов, – представил между тем невысокого татарина Крчмар.

Татарин, создал такую красоту, как же умудряется Петруша находить и собирать вокруг себя столько замечательных

мастеров.

– Позовёшь ли внутрь, Трофим, – поинтересовался через несколько минут посвящённому дальнейшему разглядыванию чуда, государь у Шарутина.

– Конечно, Великий Государь, только внутренние работы ещё не совсем завершены, – поклонился архитектор.

Внутри произошло то же самое, что и снаружи. Вся царская свита, включая и не видевшего внутреннее убранство воеводы Нижнего Новгорода Пронина, целый час, молча крутила головами. Слов не было. Цветные мозаики продолжались и на внутренних стенах храма, но кроме них были росписи. Яркие большие полотна со сценами из святого писания занимали весь внутренний объем помещения, включая и потолок. Сквозь цветные витражи проходил свет яркого солнечного дня, и от этого становилось ещё красивей. Работавшие в районе Царских Врат рабочие перестали стучать и бухнулись на колени, но Михаил этого не замечал. Владимирский собор Кремля был великолепен. Так думал Михаил ещё несколько минут назад. Нет. Нужно забирать с собой Шарутина, пусть строит похожий храм в Москве, решил царь и горько усмехнулся. Не сможет. Один человек такого не сможет. Ведь ещё нужно мастера по мозаике и несколько десятков художников, что приехали к Пожарскому из Европы и собранные на Руси. А кто в это время будет расписывать фарфор и подносы. Где взять ещё два десятка Рубенсов и Прилукиных? Михаил чуть не заплакал от обиды. Нель-

зя забирать отсюда мастеров. Они здесь собраны специально, и вырвав из этого круга несколько человек можно нарушить этот целый организм, и чудеса, выдаваемые Вершиловым, исчезнут или станут хуже, а этого допускать нельзя.

Добили Михаила колокола, что поднимали на колокольню, когда он вышел из храма. Это опять было чудо. По верхнему и нижнему поясу колокола шли надписи, а по всем четырём сторонам были отлиты вместе с колоколом иконы. Как это могло быть сделано?

– Кто мастер? – прошептал непослушными губами царь.

– Колокольный мастер, литеец Иван Самсонов, – представил царю Крчмар поклонившегося бородача.

– Откуда ты Иван? Кто учил тебя такие колокола лить? – Михаил внимательно оглядывал мастера.

– Из Чебоксар мы всей артелью перебрались к Петру Дмитриевичу по его приглашению. Колокола такие лить уже здесь научились, и Пётр Дмитриевич помог, и Фома Андронов со Щеглом работали и ещё много мастеров помогали, – степенно, как и полагается настоящему мастеру ответил Самсонов.

Михаил и не сомневался в ответе. Такое нельзя сделать одному. И этого нельзя забирать на Москву. Опять половину Вершилово с собой тащить придётся.

– Как отца твоего звали Иван Самсонов? – вздохнул Государь.

– Владимиром звали, – опять поклонился литеец.

– Поставишь, Иван Владимирович Самсонов такой же набор колоколов на Москву во Владимирский собор, а сегодня же дьяк оформит тебе грамотку на дворянство, – царь повернулся к Шарутину, – И тебе мастер. Ладно, показывай, что за здания справа и слева возводишь.

– Это, Великий Государь, Академия наук, – Шарутин указал на правое здание, его уже построили и даже уложили черепицу на крышу и застеклили окна. Здание было в четыре этажа, и узор из тёмного и более светлого кирпича создавал на площади законченную композицию. Сейчас только мозаику доделывал Аким Юнусов. На скале был прикован Прометей и огромный орёл выклёвывал у него печень. Михаил греческую легенду о Прометее знал. А вот теперь и увидел.

– А с другой стороны, Ваше Величество, будет Академия искусств, – указал Крчмар на второе, тоже, почти построенное, здание.

Михаил устал удивляться. Он осмотрел ещё раз площадь, обойдя её по кругу, и приказал вести его на обед.

Событие пятьдесят седьмое

Флот подошёл к Уфе вечером. Пётр Дмитриевич сразу направился на пристань искать купцов с быстроходными лодьями. Нашёл одного. Тихон Порошин согласился по Белой доставить сто пудов муки до Белорецка, за двести рублей. Это было очень дорого. Но выбирать не приходилось. Они, конечно, брали провизию с запасом, и плюс ещё успеют со-

брать урожай яровой ржи и пшенички, но число едоков увеличилось больше чем на сто пятьдесят человек. Они выбили у вогулов больше сорока мужчин, и теперь нужно кормить их семьи иначе зимой женщины, дети и старики умрут от голода.

Только разделавшись с этой проблемой, княжич смог, наконец, облегчённо вздохнуть и проследовал за стрельцом присланным воеводой Пушкиным в Кремль. Григорий Григорьевич выглядел гораздо лучше, чем весной, может, и микстура витаминная помогла, а, может, просто лето. Они с князем Разгильдеевым и воеводами отметили счастливое возвращение Петра Дмитриевича с Урала и во время пира ещё и обсудили важные дела. Во-первых, Пушкин летом усилил гарнизон нового острога ещё на десяток стрельцов а, заодно и два десятка черносошных крестьян с семьями переселил. Княжич это видел и незамедлительно выделил воеводе денег на провиант для оставленных на зимовку стрельцов и их семьи. Кроме того Пётр рассчитался с Григорием Григорьевичем за всю заготовленную летом шерсть. А башкиры навезли её столько, что ещё нужно будет целый день грузить на корабли. Скотоводы видя, что воевода Уфы стабильно и честно расплачивается с ними за шерсть, повезли её в Уфу со всей округи и даже стали заказывать у кузнецов специальные ножницы.

Во-вторых, Пётр договорился с воеводой, что как только растает лёд, он отправит лодью с мукой в Белорецк, а на-

зад заберёт, то, что подготовят переселенцы. Княжич договорился с Шульгой, что медную руду и полевой шпат за зиму заготовят и переправят в Белорецк. Теперь вот и о вывозе позаботился.

В-третьих, маркиз попросил Пушкина кликнуть клич по окрестностям переселяться в Миасс или Белорецк. Нужны и крестьяне и мастеровые и казаки со стрельцами не помешают, княжич обещал всем построить дома по образцу Вершилова и со временем обеспечить скотом, ну и конечно семена дать «полуяровкой». О небывалом урожае этой ржи и сюда слухи дошли.

Закончили пир с переговорами далеко за полночь. Утром Пётр по заведённому обычаю пошёл на рынок. Сказать, что совсем удачно, так может, и нет. Купил десяток овец, как ему показалось с более тонкой шерстью, чем у остальных. Купил трёх верблюдов. Зачем ему столько верблюдов Пётр и сам уже не знал. Ладно, приедет домой посмотрит, что с этими «кораблями» делать и стоит ли ими заниматься, ну, а сейчас попались под руку, так пусть будут.

А уже по выходу с рынка наткнулся на тётку, что торговала кедровым орехом. От такого у Пожарского глаза на лоб полезли.

– Где ты взяла эти орехи? – поинтересовался озадаченный княжич у торговки.

Оказалось, что ей привёз эти орехи сын. Он примкнул к Томским казачкам и там выменял эти диковинные орехи

у местных вогулов за железный топор. Женщина просила за небольшой мешочек пять рублей и Пожарский, не торгуясь, отсчитал их торговке. Можно будет посадить их вокруг Вершилова, да и в самом селе. Это не тополя, что в Советском Союзе зачем-то сажали во всех городах. Кедр он и в Африке кедр. И красиво и шишки будут дети лет через сорок добывать и в кострах жарить. И настойку можно будет делать на кедровых орешках. На тополях настойка будет не та.

Событие пятьдесят восьмое

Михаил Фёдорович Романов сидел в кресле на лодье и думал. Вчера поутру шесть лодей с его свитой и стрельцами отчалили от замечательной пристани, построенной Пожарским на Волге для своего Вершилова. В этом «селе» государь провёл три дня. Посмотреть было на что. Ему показали весь цикл производства фарфора и даже дали расписать одно блюдо самому. Сейчас на этом блюде, на маленьком столике перед ним был нарезан сыр, и стояла рядом чаша из стекла полная спелой малины.

Чашу выдул тоже сам Михаил, вернее, если честно, начал выдувать, но это не меняло его отношения к этому производству искусства. Чаша была сделана из синего стекла, и на неё был нанесён выпуклый узор из переплетающихся нитей зелёного и молочно-белого цветов. На блюде же чёрной краской царь нарисовал борзую собаку, её только чуть подправил Рубенс. Каково же было удивление Михаила на следующий

день, когда на обожжённом блюде собака оказалась синей. Такое свойство у этой краски, объяснил ему мастер Андрейка Лукин. Совсем ещё юноша, даже борода ещё расти не начала, а уже приносит стране такую выручку.

Оказалось, что именно он решает какие предметы из фарфора изготавливать и придумывает новые. Сплошные чудеса в этом Вершилово. Ведь понятно, что лепит из глины отец Андрейки, а рисует, кто ни будь из художников, а первоначальную модель режут из дерева Фома Андронов или второй мастер со смешной фамилией Щегол, а главный вот этот пацан. И так в Вершилово всё поставлено с ног на голову. Масло замечательное ореховое делает крепостная крестьянка, а горшки ей расписывает либо возведённый вчера во дворянство Иоаким Прилукин либо другой дворянин немец Пётр Рубенс. Дворянин Антуан Ван дер Бодль лекарь голландский, что написал книгу по лечению травами, на которую молится его личный докторус Бильс, лишь помогает двум травницам, что Пожарский отбил у татей. Всем лекарством в Вершилово они занимаются. Михаилу рассказали, как они заставляют всех этих учёных и художников по три раза в день приходиться к ним за стаканчиком отвара. Несмотря на любую погоду, даже в проливной дождь. И все смирно идут.

Михаил позволил травницам и себя осмотреть и даже ответил на все их иногда ужасные вопросы, про цвет мочи и твёрдость монарших какашек. Бабки пошушукались и ска-

зали, что нужно царю-батюшке срочно в Вершилово переезжать и делать то же, что и все немцы, ходить к ним за питьём три раза в день. Государь попробовал зайти с другой стороны и приказал бабкам собираться в Москву.

– Ты нас здесь убей царь-батюшка, зачем тебе там нас на костре сжигать, а так будет, если мы поедем, – сказали травницы, а мать астронома Кеплера рассказала, как её два раза хотели сжечь за траволечение в немецких землях.

Михаил представил, какой вой поднимут бояре, если он вернётся с двумя колдуньями и только горько вздохнул.

– Живите здесь.

Понравился царю и футбол. Команда стрельцов первого набора «Зубры» выиграла по пенальти у голландско-немецкой команды «Рыси». Вот здесь Государь не удержался и сейчас с ним едет один из стрельцов с семьёй, чтобы организовать такие команды и в Москве. Начнём с того, чтобы в каждом стрелецком полку будет такая команда.

Царь посетил посёлок управляющих и учёных, что находился на западном краю сильно разросшегося Вершилова. Ровные ряды одинаковых ухоженных теремов под черепичными крышами и небольшим фонтанчиком в центре слободы, который приводится в действие красивой ветряной мельницей. Михаил словно в сон попал. Разве может быть всё так красиво и чисто. Царь бывал на Кукуе в Москве. Там жили другие немцы. Там было получше и почище чем на грязных заваленных навозом улицах Москвы, но ... Это был свинар-

ник по сравнению с этим посёлочком из двухэтажных теремов всех покрытых волшебной резьбой. Широкая засыпанная щебнем улица, тротуары из цветного кирпича, выложенного в замысловатые узоры, фонтан, и не единой кучки навоза или грязи, как впрочем, и во всём Вершилово. Немцы посадили цветы, и сейчас, в августе, посёлок утопал в зелени и цветах.

А почему мы так не можем, думал сейчас Михаил. Хотя «мы» – это кто? Вон Петруша ведь может. Ничего. Акинфиев, государев дьяк Нижнего Новгорода и управляющие Пожарского Зотов и Крчмар много секретов наоткрывали Государю. Кое-что он внедрит на Москве сам, а остальное поможет сделать тот же Акинфиев, которого по приезду в Москву нужно будет поставить руководить новым Приказом Дорожных дел.

Понравились царю и учения стрельцов и рейтар, что продемонстрировали ему товарищ воеводы Нижнего князь Фёдор Фёдорович и воевода Вершилова пан Заброжский. Михаил, чтобы не «панкать» тут же возвёл в российское дворянство Яна Михайловича Заброжского, заодно и крестником ему выступив. А князя Пронина утвердил воеводой Нижегородской губернии, раз замену Бутурлину всё ещё не прислали. Князь сказал, что двести стрельцов из Вершилова сумеют легко разделаться в любом бою с тысячей ляхов или шведов, Михаил не поверил и приказал сказать, что об этом думает командир вершиловских рейтар Виктор Шварцкопф.

– Если стрельцы Вершилова будут стоять в обороне, а у неприятеля будет не более двадцати пушек, то победят стрельцы. А если эти двести стрельцов, да плюс его рейтары атакуют стоящее в обороне войско из тысячи иноземцев, то они его легко разобьют. Против освоенной в Вершилово тактики наступления не устоит ни одна армия в Европе, – перевёл Крчмар слова наёмника.

Что же это получается. Опять нужно забирать Заброжско-го и Шварцкопфа в Москву. Может, травницы правы, нужно перенести Москву в Вершилово. Так нет. Бояре ведь со своим уставом и в этот монастырь влезут, и будет здесь ещё одна грязная вечно горящая Москва с татями и рогатками на каждой улице. Замкнутый круг.

Событие пятьдесят девятое

Виктор Шварцкопф неожиданно для себя стал командиром целой сотни рейтар. Каждый новый переселенец приводил с собой десяток, а кто и два десятка наёмников и всем им предлагалось остаться в Вершилово на пять лет за плату десять талеров в год, плюс дом, оружие и одежда. Десятникам талеров полагалось аж по пятнадцать. Райские условия. Такие в Европе не получить. Да ведь ещё и война, бушующая в немецких землях, ой как далеко. Все рижские немцы согласились послужить у маркиза Пожарского пять лет. Рейтары с Ансбаха сначала хотели ехать назад, но тут Шварцкопф проявил инициативу и пошёл поговорить с ними. Он

провёл десятников к себе домой и показал, как живёт. Похвастал женой, что была дочерью бывшего пушкаря, а теперь строителя этих замечательных дорог, Адама Вожика. Показал конюшню с двумя жеребцами, показал коровник, а вот баню показывать не стал. Этим немытым, воняющим потом и говном воякам ещё предстоит узнать, что баня это лучшее, что есть на Руси.

Ансбахцы покрутили головой и спросили, где в Вершилово кабак и где публичный дом. Пришлось господ разочаровать. Нет в Вершилово ни кабака, ни публичного дома. Виктор понимал, что восемь десятков вновь прибывших наёмников, это не белые овечки и командовать ими и держать их в повиновении будет не просто. Хорошо хоть его десяток и два десятка, что прибыли с женой доктора уже вжились в местные реалии, его десяток переженился на местных полностью, а из двадцати рейтар второго набора не женатых осталось девять. Да и, то только потому, что хотят перевезти подруг из Риги, куда уже отправили письма.

Травницы и доктора проверили новичков на сифилис и гонорею, и пришлось девять человек отправлять назад, с этим здесь строго, вон даже одного из учеников Рубенса спровадили. Из тех, что приехал с последней партией голландцев с ван Дейком.

Все прибывшие рейтары получали приглашение подписать контракт на пять лет, они естественно спрашивали, а есть ли здесь ещё наёмники. Конечно, говорили им, вон

есть десяток Виктора Шварцкопфа. Так у него стало тридцать человек, потом сорок, потом шестьдесят, потом семьдесят, девяносто, сто десять. Минус девять больных. И того ровно сто подчинённых. Это много. Виктор никогда не командовал сотней. Даже не знал, сможет ли.

Он первым делом перетасовал десятки, своих первых он поставил десятниками, а ансбахцев умышленно разделил по два человека в десяток, да ещё постарался, чтобы эти двое не слишком ладили друг с другом. Тренировки показали, что горлодёров достаточно. Пришлось позвать на помощь Ивана Пырьева и ещё двоих стрельцов из десятка Бороды. Особо буйным показали казацьи ухватки. И метание ножей. Привязали уродов к щиту, и Иван стал кидать в них ножи, как на представлении у скоморохов. Вроде первый бунт удалось подавить. Теперь стоит ждать второй, когда он поднимет на тренировках нагрузки. Ничего, контракты подписаны, а они всё же немцы и привыкли слушаться командиров. До похода, что маркиз Пожарский запланировал на Рождество, есть ещё четыре месяца, этого мало, чтобы сделать из его сотни таких воинов, как сотня Малинина, но и новобранцами их назвать будет нельзя. Кто там, шведы или ляхи попадут под раздачу? Стопчем.

Виктор видел, как пан Заброжский тренирует стрельцов и старался всё делать так же. А ещё Виктор посматривал на крестьянских парней, что в свободное от работы в поле или по дому время проводят на тренировках. Так сказать

ополчение. Это ополчение, разделяется с опытными рейтарами из того же Ансбаха походя, даже не заметив соперников. Откуда взялся этот маркиз Пожарский? И зачем ему в лесной глуши такое войско?

Событие шестидесятое

В Казани расстались с Баюшем Разгильдеевым. Пётр сказал ему, что князь должен сразу по приезду домой прислать сына, а сам с двумя десятками конных татар в национальных одеждах приехать в Вершилово не позднее первого января. Хорошо хоть Новый Год здесь в другое время празднуют. Перед Казанью задержались на день, чтобы забрать у нефтяного магната очередные сорок бочек нефти и почти целый корабль овечьей шерсти. Ну, теперь шерсти хватит, чтобы не только валенки делать, но и ткань хорошую произвести попробовать. Мурзе Бадику Байкубету княжич заплатил за шерсть и нефть и договорился о дальнейшем сотрудничестве. Нужно то же самое, земляное масло и шерсть, причём шерсти, чем больше, тем лучше.

– Слушай, мурза, – перед отъездом поинтересовался княжич, А тебе не предлагали рабов купить, ногаи, например или ещё кто.

– Ногаи предлагали, но у меня денег не было, – сокрушённо развёл руками хитрец.

– Ясно. И почём?

– Мужчина рубль, женщин пол рубля, – прищурился баш-

кир, предвидя выгоду.

– Замечательно. Вот тебе пятьдесят рублей, если будут продавать купи. Я весной, когда поплыву на Урал камень, у тебя их заберу. Только корми хорошо. Потом скажешь, сколько денег ушло на прокорм, я заплачу, – Пётр протянул мурзе мешочек с деньгами. Миасс нужно заселять, и если башкиры там будут разводить овец на шерсть и мясо, то хуже от этого не будет.

В самой Казани всё повторилось, как и при первой встрече. Опять попойка с Иваном Никитичем Одоевским меньшим и Фёдором Семёновичем Куракиным. Князья люди были гостеприимные и не бедные, а вот равных им по званию гостей в Казани бывало не много, вот Пожарскому и досталось. Он даже на рынок не пошёл на следующий день. Голова с недосыпу и перепою болела, какие к чертям покупки, улечься в гамак на кораблике и мерно покачиваться в такт гребкам вёсел. Что может быть лучше.

Событие шестьдесят первое

Онисим Петрович Зотов выбежал из парилки и опрокинул на себя ведро колодезной холоднющей воды. Ах, хорошо. Управляющий растёрся полотенцем и пошёл в мыльню, смыть с себя пот и усталость. А устал он ужасно. Всё лето и осень едут и едут с Европы вшивой переселенцы. Нет, этот поток предвидели, и дома и терема стали строить с самой весны. Только опять, как и в прошлый год не угадали.

Начнём с того, что неожиданно к десятку немецких наёмников присоединилось ещё двадцать, а потом ещё. И поехали. В результате рейтар набралась целая сотня. А это ведь девяносто новых домов. Да к каждому приставь бабку или старичка. Онисим уже половину Нижегородской губернии объехал, собирая экономок для рейтар. Ну, с этой задачей почти справился.

Кроме наёмников приехали учёные. Ну, тем, понятно, те-рема рубли. Некоторые приехали с семьями, а часть на разведку и оставила жён дома. Пришлось обеспечивать прислугой и этих товарищей. А ещё учить их мыться хотя бы еженедельно и пользоваться нужником, построенным рядом с домом, а то так и норовят у куста устроиться или у забора, ну чисто барбоски, а ещё учёные. Профессора, ядрёна вошь.

Потом повалили евреи и, хотя дома для них были построены, но пришлось и лавки изготавливать и те, же нужники строить и бани. С евреями приехал итальянский архитектор Карло Модерна. Он должен будет построить синагогу. Пётр Дмитриевич перед отъездом предупреждал, что возможно приедет архитектор, но что такой деятельный. Строительство началось буквально на следующий день после приезда метра. Правда, потом на пару дней прервалось. Оказывается, этот Модерна большая знаменитость в Европе, самому Римскому Папе строил дворцы, а тут в Вершилово обнаружил Рубенса, Ван Дейка и Снейдерса с Йордансом. Тоже знаменитостей. Вот они привезённое итальянцем вино и пробова-

ли, пока то не кончилось. Травницы им потом такой скандал закатили, и самые горькие отвары неделю выдавали. Карлу этого тоже закрепили за стрельцом, который выводил его на прогулку и заставлял три раза в день пить отвары.

Модерне наши материалы не понравились, мрамор ему подавай. Главный из евреев Буксбаум, который приехал с архитектором тяжело вздохнул и стал записывать, что нужно привезти и откуда. Когда же Онисим показал ему куски известняка из карьера близ Арзамаса, он скривил губы и махнул рукой, ладно уж, пусть известняк будет местный, но мрамор обязательно из Италии.

А вслед за архитектором из Италии по приглашению Рубенса приехало ещё пять художников и две из них – женщины. Пришлось срочно ещё терема строить. А иноземцы всё приезжали и приезжали. Последним вчера заявился французский доктор Жан Рэ и с порога потребовал лабораторию для опытов по химии. Зотов отвёл его к другому химику, брату доктора ван дер Бодля. Тот уже начал обживать, и всё время проводил в стекольной и фарфоровой мастерских, изобретая краски, выдерживающие такие температуры. Как уж голландец с французом общий язык нашли непонятно, но доктор Рэ даже про обустройство семьи забыл, так увлёкся красками. Пришлось брать под руку и вести сначала в баню, потом к травницам, потом в новый терем и через Рубенса, больше французский никто не знал, объяснять доктору правила проживания в нормальном селе, а не в их зага-

женных городках. Когда Рубенс рассказывал доктору правила гигиены и необходимость утренней пробежки и последующей зарядки у француза глаза стали по куриному яйцу. Да, что с них взять, темнота и отсталость.

Пастера ван Бизе поселили в старой церкви. Пришлось её почти полностью перестроить и крест православный снять, а лютеранский простой водрузить. А что, вполне на первое время нормально получилось. Куполов на клётской церкви не было, покрыли крышу черепицей, обложили стены кирпичом и, вырубив окна, вставили туда витражные стёкла, цветные. Рубенс пообещал набросать эскиз нового протестантского собора, а Модерна, как всегда скривившись, сказал, что после синагоги займётся протестантами. Если доживёт. Наивный. Это у них там всё столетиями строят. Здесь вам не там.

Пришлось немного повозиться и с корабелом. Голландец попросил его устроить на верфь в Нижнем Новгороде. Ему, видишь ли, нужно работать, чтобы семью кормить. Зотов обошёл в Нижнем все артели, что лодьи строят и выбрал лучшую. Мастер Иван Крайнов, получив двадцать рублей (огромные деньги), согласился научить «немца» делать лодьи. А через неделю пришёл и сказал, что немец просто молодец, не хухры мухры, а о-го-го. Сам кого хочешь, научит. Спасибо, мол, Онисим Петрович, теперь наши-то лодьи самыми лучшими в губернии будут. Двадцать рублей, правда, не отдал.

Глава 6

Событие шестьдесят второе

Василий Петрович Полуяров подводил итоги года. Если с озимыми было всё понятно, это только первый урожай и сейчас второй посев скоро уйдёт под снег, то с яровыми рожью и пшеницей нужно всё продумать. Крестьяне получили уже второй урожай его «полуяровки», причём весь первый урожай был у них выкуплен и за прошлую зиму перебран опять два раза. Княжич, когда рассказывал Василию про селекцию, обязал его оставлять для сравнения каждый год немного зерна обеих культур и ржи и пшеницы. Вот сейчас перед Василием лежало шесть кучек зерна. Разницу можно было заметить и, не прибегая к пересчёту семян и взвешиванию. Тем не менее, агроном отсчитал по тысяче зёрен от каждой кучки и взвесил их на рычажных весах, что сделали немцы по совету Пожарского. Как удобно, получается, ставь на вторую чашечку гирьки и уравновешивай весы. Кросота.

После первого года семена стали весить в два раза больше, после второго потяжелели только на 30 процентов. Проценты тоже Пётр Дмитриевич ввёл, но все давно оценили, очень удобно пользоваться. Пересчитал Полуяров и урожайность, как его научил княжич, перевёл чети в новомодные гектары и кади в центнеры. Получалось, что лучшие крестья-

не собрали тридцать центнеров с гектара. Пожарский сказал, что нужно стремиться к пятидесяти. Что же это получится? Уже сейчас, чтобы убрать урожай яровых, отменили школьные занятия, загнали на поля всех стрельцов и даже поговорили с рейтарами, кликнули желающих. Самое интересное, что немцы захотели все до единого поучаствовать в сборе урожая. Да, и понятно, не родились же они рейтарами, родились они в основном как раз крестьянами. Одним словом, всем миром урожай убирали. Немцы ходили с выпученными глазами, у них урожай сам пятнадцать это достижение, а тут и сам тридцать на многих участках получили. Не все, конечно. В основном, как раз сам пятнадцать и получили.

Василий переговорил с теми, кто добился наилучших результатов. Крестьяне не жалели навозу и золы и самое главное в прошлом году на эти поля сеяли лён или пашня была брошена. Всё как княжич и говорил. Кроме того на нескольких полях у самых зажиточных крестьян, а значит и самых работающих, Полуяров провёл по приказу Пожарского известкование почвы, обожжённую известь весной рассыпали прямо на тающий снег. И ведь сработало, урожай процентов на двадцать увеличился. Нужно будет к весне известки приготовить на все вершиловские поля.

Крестьяне соседних волостей тоже пришли посмотреть на невиданные урожаи, слава о полуяровке уже и за границы нижегородской губернии шагнула. Теперь его просто одолевали просители продать пшенички или ржи на семена.

Продадим, ближе к весне, обещал всем Василий Петрович. Но сначала переберём два раза для себя и три раза для выведения нового сорта. Тоже Пожарского задумка. Создать у хорошего хозяина, поля которого находятся чуть в стороне от остальных крестьян, опытное поле и зерно у него с другим не смешивать, а каждый раз выбирать самые крупные зёрна, а отдельно надо, чтобы ветер не принёс пыльцу с соседнего участка.

Второе опытное поле нужно сделать с привезённой, наконец, купцами яровой пшеницей с Курляндии и ещё одно для яровой ржи из Речи Посполитой. Купцы привезли ещё и ячмень с Курляндии, но до этой культуры у Василия всё никак руки не доходили, что ж, с этого года придётся ещё и овсом с ячменём заняться.

Василий Петрович был доволен, год выдался неплохим, дождей и Солнца было в меру, урожай получился на загладе-нье. И на продажу хватит, и на семена лучшее отберём. Крестьяне не только сами голодать не будут, дак ещё и прикупить себе чего смогут после продажи зерна. Вот век живи – век учись. Это не его жалкие потуги с покупкой семенного зерна в Астрахани. Интересно, что с просьбой продать зерно на семена подходили даже рейтары, хотят своим в ляшские да немецкие земли отправить с купцами, что вьются вокруг Вершилова. Вот ведь, дожили, не мы к ним, а они к нам.

Событие шестьдесят третье

Михаил Фёдорович Романов прибыл в Москву вечером девятнадцатого сентября 1620 года. Москва встречала моросным дождём и жёлтыми листьями берёз. Государя довели до Кремля и за эти несколько минут, от берега Неглинки до Спасских ворот успели несколько раз завязнуть в глубокой колее.

Первым делом Михаил приказал готовить баню. Только напарившись и усевшись в принесённое с корабля ставшее незаменимым кресло, потягивая сбитень из стеклянной чаши царь, наконец, успокоился. Он очень устал за эту поездку. Михаил Фёдорович любил тишину и покой, а тут вокруг всё время были люди и всё время чего-то от него хотели. Нужно отдохнуть несколько дней.

Царь улыбнулся и сделал очередной глоток из чаши. Не получится. Теперь уже никогда не получится. Сейчас в его голове роились десятки мыслей и одна главная, нужно менять порядки в государстве на те, что заведены в Вершилово. Вот ведь, всего два с небольшим года назад он отправил дерзкого, храброго не по годам, умного мальчишку в глушь, чтобы уберечь от мести боярина Колтовского. А что получилось? Вместо того чтобы тихо лежать на печи и кататься зимой с горки на санках этот отрок нагородил такого, что Михаил теперь не знал за что и хвататься. Пётр каким-то образом собрал вокруг себя людей, которые умеют работать, не тупо «катать квадратное и таскать круглое», а придумывать новое. Про «катание» он услышал от управ-

ляющего из Вершилова Онисима Петровича Зотова, поговорка царю понравилась. Ведь именно так на Руси всё и делают.

Самое интересное, что эти собравшиеся вместе мастера не полаялись, кто из них важней, что непременно произошло бы в Москве, а стали помогать друг другу. Ведь всё за что не возьмись в Вершилово, не сможет сделать один мастер, обязательно учувствовали двое, а то и пятеро, как с фарфором или колоколами. И эта «болезнь» – делать хорошие красивые вещи оказалась заразной. Первым заразившимся стал Нижний Новгород. Там уже и в футбол играют, и дома черепицей покрывают, и дороги строят, и улицы в городе привели в порядок. Стрельцы в Нижнем не на рынке торгуют, а тренируются, чтобы воинское умение улучшить.

Когда Пётр вызвал первых «немцев» Михаил подивился, зачем они. Теперь иноземцы слетаются в Вершилово целыми стаями. И не шушера всякая, как в Москву, а настоящие учёные и мастера. И сразу заражаются болезнью Вершилова. Начинают много и хорошо работать и любить то место, где живут. Ведь всего два года назад в Вершилово было двадцать землянок и клётская разваливающая церквушка, а сейчас это поселение в семьсот домов уже почитай побольше Казани будет. Городом его назвать нельзя только потому, что нет Кремля или городской стены. Так и зачем она так далеко от любой границы. Нужно с боярами посоветоваться, нужно ли выделять деньги на ремонт и строительство

городских укреплений внутренних городов, тех, что дальше Москвы на восход. С севера шведы, там всё ясно. С запада ляхи и здесь крепости нужны. С юга крымчаки, вот туда освободившиеся деньги направить, засеки и городки строить для охраны русских земель от набегов татар.

Завтра нужно будет подобрать несколько подьячих из Каменного приказа и отправить к Зотову, чтобы он им показал и объяснил весь процесс производства черепицы и кирпича. Михаил отпил ещё глоток сбитня и засмеялся. Месяц назад он бы просто приказал богатым москвичам покрыть дома черепицей, а сейчас отправляет людей сначала научиться делать хорошую черепицу. Черепицу бы сделали кривую и хрупкую, она бы сползала и ломалась, и получилось бы вместо благолепия расходы и ругань. Нет, теперь он понимал, чтобы сделать хорошо, нужно сначала научиться этому.

Ещё нужно будет создать Дорожный приказ. Дьяком поставить Акинфиева, он знает, как и что делать. Сейчас уже зима на носу, а вот после Рождества нужно будет отозвать Акинфиева из Нижнего и поставить его на Дорожный приказ, пусть до весны рабочих набирает, и камень с инструментом готовит. Первую дорогу начнём строить до Владимира. Заодно надо и мосты через речушки обновить и новые вместо бродов построить. Блин, сколько денег-то уйдёт, вот бояре кричать станут.

Михаил допил сбитень и закрыл глаза, припоминая, что ещё можно из Вершилова почерпнуть для Москвы. Нужно

переговорить с батюшкой о калеках и юродивых. Построить для них несколько бараков за пределами Москвы и монашек к ним приставить, пусть обихаживают, делают богоугодное дело. Нужно также повыловить всех беспризорников и определить их в школы по образу уже открытых. Ещё нужно создать приказ в дополнении к Разбойному. Нужно построить закрытые крепости и выловить всех татей в Москве и, заперев там, заставить камень дробить для дорог. Вон в Нижнем сумели же. И порядок в городе и дороги строятся.

Михаил и не почувствовал, как уснул, слуги подняли его с кресла и отнесли почивать на кровать. Устал царь батюшка.

Событие шестьдесят четвёртое

Ехали мы, ехали, и наконец, приехали. Вернее доплыли. Вершилово встречало стеной чёрного дыма. Да, теперь уже не напишешь иностранцам, что здесь чистый воздух и после дождя видно врата рая, дым всё застит. И самое главное, что с этим ничего не поделаешь, если выносить производства подальше от жилья, то как люди будут на работу добираться. Придётся трамвай изобретать. А что, мысль интересная, трамвай, конечно, не получится, а вот конка, то есть трамвай на конской тяге, можно над этим и подумать. Один маршрут пустить до Нижнего, а второй до промзоны. Чугун в Миассе скоро будут делать большими партиями, вот рельсы из чугуна и делать. Нужно записать в блокнотик. Пётр достал сделанный специально для идей блокнот и записал туда

конку. Заодно и перелистав его. Самогонный аппарат. Нужно срочно заняться. Перегонка нефти. Ещё срочнее. Керосиновая лампа. Зачем керосин без лампы. Что ещё? Карандаши. Как делают карандаши понятно, склеивают две половинки и под пресс. Грифель делают из белой глины и графита, вроде ещё воска добавляют, а для цветных карандашей нужны цветные краски. Графит измельчают, смешивают с белой глиной и небольшим количеством воды и выдавливают через пресс, чтобы получить стержни, потом эти стержни прокаливают и вставляют в деревянную заготовку из липы, потому что липа мягкое дерево. Сверху надевают вторую половинку и склеивают, ну и под пресс. Всё. Легко и просто, а покупать будут все, а повторить вряд ли кто сможет. С них и начнём.

Флот из двух десятков корабликов заметили. Народ уже толпился на пристани. Пристань за лето из деревянной стала кирпичной. Красота. А ещё красивой вздымаются над Волгой пять куполов нового собора. Разноцветные луковки куполов прямо горят в лучах полуденного солнца. Сентябрь решил побаловать путешественников и выдал замечательный ясный день. Сегодня уже двадцать второе сентября. Скоро и белые мухи полетят. Пётр заметил на пирсе своих турчанок. Марфушка была с ребёночком. Нужно коляску срочно изобрести. А Анька с Веркой были беременны. Они вырвели себе ещё в марте эту «обузу». Как это у Марты будет ребёночек, а у них нет. Куда денешься. Встречали все управляющие. Был и Зотов и Крчмар и Полуяров и Заброжский.

Были незнакомые лица. Видно письма сработали и приехали учёные с художниками. Более того, людей в иностранных платьях было на пристани гораздо больше, чем в русском. Понятно. Наши работают, а «немцы» нашли повод с работы слинять.

Обнимались долго, девки его ревели. Княжич устал отвечать на один и тот же вопрос, «Ну, что там, всё нормально?». Там порядок. А у вас? А у нас две недели назад был царь батюшка с боярами да дьяками. Понравилось? Понравилось. Велел кресла себе послать с диванами, колокола для Владимирского собора и ещё кучу всего с собой забрал, даже мишек новых. Фома Андронов уже новых мишек делает ещё больше прежних. Приехали учёные и художники.

Еле до дома добрался Пётр. Баню истопили, попарились с Марфушкой. Остальные уже на седьмом месяце, беречься надо. Как хорошо быть дома. Ещё бы маленький Дмитрий Петрович не плакал и вообще замечательно. Что же будет когда тут втроём кричать начнут. Нет. Надо быстрее дворец строить. Но это завтра. Всё завтра. Сегодня пообниматься с Марфушей и спать. Устал.

Событие шестьдесят пятое

Жан Рэ целую неделю ходил с открытым ртом и выпученными глазами. Место, в которое он попал, не существовало на карте и не могло существовать в действительности. Хотя бы эти идеальные дороги, ни соломы, ни навоза, ни дру-

ного мусора, даже плюнуть на них духу не хватало. Только дороги это ерунда. Их ортодоксальный собор превосходил всё, что видел доктор из захолустного французского городка до этого. А квартал Вершилова, куда их с женой, двумя дочерями и служанкой Кити поселили на следующий день после приезда. Сначала все их вещи прожарили в «бане», а потом запихнули туда и визжащих женщин. Несколько крепких крестьянок избивали их там прутьями и долго издевались, намазывая жидким мылом. А потом ту же процедуру проделали и с ним. Понятно, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, но все же, должно быть уважение к просвещённому доктору. Только на следующий день Жан осознал, что же с ними сделали. Их избавили от клопов, вшей, блох и тараканов.

Неужели это возможно. И неужели это так просто. Они поселились в огромном двухэтажном доме со стеклянными окнами и двумя печами. Их не кусали клопы по ночам, их не грызли вши. В доме не бегали, мыши и крысы. Такого места не может быть. А проклятые францисканцы, на проповедях уверили, что когда моешься, то смываешь божью благодать, что снисходит на тебя при крещении. Вонючие козлы, благодать снисходит при мытье в бане. На третий день его взял под руку солдат, заставил одеться всё семейство и отвёл к ведьмам. Их было три. Причём одна из ведьм была матерью Кеплера. Знахарки осмотрели его, а затем и жену с дочерями, и приказали всем вместе приходить три раза в день

за зельем. Доктор возмутился. Тогда домочадцев отправили домой, а его отвели к доктору ван дер Бодлю. Латынью оба владели отлично и через пару часов, когда за Жаном пришёл тот же стрелец, чтобы отвести к колдуньям за первой партией питья, французский доктор твёрдо понял, он попал в другой мир. Под мышкой он нёс учебник по лекарственным травам на латыни. И русскую азбуку. Такой бумаги и такого качества книг он ещё не видел.

На четвёртый день его снова отвели в мастерскую по производству фарфора, и экскурсию ему проводил сам Рубенс. Оказалось, что при таких высоких температурах многие краски становятся просто черными, а другие меняют цвет. Хорошо бы, чтобы доктор занялся этим вопросом. Им сейчас занимается один алхимик – брат известного доктора ван дер Бодля – Йозеф Марк. Парень был себе на уме. Свято верил, что маркиз научит его делать золото из свинца. Спрашивается, зачем делать золото, если можешь делать фарфор. Он ведь дороже. Остаться и поработать Жану не дали. Повели на стекольную фабрику и тоже показали чудеса с красками.

Как всё это возможно? Здесь в варварской Тартарии делают стекло и фарфор, причём стекло лучше итальянского, а фарфор лучше китайского и этим не гордятся, а переживают из-за непонятного поведения красок. Конечно же, он займётся этими красками. Просто работать рядом с печами, рядом со стеклодувами, которые превзошли в мастерстве

муранских, за это не грех и самому приплатить, а ему ещё и двадцать талеров в месяц положили, да плюс двадцать талеров «подъёмных», чтобы одежду новую купил, шапку вместо изъятого парика, да мебель в новый дом.

Дочь Жозефина – старшая, утром пошла в школу. Доктор сам проводил её и был потрясён. Математику детям преподавал Симон Стивен, Жан посмотрел на выданный девочке учебник и слёзы потекли по его щёкам. Такую великолепную книгу детям, а если они её порвут или испачкают. Ничего, объяснили французу, на следующий год новые малыши получат новый учебник.

На пятый день после питья отвара и пробежки с гимнастикой, Рэ повели на бумажную фабрики и все, не скрывая, показали, кроме секрета, как делать «водяные знаки», которые становились прозрачные на просвет. Сколько же в этом городке собрано чудес.

На шестой день вернулся маркиз Пожарский. А на девятый день Жан начал делать опыты по приготовлению стержней для чёрных и цветных карандашей. Одно из чудес в мире будет носить его имя.

Зря он приехал в Вершилово. Зря приехал на месяц позже, чем мог. Столько времени потеряно зря. Он думал, что он доктор, но прочитав книгу ван Бодля, Жан понял, что он не лечил, а калечил людей, а выздоравливали они сами, если он им не слишком мешал. Он думал, что он учёный. То, что он исследовал, в Вершилово преподавали девятилетним де-

тям. Этим же детям преподавали многое из того, о чём в Европе просто не знали, там даже не было таких понятий, их нельзя было перевести с русского. Нужно срочно писать Марену Мерсенну, пусть бросает всё и мчится сюда.

Событие шестьдесят шестое

Аптекарь из Антверпена Патрик Янсен уже больше месяца жил в новом двухэтажном тереме в Вершилово. Его с женой, двумя сыновьями и тремя дочерями, как и всех вновь прибывших вымыли в бане, прожарили их вещи и дали русскую служанку, чтобы топила печи и готовила еду. А ещё к Янсену приставили стрельца, который заставлял аптекаря пить чужие отвары и бегать по утрам. Русские травницы вместе с матерью знаменитого астронома Кеплера осмотрели и его детей и жену. И всех заставили по три раза в день ходить пить отвары. Патрик попытался поговорить с травницами и узнать чем его поят, но названия растений ему ничего не сказали. Потом ему выдали книгу, написанную ван Бодлем, и аптекарь впервые осознал, что уровень лекарского искусства, в Антверпене и Вершилово существенно отличается и далеко не в пользу Антверпена. Тогда зачем его пригласили, если как специалист он полный ноль.

Ван дер Бодль дал ему время на изучение книги, а потом приставил к травницам помогать составлять смеси для приготовления лекарств. Хоть что-то. Патрик получил двадцать талеров подъёмных и купил детям новую одежду, да и жене

напокупал в Нижнем Новгороде ткани, пусть занимается рукоделием, Анна любила и умела шить одежду. Трех детей первого сентября отвели в школу. Хотя дети и были разного возраста, всех записали в первый класс. Понятно, языка не знают, писать по местному не умеют. А сам аптекарь выкроил несколько часов и посидел на уроках Симона Стивена, Симона Майра, Иоганна Кеплера, доктора ван дер Бодля и Рубенса в третьем и во втором классах и понял, что его дети в отличие от отца станут очень грамотными людьми. Если они в третьем классе изучают такие науки, которые и в университетах-то в Европе не преподают, то, что же они будут изучать в седьмом классе, а потом в университете.

Маркиз Пожарский появился только в конце сентября. Патрик уже освоился в Вершилово и с упорством изучал русский язык и все знания, что передавали травницы. Ему нравилось в этом городке. Чистота, нет калек и бездомных, вообще нет преступности. Один раз рейтар из Ансбаха напился и стал приставать к крестьянке, так его свои же остановили и отправили проспаться, а на следующий день собрали на площади народ и отрезали пьянчужке ухо, предупредив, что следующий раз проведут прилюдно кастрацию. Вот бы так в Антверпене. Хотя какое ему дело до Антверпена, туда он, пожив в Вершилово, точно не вернётся.

Маркиз на плохом немецком переговорил с Янсенем и предложил ему начать производство спирта. С помощью кузнецов и Симона Стивена был изготовлен замечательный

перегонный куб. Эх, ему бы такой в Антверпене. Тьфу, ты. Привязался этот вонючий, грязный город на болоте. Двойная перегонка дала спирт невиданной раньше Патриком чистоты, а оказалось, что ещё нужно очистить углём и яичным белком, а потом ещё и льняным маслом. Да, это не тот продукт, что делают в тавернах для спаивания посетителей. Княжич подробно описал Янсену про сивушные масла и как ими можно отравиться.

Когда спирта было нагнано прилично, княжич предложил аптекарю сделать настои на разных травах и поместить эти настои в небольшие дубовые бочонки. Ещё Пётр Дмитриевич научил аптекаря делать хороший солод и сбраживать разные овощи и фрукты, в том числе и свёклу.

Зачем всё это, недоумевал Патрик.

– Будем делать разные напитки, разливать их в стеклянные бутылки и продавать в Европе, – пояснил Пожарский.

В стеклянные бутылки, кто же это будет покупать?

Событие шестьдесят седьмое

Пора собирать урожай. На следующий день после приезда с Урала Пётр ходил на опытный участок с теплицей. В начале сентября ударил морозец и ботву на картошке угробил. Пётр приказал её срезать и обязательно сжечь, подальше от полей. Ещё фитофтору получить не хватало. Но вот бабье лето закончилось и нужно картошку выкапывать. Ещё уезжая, Пётр заказал кузнецам изготовить вилы для копки

из самого лучшего шведского железа. Сейчас он с удовольствием сам выкопал десять кустов картошки. Потом ещё перекопал весь участок, не пропустил ли случайно клубеньки. Набралось почти полторы сотни картофелин. Ну, по количеству вроде не плохо. Посадил десять, снял сто пятьдесят, урожайность неплохая. Теперь по размерам. Картошка была мелкая. Пётр на огромные, с два кулака, клубни и не рассчитывал, но эти были совсем мелкие. Княжич отобрал десять штук с куриное яйцо, причём шесть было с одного куста. Эти десять положим отдельно, и сажать на следующий год будем отдельно, очень далеко от другой картошки, попробуем получить семена. Остальные Пожарский разделил ещё на две части. Совсем маленькие клубеньки тоже отложил отдельно. Их, конечно, посадим, но только для того, чтобы убедиться в том, что генетика это наука, а не выдумка загнивающего капитализма. Осталось сто штук размером от куриного до голубинового яйца. Это будет основной посевной материал на следующий год.

С топинамбуром Пётр Дмитриевич поступил так же. Весь выкопал, разделил на три части по крупности и снова закопал, даже себе не оставил ни одного клубенька попробовать. На следующий год. Семена собрали и сразу посеяли, Пожарский про разведение топинамбура семенами ничего не слышал, но раз есть семена, то почему бы их не посадить.

Подсолнух не порадовал. Семечки были мелкие. Их было много, это да. Но вспоминая семечки далёкого будущего

го, Пётр только вздыхал. Здесь поступили следующим образом, отобрали сотню самых больших семян и сотню помельче, а остальные сразу посеяли, про стратификацию подсолнуха княжич не помнил, но на всякий случай подстраховался.

Настала пора кукурузы. Буксбаум привёз три початка. Получилось больше полутора тысяч семян. Взошли не все, и часть погибла при пересадке, но всё равно было около тысячи растений, почти две сотки засадили. Кукуруза порадовала. На каждой было по два початка, только на нескольких три. Эти отложили отдельно, их и будем сажать. Сколько можно посадить на следующий год? Рассаду выращивали в теплице, вся теплица на эти тысячу растений и ушла. Ладно, построим пять теплиц, и сделаем их двухъярусными, получится десять тысяч кустов. Вот столько семян и нужно собрать. Стоп. Ещё нужно столько же на запас и столько же на случай если урожай погибнет. Получается тридцать тысяч семян. А у него сейчас две тысячи двести початков – это больше миллиона семян. Замечательный знак эта кукуруза, спасибо инопланетянам. Если пересчитать на гектар, то урожайность составила почти пятьдесят центнеров с га.

Следующей по очереди снова была картошка, но выращенная из семян. Взошло около сотни растений и получилось больше пятисот маленьких клубеньков, надо их на всякий случай в ящики с песком поместить и в подвал убрать. Посадим на следующий год и займёмся селекцией.

Так, теперь горький перец. Жаль, нет сладкого. Интересно, его после вывели из горького, или Буксбаум просто семян не нашёл. Ладно, будем пока выращивать, то, что есть. Пётр выбрал самые крупные стручки и отложил отдельно, это будут семена. Много его не посадишь, нужна теплица, но ведь он хотел построить пять теплиц, да по сто кустов, получается пятьсот, вот столько на следующий год и посадим.

Помидорки были небольшие, выросло тридцать кустов. Большая часть урожая уже была превращена Полуяровым в томатный сок и убрана в погреб, а последние ещё висели на кустах. Василий Петрович самые крупные ягоды отобрал отдельно и семена с них получил. Пожарский съел несколько штук, вкусно. Нужно гарем порадовать. Хотя от помидор бывают аллергии, а его девчонки беременны или грудью кормят, нет, лучше не рисковать, попробуют на следующий год. А этими угостить учёных, тут по паре штук на человека хватит.

Кабачки Полуяров по наказу княжича собрал, как мороз первый вдарил, и сложил в погреб, сейчас там лежало больше двух десятков зелёных крепышей. Вот их надо будет завтра потушить с мяском и угостить девчонок. Тыкв было тоже больше десятка, но они были не очень крупные. Ничего будем и с тыквами и с кабачками тоже заниматься селекцией. Жизнь длинная, смотришь к концу её, и выведем огромные тыквы, как по телевизору показывали, там, вроде до тонны вес доходил.

Ещё в этот день Пётр раздал лесникам кедровые орешки и наказал посадить везде в лесу, а на следующий год, если взойдут, обязательно его позвать и показать. Плохо, что летом он всегда на Урале, надо быстрее уж отпускать Миасс в самостоятельное плавание.

Событие шестьдесят восьмое

Захариас Янсен по приезде в Вершилово получил огромный двухэтажный терем, рубленный из толстенных сосен с тремя печами и удивительно тёплый. Дом был совсем новый и замечательно пах лесом. Его жена Катарина немного прихворнула по дороге из Москвы и травницы просто набросились на неё, заставляя пить отвары по шесть раз в день. Сам очковый мастер ходил к травницам три раза, а сын Яков походил с матерью одну неделю, а потом пошёл в первый класс местной школы. Фамилии преподавателей школы знал любой образованный человек в Европе. Что уж говорить, даже сам Рубенс учил детей рисовать, это было непонятно. У Рубенса десятки учеников и любой из них мог бы учить детей, но вёл урок рисования именно Рубенс. А ещё все ждали, когда приедет маркиз Пожарский и начнёт учить детей географии. Про эти уроки ходили легенды, причём не среди местных крестьян и уж не среди детей. Легенды ходили среди учёных, что просто кишели в Вершилово. Столько нет и в университетских городах.

Захариас разобрал привезённый багаж и сходил, посмот-

рел, какое стекло варят в Вершилово. Качество его не устроило, и мастер заявил об этом управляющему Онисиму Петровичу Зотову. Тот поскрёб затылок и переговорил с мастерами. Сварили другое стекло. Захариас опешил, ничего подобного он не видел. Зотов назвал это стекло хрусталём.

– Много мы сделать не можем, есть проблема с одним из компонентов, но когда надо подходите.

Захариас отшлифовал две линзы и собрал первый на Руси телескоп. Оценить его работу пришли все астрономы Вершилова. Да, если этот маркиз решил собрать всех астрономов Европы, то не хватает только Галилея. Телескоп оценили, лучше ещё никто в мире не делал.

А на следующий день приплыло десятка два людей с Урала и с ними маркиз Пожарский. Маркиз появился у Янсена через неделю, видно занят был. И с порога огорошил. Нужно бросать делать телескопы и начинать чеканить монету. Захариас показал Петру оборудование, на котором он подделывал талеры.

– Не пойдёт, – маркиз покачал головой, – делай пока подзорные трубы.

Второй раз Пожарский пришёл через два дня и привёл с собой двух математиков Симона Стивена и Михаэля Мёстлина и здорового мужика с огромной рыжей бородой. Сам маркиз хоть и был молод, но вырос уже почти на голову выше Захариаса, да и в плечах был ого-го, но кузнец рыжий был как бы, ни в два раза шире его. Они долго осматрива-

ли станки Янсена и заглядывали в рисунки, что принёс Пётр Дмитриевич. Симон уже прилично говорил на русском, а сам Пётр неплохо владел одним из диалектов немецкого. Эскизы показали и Захариасу. Там был станочек для изготовления бурта на монете. Монету просто проворачивали вдоль ребристой полоски. Хитро придумано. Были формы для отливки листа, были вальцы для прокатки листа и придания ему нужной толщины. Ещё был станок, где по заготовке монеты не стучали, а выдавливали изображение прессом. Был ещё один пресс для вырубания самих заготовок. Да это был не его жалкий станочек.

Захариас посмотрел на всю эту красоту и решил, что раньше января следующего года ему эти станки не сделают. Какое же было его удивление, когда через десять дней прибежал мальчишка и позвал Захариаса в кузницу. Станки были готовы, были готовы и две матрицы для выдавливания аверса и реверса. Да даже листы серебра уже отлиты и отождены.

Вместе с кузнецом Янсен прокатал листы до нужной ширины и отправил их на повторный отжиг и мойку в винном уксусе. Монеты вырубили, нанесли гурт и выдавили изображение.

Посмотреть на новые блестящие монетки собрались те же. Что тут можно сказать. Таких качественных монет не делали нигде в Европе. Их практически невозможно было подделать. Нет, возможно, всё, но для этого нужно иметь такое, же оборудование, а где его взять. Одни зеркальной чистоты

вальцы, обработанные на токарном станке невиданной конструкции, чего стоили.

На монете, на аверсе была цифра «1» и под ним надпись «рубль», ниже по кругу шёл веночек из дубовых листьев. На реверсе был двуглавый орёл и надпись по кругу «российская империя». Монета специально была чуть тяжелее талера.

– Зачем, ведь можно сэкономить немного серебра, – спросил Захариас у маркиза.

– Во всём мире должны знать, что русские деньги самые полновесные и в них самое чистое серебро, это должен быть эталон, на который все будут равняться. Вот представь, придет купец в Испанию, скажем, и начнёт расплачиваться нашими рублями, их понятно, сразу начнут сравнивать с другими серебряными монетами, а они и чище и красивее и тяжелее. Ведь это поднимет престиж Руси. Запомни Захариас одну вещь. Сначала ты работаешь на престиж, а потом престиж работает на тебя и за тебя.

Событие шестьдесят девятое

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский воевода Новгорода Великого получил письмо от сына. От старшего сына Петруши.

Князь, даже не раскрывая письма, знал, что оно ему не понравится. Вот уже три года он не видел старшего сына. Всё

из-за проклятого Колтовского. Местничать он вздумал. Правильно боярская дума тогда порешила, бить батогами и отправить в войско. Тут ляхи в нескольких верстах от Москвы, а он вздумал вспоминать про тётку свою, что была женой царя Ивана. Где сейчас тот царь? Не из-за его ли дел Русь вверглась в десятилетия смуты и разора. Петруша тогда вступился за честь отцову. Понятно всё, он старший в доме остался. Наверное, Государь правильно поступил, что отправил его, подальше, от беды, наводить порядок в отцовской вотчине в Пурецкой волости. А вот дальше Петрушу словно подменили, окружил себя сплошными немцами и начал торговлишкой всякой заниматься. Нет, получая из Вершилова разные диковины, князь был доволен. И деньги огромные сын присылал с гонцами регулярно. Почитай сейчас самый богатый на Руси человек он – князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Или нет? Один-то человек точно в разы богаче и зовут того человека маркиз Пётр Дмитриевич Пожарский. Надо же – маркиз. Выдумают же. Дмитрию Михайловичу объяснили, что в Европе маркиз, это сын князя у которого отец жив и потому сам князем он ещё стать не может, то есть – княжич. Ну, он и есть княжич, зачем «маркиза» выдумали. Жена Прасковья Варфоломеевна и сыновья, младшие Фёдор и Иван всё попрекают князю, что не потребует он назад у царя Петрушу. А как потребуешь, один раз Пожарский завёл разговор, что пора бы сыночка вернуть домой, но Государь и стоящий около него патриарх Филарет

только засмеялись. Как можно вернуть домой того, кто казне как бы ни половину денег приносит, Русь в руинах лежит её поднимать надо. Пусть маркиз работает в своём Вершилово, то есть извини князь Дмитрий Михайлович в твоём Вершилово. Вот и весь разговор. По письму боярина Гагарина, что ездил летом в Вершилово с царём, сельцо это уже больше Казани. А хоромы и соборы возведены такие, что и в Европах такого нет, где уж Москве с Вершилово тягаться.

Пётр не так давно прислал очередные диковины, вазы и блюда из фарфора необычайной красоты и стеклянные вазы и книжки для младших детей, десятков сундуков подарков. Когда всё расставили в горнице в княжьих хоромах в Детинце, у всех домочадцев дух вышел вон. Не слово сказать, ни пошевелиться нельзя. Ладно, красота, пусть бабы охают, но, сколько это стоит? Поди, весь Новый Город купить можно. Или Смоленск у ляхов выкупить.

И вот теперь пришло письмо. За окном пролетали белые мухи. Окна были застеклены стеклом, что прислал Петруша. Как его сын всё это организовал, мастеров нашёл? Волхов уже начинало сковывать льдом, да и пора бы, на дворе середина октября. Вздохнув, князь позвал жену и распечатал конверт, тоже сына придумка, на Руси-то письма свёртывали в трубку, а тут нате вам. Конверт. Прасковья тихо вошла, перекрестилась на образ Христа, что тоже Петрушины умельцы создали. Икона была красоты неопишуемой. Иисус словно парил в небе и осенял тебе крестом. Какие всё же великие

мастера сына окружают.

Пётр писал, что благополучно вернулся с Урала, основал там городок Миасс, получивший своё названия от реки, на которой стоит. По дороге побил напавших на него ногаев и даже у хана ихнего жену с матерью захватил, мать отправил к хану, чтобы передала, что на Русь ходу нет, а жену своему воину подарил. Что ж, молодец. Дальше Пётр писал, что в Миассе напали на него вогульские князьки, но он всех мужчин у них побил, а женщин и детей взял на довольствие, чтобы зимой не вымерли, а весной привезёт священника, чтобы крестить их. Опять молодец. Можно гордиться сыном.

А вот дальше. Чувствовал князь, что письмо не простое. Дальше Пётр писал, что исполнилось ему пятнадцать лет, а потому пора ему жениться. И приглядел он уже себе невесту – это старшая дочь князя Долгорукова Мария. Вот так-то. Уже не родители решают, кого за кого замуж выдавать, а дети сразу благословения просят. А просватать девицу он попросил царя батюшку. Ну, вот! Спрашивается, почему сразу не Патриарха. Хотя, без Патриарха явно не обойдётся. Получается, что сын, вроде бы и благословения просит, а вроде ставит в известность, что он уже всё решил, а вы батюшка только перекрестите.

Дмитрий Михайлович дочитал письмо и посмотрел на жену. Прасковья плакала. Они только выдали замуж за князя Василия Семёновича Куракина старшую дочь Ксению.

Князь был на пятнадцать годков старше Ксенюшки и оставался единственным наследником некогда многочисленного рода. Богатого рода. Лишь бы деток им бог быстрее послал. А вот теперь и Петруша. Растут детки, так скоро и вовсе одни останемся.

– Что скажешь, Прасковья Варфоломеевна? – усмехнулся в бороду Пожарский.

– Долгоруковы род хороший, но не старовата ли Мария Владимировна у них для Петеньки? – промокнула слёзы платочком княгиня и перекрестилась на вторую икону, выполненную в той, же манере, только там была Богородица с двумя ангелами над ней.

– Да, я не про то. Как же это так, не мы ему невесту подбираем, а он сам нашёл, и думаю, что князь Владимир Тимофеевич уже обо всём знает и даже согласие дал, не зря он в Вершило по дороге из Казани заезжал, – Пожарский открыл бутылку с хлебным вином, присланную сыном, и налил в стеклянный стакан гранёный до половины. Выдохнул и крикнул, поставив уже пустой стакан на стол, – А и хорошее вино делают мастера в Вершилово. Опять Петруша денег огребёт.

– Дмитрий Михайлович, да ты чай не рад, что Петенька таких мастеров вокруг себя собрал, и диковины эти делает. Дал бог сына разумника, а ты хмуришься. Не гневи господа, – княгиня троекратно перекрестилась.

– Права ты, Прасковья, только тяжело когда детки из гнезда вылетают, – князь налил себе ещё полстакана. Ох, и хоро-

шее вино делают у него в сельце.

Событие семидесятое

Михаил Фёдорович Романов получил письмо и подарки из Вершилова. По заведённой уже традиции царь послал за батюшкой и матушкой. Благо оба находились сейчас в Москве, и уже через пару часов собрались вместе. Понятно, подарки от Петруши – это всегда интересно, как тут не поспешишь.

Первым делом открыли самый большой сундук. Там были блюда из фарфора в виде осётров. Одно было большое, больше чем в полсажени. Осётр открывался, верхняя часть была крышкой. Он весь переливался зелёно-коричневой чешуёй, а внутренность просто сверкала белизной. Вторая рыбка была поменьше, её как бы выгнуло дугой, и вот в этом горбу была ниша для икры, наверное, и даже в цвет рыбы ложечка была фарфоровая, понятно, чтобы икру на тарелку себе переложить. Вот уж диковина, так диковина. Такую красоту ставить на стол было нельзя, не дай бог, кто уронит и разобьёт, тогда ведь голову придётся неловкому рубить, заслужил.

Потом на свет из сундука стали появляться большие круглые блюда, на которых нарисованы были фрукты разные и яблоки и груши и вишни и сливы, да всё так искусно, что казалось, что фрукты не нарисованы, а лежат на блюдах. Ми-

хаил перевернул сначала рыб, а потом и блюда и прочитал: «Пурецкая волость. Мастер А. Лукин».

– Молодец Андрейка, – Михаил рассказал родителям про юношу шестнадцати лет, который и есть «мастер А. Лукин».

– Неужто мальчик мог такую красоту сделать, – не поверила старица Марфа.

– У Петруши всё так устроено хитро, что никто в одиночку ничего не делает, множество мастеров всегда вместе трудятся, а есть люди, которые их вместе объединяют. Вот Андрейка и есть такой мастер, – пояснил Михаил матери.

– Хитро. Правильно ведь, не может один человек всё уметь делать хорошо. Потому и получают у Соломона нашего такие диковины, что каждый мастер своим делом занят, – подытожил патриарх.

Открыли второй сундук, что поменьше. По очереди Михаил Фёдорович достал три фарфоровые шкатулки невероятной лёгкости. Они были почти прозрачны и настолько тонки, что даже в руки брать их было страшно, а ну раздавят пальцы. Шкатулки были белыми и на них были нарисованы черным цветом разные буквицы. Буквы не складывались в слова, а были написаны и вкривь и вкось и даже кверху ногами.

Царь открыл одну из шкатулок. Там было два отделения. В одном лежали деревянные шестигранные палочки, выкра-

шенные жёлтым цветом, палочки были заострены и внутри виднелся чёрный блестящий стержень. Михаил прочитал надпись малюсенькими буквами на одной из сторон палочки: «карандаш „Т“».

– Это, наверное, палочка для письма вместо обычной свинцовой, – угадал смотревший на это чудо патриарх.

Михаил взял лист бумаги и провёл полоску, полоска получилась тоненькая и ровная, палочка писала легко, не нужно было почти усилий прилагать. Государь достал следующую палочку, на этой была чуть другая надпись перед буквой «Т» стояла цифра 2. Михаил Фёдорович попробовал прочертить черту этим карандашом. Линия получилась тоньше, и карандаш чуть хуже скользил по бумаге. На третьем карандаше была буква «М», и он провёл гораздо более широкую черту и писал совсем легко. Четвёртый был с цифрой 2 перед буквой «М», и Михаил догадался, что черта выйдет ещё жирнее, так и произошло.

– Да, удивил, маркиз. Опять удивил, – усмехнулся патриарх, проделывая те же опыты за сыном, – «Т», надо понимать твёрдый, а «М» мягкий. А что за штуковина в другом отделении шкатулочки? – Серый прямоугольник легко гнулся и сразу принимал назад свою форму, но зачем он был сделан и положен в шкатулку с карандашами, было непонятно.

– Наверное, в письме есть пояснения, – предположила старица Марфа.

Михаил между тем достал из сундучка ещё три шкатулоч-

ки. Эти были раскрашены. Над рекой и лесом стояла радуга. Красиво. Царь открыл шкатулку. Там было семь таких же карандашей, но они были цветные, в цвет радуги, и внутри у каждого карандаша был стержень в цвет покраски. Надпись гласила «цветной карандаш 2 м». Михаил попробовал, карандаш, выбранный им, оставлял на бумаге красивую жирную зелёную полоску.

– Как же это сделано? – поражался Филарет, – Какие же искусники работают у Петруши. Как они эти цветные стерженьки в дерево запихнули? Да, опять купцы заморские толпами стоять будут за этими диковинами.

Михаил проверил все семь цветных карандаша. И даже сам нарисовал радугу. А ведь эту дорогушную и удивительную диковину Петруша детям в школу отдаст, подумал царь и усмехнулся, как бы и ему хотелось простым мальчиком ходить в ту волшебную школу.

Следом из сундучка вытащили две шкатулки из чёрного непрозрачного стекла, и только маленькая ручечка на крышке шкатулки была другого цвета ярко-красного. Шкатулки сами по себе были произведениями искусства, а ведь там внутри ещё и лежит что-то. Лежали деньги. Первой царь открыл шкатулку, в которой лежали старые потёртые монеты с вставленными в них драгоценными камнями. Кто и когда мог пользоваться такими монетами. Самое странное, что на монетах были надписи почти на русском. Буквы очень походили на те, что придумал маркиз Пожарский для своей но-

вой азбуки.

– Один атлант, – прочитал Михаил на золотой монете с бородатым дядькой на реверсе, вместо глаза у него переливался лазоревый яхонт, – Один пиксель, – это было написано на самой маленькой серебряной монете с ромашкой.

Монет было всего четыре разновидности и не очень много, по две – три каждого образца.

– Открывай, Мишенька, другую шкатулочку, да давай быстрее письмо прочитаем, узнаем, что это за монеты, – поторопил сына патриарх.

Во второй шкатулке тоже были деньги, новые блестящие монеты в один рубль. На одной на реверсе был двуглавый орёл и надпись «российская империя», а на второй профиль Михаила и надпись «Император российский Михаил Фёдорович». Царское семейство долго передавала рубли друг другу. Все были сделаны настолько качественно, что даже не верилось, что это не изделия ювелиров, а обычные штампованные деньги.

– Вот диковина, так диковина, – произнёс, наконец, патриарх Филарет, – Не знаю даже, что и сказать.

– Давайте, письмо от Петеньки почитаем, – предложила Государыня.

Михаил вскрыл конверт и передал письмо дьяку Фёдору Борису.

– Здравствуй, царь батюшка и ты, царица матушка, прошу благословить меня Ваше Святейшество.

В начале письма хочу сообщить, что вернулся я с Урал камня живым и здоровым и много полезного для отечества нашего дел переделал. Во-первых, по договорённости с воеводой Уфы Григорием Григорьевичем Пушкиным основали мы крепость на впадении реки Бальзы в Белую и тем самым закрыли неверным проход из степей на Русь с юга. И назвал я эту крепость в честь тебя, Государь, Михайловском. Князь Пушкин выделил три десятка стрельцов из гарнизона Уфы и ещё двадцать семей черносошных крестьян туда переселил, получился хороший острог и поселение, на другом берегу Белой. Не побрезгуй советом, Великий Государь, отправь туда весной ещё два-три десятка стрельцов с семьями и воеводой, а если получится, то и крестьян столько же.

Во-вторых, основал я ещё одну крепостцу в истоке реки Белая. Там товары, что с Урала поступать будут, перегружать будем на корабли, и зимой товары эти там накапливать. И туда хочу попросить тебя Михаил Фёдорович хоть с десятков стрельцов с семьями прислать. Казачков не надо. Они начнут местных вогулов задирать и грабить, а мне там мир нужен. Крепостцу эту назвал я Белорецком, так как стоит она на реке Белой.

В-третьих, основал я там, на Урале городок Миасс. Так он назван в честь реки, на которой стоит. Население его сейчас составляет больше трёхсот человек. Это два десятка стрельцов с семьями, да два десятка крестьян с семьями, да десятков мастеров, то же со всем семейством. Ещё есть шесть семей

ногайских татар. Этих я в плен взял, когда Михайловск закладывал. Напали на меня ногаи огромным числом, несколько тысяч. Но я их пушками и мушкетами отогнал и даже захватил в плен мать хана Каная именем Алсу и жену его Агзаму. Мать я посадил на лошадь у ногаев же отбитую и послал сыну сказать, что здесь им дороги Русь грабить, больше нет. Агзаму же отдал в жену одному из воев своих.

При строительстве Миасса напали на меня два князька вогульских, но я мужчин у них перебил, а женщин и детей себе в данники взял и рядом с городом поселил, а, то они ещё без мужчин вымрут зимой от голода.

В Миассе добываем камень секретный для производства фарфора, а также нашли залежи медной руды, которая «золото дураков» прозывается. Наказал я мастерам руду ту добывать и плавить медь. Весной заберу и привезу в Вершилово. Попробую колокола большие лить и пушки хорошие.

Михаил остановил читающего письмо дьяка Фёдора Борисова и вопросительно посмотрел на отца.

– Конечно, пошлём и стрельцов и крестьян и воеводу, а ещё думаю дьяка надо в Миасс, отправить, который из Пушкарского приказа поразумней. Да и сотню стрельцов с семьями не помешает. Чай медь и камень для фарфора беречь надобно. Сейчас Петруша побил вогульских князьцов, а когда не будет Пожарского там, могут ведь сызнава напасть. Читай дальше, Фёдор.

Старшим оставил я в Миассе Никиту Михайловича

Шульгу, что ты Великий Государь недавно дворянином сделал. Он управитель зело хороший, думаю, справится без меня зимой.

– Так может и туда воеводу послать? – перебил дьяка патриарх, – Только нужно, чтобы не мешал Петруше, а помогал, не из князей надо, чтобы чиниться там не начал с Шульгой, а из боярских детей, но поразумней. Читай дальше, дьяк.

Теперь о подарках, царь батюшка. К карандашам, что чёрным пишут, прилагается «стирательная резинка», если ошибку кто сделает, то можно провести резинкой по надписи и она сотрётся.

Михаил попробовал, на самом деле карандашные чёрточки легко стирались серым прямоугольником. Просто чудо. Сдул потом образовавшийся мусор с листа и можешь дальше писать.

Деньги, которые с камнями драгоценными купил я в Уфе на рынке, продавала их женщина одна, говорит, что сын её увязался за казаками в Сибирь и на озере, именуемом Байкал, нашёл эти монеты. Как они туда попали мне неизвестно. Но у греческого философа Платона есть упоминание об Атлантах, которые далеко превзошли всех по учёности. Монета же золотая называется Атлант, может, это их деньги. А надпись очень похожа на русский язык. Думаю, а что если русичи произошли от тех Атлантов. Платон ведь не пишет, где находится та Атлантида. Утонула она. Может Байкал и есть то озеро, что появилось на месте Атлантиды,

а немногие выжившие при потопе, перебрались через Урал камень да и основали Русь. Может, теперь в Европе не будут нас дикими варварами называть. Получается – они варвары, а мы потомки великих Атлантов.

Патриарх опять остановил чтение. Это было из ряда вон. Нужно немедленно собирать Думу боярскую и показать монеты. Не понятно, как в Европе воспримут эту находку. Могут ведь и всем миром ополчиться на Русь, чтобы сокровища Атлантиды к рукам прибрать. В Европе, правда, сейчас война полыхает, католики протестантов бьют. Но они для крестового похода на Русь могут и объединиться. Надо собирать Думу. Подкинул задачку Соломон наш.

Новые же монеты научился делать в Голландии приехавший ко мне очковый мастер и изобретатель телескопа Захариас Янсен, мы с другими учёными немного доработали его станки и теперь можем не плохую монету печатать. Хватит иноземцам над нами смеяться, что мы денег своих не имеем, теперь пусть качеству наших денег завидуют. Что касается звания Император, так ещё царь Дмитрий первый себя императором нарёк, а сейчас империя наша Российская вдвое больше стала, чем при нём, вон аж, до Китая почти дошли казачки, местные народы под твою руку принимая, Великий Государь. Уж всяко не хуже ты царя Дмитрия. Стань же и ты императором, а Европа вонючая со временем титул сей признает. Чай за нашими монетами скоро охота начнётся, настолько они краше талеров и тяжелее и серебро чище. Поду-

май царь батюшка.

– Да, подумать есть над чем, правильно всё пишет, Пётр Дмитриевич. Тоже Думу собирать надо. Читай дальше, Фёдор.

Просьбица у меня к тебе есть Великий Государь. Проезжал зимой через Вершилово князь Владимир Тимофеевич Долгоруков с семейством, и понравилась мне дочь его Мария Владимировна, не откажи в просьбе царь батюшка сосватай за меня оную девицу, Христом богом прошу. Батюшке своему я уже написал, думаю, он не против будет, но боярин Долгоруков сейчас на Москве, когда ещё батюшка с ним увидится, а тебе, Великий Государь, стоит только позвать его и поведать о просьбице моей. За сим откланиваюсь. Храни тебя Господь, Михаил Фёдорович.

– Вот это диковина, так диковина, царя сватом засылать, – рассмеялся патриарх Филарет, – А и то, сделай Миша, как маркиз просит, да заодно титул княжеский ему дай, пусть будет князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей. Заслужил.

Событие семьдесят первое

Сегодня Пётр решил заняться экзотическими животными. Он приехал на окраину Вершилова, где отдельно от всего остального, почти в лесу был создан загон с тёплыми стойлами для яков и верблюдов. Отвечал за этот зоопарк Костя Фомин, старший сын Дуняшиного свёкра. Он же был и един-

ственный человек в Вершилово, который этих здоровущих и иногда злющих животных не боялся.

Верблюды в настоящее время находились в состоянии гона, и заходить к ним княжич не стал, ещё покусает. Этих кораблей пустыни набралось уже прилично: восемь самцов и одиннадцать самок. Оказалось, что верблюды спариваются осенью, а рожают только весной следующего года. Сейчас семь самок из прошлогодних покупок была беременна и должна была принести весной верблюжат. Да, не быстрое это дело верблюдов разводить, получается, что только один раз в два года верблюжонок рождается.

Все купленные верблюды были двугорбые или как ему сказал продавец киргиз при продаже – бактрианы. Животные были трёх цветов, один самец был почти чёрный и один самец и одна самка светло-бежевые, остальные были тёмно-рыжие. Афанасий Иванович помнил по командировкам в Монголию, что верблюжью шерсть нельзя красить, тогда она теряет свои замечательные свойства. За полтора года путём вычёсывания и при линьке получили два огромных тюка шерсти, сто с лишним килограмм, если переводить пуды и фунты в нормальные величины. Шерсть была тоньше овечьей. Вот с неё и начнём производство ткани. Один из анбахских рейтар оказался в прошлом ткачом. Пётр специально сказал всем своим управляющим, чтобы опрашивали всех новосёлов Вершилова, кто и какие имеет вторые профессии.

Так на Густава Шнитке и вышли.

Как только княжич приехал, Виктор Шварцкопф ему этого ткача и представил. Соединили приспособления для вычёсывания шерсти, что напридумывали в прошлом году, с прялкой, что «изобрели» по воспоминаниям бывшего генерала из исторических фильмов и ткацким станком Шнитке, усовершенствованным Симоном Стивенсом и получили одну из самых передовых, в стране-то точно, ткацкую мануфактуру. Все станки были пока в одном экземпляре, сначала нужно было обкатать новшества. Густава Шнитке изъяли пока из тренировочного процесса, и он обучал двух девиц и пятерых парней ткацким премудростям, а Симон Стивенс стоял рядом и пробовал заниматься рационализацией.

Рядом с загонем для верблюдов был и загон для яков. Там сейчас находилось двое яков, самец и самка, и две коровы, что выбрали для получения хайнаков среди самых крупных, что были в Вершилово. У этих хрюкающих животных в настоящее время тоже был гон, но драться единственному самцу было не с кем, и он бросался на людей.

Костя рассказал, что летом они очень страдали от жары, и приходилось загонять их в лес, поближе к воде, только там яки успокаивались. Сейчас же осенью чувствуют себя хорошо. За весну и с них удалось начесать немного шерсти. Оказалось, что шерсть у них даже тоньше верблюжьей, правда, чуть короче. Только вот маловато её, меньше килограмма

с одного животного. Так коммунизм не построишь. Ладно, пусть размножаются. Нам спешить некуда. Нужно ещё послать эмиссаров в будущую Белоруссию, поймать и привезти сюда несколько зубров. Создавать зоопарк так создавать. Вот, Южную Америку испанцы ведь уже прилично освоили, нужно и лам с альпаками завести в наши палестины.

Глава 7

Событие семьдесят второе

Пётр Дмитриевич Пожарский смотрел на зал полный людей и гордился собой. Всех этих людей собрал в Вершилово он. Сегодня открывали Академию Искусств. Здание было достроено, черепица на крышу уложена, окна вставлены и даже дождевые стоки из свёрнутых листов тонкой меди смонтированы. Внутри возвели перегородки, построили печи и оштукатурили стены и потолки. Паркет ещё готов не был, и пол сделали деревянным. Ну, и правильно. Стены нужно ещё расписать, краска обязательно накапает на пол, а уж про потолки и говорить нечего. Вот когда стены и потолки распишут художники, тогда паркет и уложим.

Пётр специально рассадил «творческую интеллигенцию» по профессиям, чтобы видеть, кого и сколько набралось за два с лишним года собирания творческого потенциала.

Ближе всего, в первом ряду огромного парадного зала Академии, сидели художники. Уже ставшие русскими дворянами Питер Рубенс и Иоаким Прилукин. Слева от Рубенса сидели его бывшие ученики Антонис ван Дейк, Якоб Йорданс и Франс Снейдерс. Справа от Прилукина сидели вновь прибывшие итальянцы. Целых пять художников: Алесандро Воротари, Гульельмо Каччи и его дочь Орсола, Белизарио Коренцио и Барбара Лонги. Из приглашённых Рубенсом

не приехал только Гвидо Рени. Он сейчас заканчивал «Собрание небесной манны» и другие фрески в ровенском соборе. Художник написал письмо, что как только закончит расписывать собор, то со своим учеником Паоло Бьянкуччи переедет в Вершилово. Что ж, подождём.

Набралось целых десять художников, причём это были лучшие, ну или, по крайней мере, одни из лучших в Европе. Алесандро Воротари приехал с женой и тремя детьми, Белизарио Коренцио тоже с женой, двумя взрослыми сыновьями и их жёнами и даже семью внуками, целый клан. Орсола Каччи перебралась в Вершилово с женихом Алесандро Тоцци, который был неплохим скульптором. Сейчас он сидел в зале рядом с архитекторами. Архитекторов было двое: Трофим Шарутин и Карло Модерна.

В следующем ряду сидели резчики по дереву. Двое были своими: Фома Андронов и Сидор Щегол. С ними рядом пристроился и багетный мастер из Антверпена Карл ван Зон с двумя сыновьями. Голландцам до мастерства Сидора или Фомы было далековато, но пообщавшись с ними, Пожарский понял, эта семейка желает и может учиться.

Чуть правее резчиков устроилась группка стеклодувов. Трое молодых парней Семён Карпов, Александр Ковригин и Парамон Суровых ещё конечно до мастерства муранцев не дотягивали, но бывшие кузнецы не боялись экспериментировать, а теперь и Пётр им поможет, вспомнит, все, что

делали в Гусь-Хрустальном, и что видел по телевизору и в магазинах. Обгоним и перегоним.

На следующем ряду сидела гордость Вершилова, мастера по фарфору, во главе с Андрейкой Лукиным и Семёном Силиным. Всего мастеров кроме этих двоих было четверо, в том числе и отец Андрейки Трофим Лукин. На обратной дороге с Миасса Пётр вспоминал, чего ещё можно из фарфора понаделать и пытался делать эскизы. Теперь эти почеркушки, обработанные Рубенсом и Прилукиным дошли до мастеров и работа закипела. Бедные китайцы, скоро они разорятся. Наш фарфор и красивее и ближе. А ещё начали делать костяной фарфор, пока брака много, но научимся.

За гончарами расположилась чешская диаспора ювелиров. По приглашению Лукаша Доница из Праги, охваченной войной, перебрались пять ювелиров. Работы по изготовлению ручек и чернильниц непроливаек хватило на всех, спрос пока превышал предложение. Чехи привезли с собой жён и детей, а также приличное количество прислуги. Вершилово строиться не успевало. Только разберутся с одной партией переселенцев, как прикатывает следующая.

Нужно будет на днях перепись населения устроить. А ещё срочно нужно строить вторую школу. Ученики уже на головах друг у друга сидели. Правда, это всё первый класс. Во втором было поменьше народу. В классы записывали не по возрасту, а по знаниям. Во второй попадали только те, кто освоил программу первого и хорошо говорил на русском.

В третьем пока было всего двадцать человек. Те, кто начал учиться ещё два года назад и успешно сдал экзамен за второй класс.

Дальше уже сидели ученики и подмастерья. Отдельно кучковались семнадцать учеников Рубенса. Из них уже десятков точно и сами были мастерами. Причём каждый выбрал свою нишу. Были любители расписывать подносы. Один стал настоящим асом Гжели. Его синие узоры были на голову выше остальных. Пётр даже разрешил Якобсу де Йонгу ставить на обороте изделия рядом со словами «Пурецкая волость» своё имя. Растут «русские» мастера.

Ученики Прилукина тоже набрались у голландцев новых приёмов и теперь отличались от себя самих двухлетней давности как солнце от свечки. Они уже не боялись отступить от канона и рисовали (писали) не хуже самих голландцев.

На галёрке расположились несколько десятков русских парнишек. Там были, и начинающие художники и резчики по дереву и ювелиры и кого там только не было. Вот эти через несколько лет, когда подрастут и наберутся умения, и будут цветом русского искусства.

– Здравствуйте, мастера, – начал Пётр Дмитриевич, видя, что народ уже собрался и начал перешёптываться, – Сегодня мы с вами открываем, наконец, Академию Искусств. Думаю, у вас не будет возражений, если первым Президентом Академии Искусств станет голландский живописец и русский дворянин Пётр Рубенс. Давайте поаплодируем ему и попросим

подняться на трибуну и сесть рядом со мною.

Народ радостно приветствовал своего собрата по искусству. Рубенс повернулся, степенно поклонился публике и взошёл на трибуну. Здесь он ещё раз поклонился и сел рядом с Пожарским.

– Продолжим. В Академии сорок классов. Я думаю, что десять классов на втором этаже отдадим живописцам, что сидят в первом ряду. Остальные классы разделит уже господин Президент. Только имейте в виду, что стены должны быть как можно быстрее расписаны. Мы сейчас готовим паркет, а его нужно постелить после окончания росписи стен и потолков. Каждый из вас, господа художники, привёз с собой картины и скульптуры, думаю, их можно установить в актовом зале и коридорах. Они останутся за вами, или продайте их мне. Если кто-то захочет вернуться в Европу, то сможет свободно забрать свои произведения. Ну, вот, у меня всё, позвольте предоставить слово нашему Президенту.

Событие семьдесят третье

Афанасий Иванович Афанасьев керосиновые лампы в своей молодости застал, у них в посёлке часто вырубался свет, и керосинка была в каждой семье. Да и потом на дачу ему дети нашли и подарили. Вот в детстве бывший генерал не замечал или забылось уже, но воспоминаний о противном запахе керосина не было. А на даче Афанасий Иванович несколько раз зажигал подарок, когда грозой поврежда-

ло линию электропередачи, но быстро это прекращал. Лампа пахла керосином. Интересно, а чем ещё должна пахнуть керосиновая лампа, цветами что ли. Это с одной стороны.

С другой стороны весь мир более ста лет пользовался этими самыми лампами и не жужжал. Так что придётся её изобретать, пока не опередили. Афанасий Иванович помнил, что вместо керосина можно и лампадное масло заливать, но тогда горит менее ярко эта конструкция и быстро расходуется фитиль. Ещё, когда приезжали сыновья с внуками и готовили шашлыки, то разжигали угли какой-то жидкостью, и она приятно пахла парафином, может если свечку восковую растворить в бензине или керосине, то запаха будет меньше. Нужно попробовать. Не хватает самой малости, нет ни лампы, ни бензина, ни керосина. Вот свечки есть. За два лета его бортники развернулись. Сейчас в Вершилово и его окрестностях стояло уже более пятисот ульев. Особенно дело продвинулось в этом году, когда и народ уже пообвык, да плюс Пётр доктора недоучку Генриха Тамма с женой Изольдой подключил. Молодец «немец», сначала сам всё выспрашивал у бортников, а потом их же, и учить начал. Пётр его недописанную пока книгу прочитал и, сделав несколько замечаний, наградил двадцатью рублями. Верной дорогой идёте товарищи.

Начинать надо всё-таки с перегонки нефти. Набралось её уже сто двадцать бочек. Это пожароопасное вещество занимало на берегу Волги целый здоровущий сарай. Нужно было

строить перегонный заводик. Кузнецы сварили вместе четыре ствола от пришедших в негодность мушкетов и свернули из получившейся пятиметровой трубки спираль. Из меди колокольные мастера отлили котёл с плотно закрывающейся крышкой и бочку для воды, куда змеевик и поместили. С помощью ещё двух стволов бывших в употреблении всё это соединили. Теперь можно попробовать.

Первым пойдёт, конечно, бензин, его нужно собрать и куда-то деть. Только это не важно сейчас. Важно, как узнать, когда перестанет капать бензин и начнёт капать керосин, а потом когда начнёт капать соляра. Вопрос.

Память ничего не подсказывала. Да даже если бы он и помнил эти градусы, то где взять градусник. Над ним доктор Рэ только начал биться. И он будет на спирту, то есть нужные двести с лишним градусов не покажет.

Решили сначала ограничиться сотней с небольшим градусами. Это легко, помести котёл с нефтью в большой котёл с водой сильно солёной и кипятить.

Перегнали так несколько бочек с Сидором Громовым, парнишкой пятнадцати лет. Ровесником. Сидор был парнем смышлёным, и все слова княжича хватал на лету. Его Пётр и хотел в будущем сделать главным нефтепереработчиком.

После того как бензин перестал капать взвесили, что получилось. Из двухсот килограмм получили двадцать. Много это или мало? Убрали котёл с водой и разожгли под котлом

с нефтью огонь. Решили ещё двадцать килограмм считать бензином. Получили эти двадцать килограмм, сравнили два бензина. Блин, бензин как бензин. Слили всё вместе.

Следующие двадцать килограмм пошли уже тяжелее, пришлось костёр прилично раскочегарить. Что ж. Будем считать это керосином. Наперерабатывали ещё двадцать. Вот узнай это керосин или уже соляра. Отставили бочонок с непонятным составом в сторону и ещё накочегарили двадцать килограмм. Ладно. Не будем жадничать, пусть это будет солярка. Следом ещё двадцать с трудом, но нацедили.

Подведём итог. Сорок килограмм бензина, двадцать керосина и сорок соляры. Сто килограмм из двухсоткилограммовой бочки. Нужно потом всё это в литрах померить. Эталон литра Кеплер сделал. Куб с длинной стороны десять сантиметров.

В бочке, в которую сливали остатки, сейчас, надо понимать, сто килограммов мазута. Что с ним делать. В будущем из него будут делать кокс нефтяной и каким-то образом парафин и ещё асфальт. На асфальте, вернее битуме, и придёт-ся пока остановиться. Вот как получают битум, Афанасий Иванович запомнил по какой-то телепередаче, через остатки нефтепереработки просто прогоняют воздух, чтобы чего-то там окислить. Принесли меха и попрогоняли, продолжая жечь костёр. Чуть жидковатый, но все, же битум получили. Теперь добавить песка щебня и мелко помолотого известняка. Вот и асфальт.

Говорить просто, на самом деле Пётр убил на это почти месяц. Сидор дальше и сам справится. Теперь нужно ещё ведь и лампу сделать, а это посложнее будет.

Событие семьдесят четвёртое

Янек Заброжский готовил отряд к выступлению. Куда точно они идут было пока неизвестно. Официально было объявлено, что это учебный марш до Новгорода Великого. Марш состоял из нескольких частей. Первая вела через Кострому и Ярославль до впадения в Волгу реки Черёмухи. Там находилось поселение, именуемое Рыбная слобода. Летом в этом месте перетаскивали лодьи из Волги в Шексну. Но это летом. Зимой нужно просто на лошадях доехать по льду Волги до Рыбной слободы. Вторая часть маршрута – через Барановичи на Новгород. Ну, а про третью пока не знал никто кроме князя Петра Дмитриевича Пожарского меньшого, так теперь по указу царя именовался Пётр Дмитриевич.

В поход уходила сотня Малинина, те стрельцы, что уже больше двух лет тренируются по-новому. Ещё уходила в полном составе сотня рейтар Виктора Шварцкопфа. Эти тренировались значительно меньше, и брал их князь Пожарский, как он выразился, чтобы «обстрелять». Чего их обстреливать недоумевал Янек, они уже не раз и не два и на настоящей войне побывали. Обособленно от сотни Малинина собирался в дорогу собранные в десяток под руководством ногайского лучника Бебезяка лучшие лучники Вершилова. Ещё

собирались ехать два десятка ополченцев, парней, что тренировались уже два года вместе со стрельцами, но на службе не состоявшие. Их Пожарский тоже собирался обстрелять. Выезжали они не сами по себе и не на конях, а на больших санях, в которые были запряжены парой самые выносливые кони.

Всего подвод планировалось взять с собой аж сто штук, но эти двадцать для чего-то формировались отдельно. Для прокорма почти четырёх сотен человек и нескольких сотен коней требовалось огромное количество припасов, да ещё оружие и порох с пулями, да ещё тюки с польской военной формой, сшитой на Малиновскую сотню и десяток Бебезяка. Этим отрядам где-то после Новгорода предстоит стать польскими драгунами.

Из всего этого Янек сделал вывод, что воевать будут не с Речью Посполитой, а со шведами. Это хорошо. Отряд был хоть и не велик, только четверть полка, но как раз с парой полков легко бы разделался. И хоть Заброжский давно покинул Польшу и даже стал русским дворянином, но воевать со своими не хотелось.

Пушек с собой не брали, а вот недавно начатые изготавливаться гранаты брали в большом количестве. Сейчас все стрельцы и рейтары дружно учились гранатами пользоваться. Игрушка получилась убойная. Осколки чугунного цилиндра с насечкой разлетались на пару десятков метров. Та-

кая граната, попавшая в плотный наступающий строй серьёзно его проредит. Ох, и достанется шведам на орехи.

Со Швецией у Руси мир и нарушать его нельзя, войск-то на границе нет. Понятно, почему на стрельцах будет польская форма. Из-за проклятого Сигизмунда Речь Посполитая уже несколько лет с небольшими перерывами воюет со шведами. Одной стычкой больше, одной меньше, вот только какова цель князя Пожарского.

Ещё Пётр Дмитриевич говорил, что с ними пойдут два десятка татар в национальной одежде. Тоже понятно. Мол, это ляхи с крымчаками напали, а мы русские в стороне. Хитро. Только какова цель?

Событие семьдесят пятое

На этот раз евреев было трое. Кроме уже привычных Якоба Буксбаума и Барака Бенциона был ещё один человек лет тридцати, с вполне европейской внешностью, ни кудрявых чёрных волос, ни буклей. Звали этого товарища, как и Буксбаума Якоб. Это был Якоб Майер Ротшильд. Был Якоб выходец из Баварии и вполне мог быть предком вредивших сотни лет России банкиров. Ну, теперь вредить не будет, будет помогать.

Евреи пришли не с пустыми руками. Надо отдать им должное, они от души развернулись с производством перьевых ручек и чернильниц непроливаек. На этот раз ювелиры привезли без малого половинку миллиона талеров, в основ-

ном в золоте. Это было несколько возов золота, почти полторы тонны. Ужас, как они умудряются в воюющей Европе перевозить такие ценности.

Кроме золота ювелиры привезли воз кофейных зёрен и воз какао бобов. Всё, что заказывал. Нет, с этими товарищами определённо можно иметь дела. После жалоб Буксбаума на архитектора Модерну, мол, разорит он бедных евреев со своим итальянским мрамором, слово взял князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей.

– Давайте сначала по архитектору. Вы ведь не хотите покидать Вершилово. Здесь безопасно, нет преступности, здесь чисто и здесь не будет эпидемий чумы, холеры, чёрной оспы. Здесь ваши дети получают лучшее в мире образование. Здесь хорошо. Значит, ваша синагога должна стоять века. А значит, её должен строить хороший архитектор из хороших материалов. Вы нашли лучшего в мире архитектора. Не мелочитесь, пусть слава о нашей синагоге облетит всю Европу. Пусть самые богатые семейства евреев захотят жить в Вершилово. Я не буду против. Нужно построить самый лучший в мире храм. А вы денег на мрамор жалеете. Стыдно.

Ювелиры головы не повесили и стыдно им, судя по всему, не было, но упоминание о расширении диаспоры услышали и оценили.

– Теперь об одной вещи, которую я хочу, чтобы вы продавали по всей Европе, – Пётр достал из шкафчика две бу-

тылки. Одна была литровая, другая полулитровая. Бутылки были темно-зелёного стекла и на них были наклеены одинаковые этикетки. На бумажке была нарисована румяная девичья голова, улыбающаяся всеми тридцатью двумя белоснежными зубами, и надпись на двух языках русском и латыни. «средство доктора Парацельса от цинги».

Барак Бенцион бережно взял бутылку, что побольше и внимательно её осмотрел.

– Здесь написана, правда? – он в упор посмотрел на Пожарского.

– Конечно, правда. Я хочу, чтобы вы оценили эти бутылки и сказали, сколько мне их надо делать, – князь протянул вторую бутылку Буксбауму.

Евреи пошептались на своём языке и с грустью сообщили, что цены назвать не смогут. Им пока для определения потребности и цены нужно по сто бутылок. Ответ будет месяца через три.

– Так и поступим, – согласился Пётр.

– Можно ли попробовать это снадобье, – вдруг подал голос Якоб Ротшильд.

– Нет ничего проще, господа ювелиры, – Пётр достал из того же шкафчика уже начатую бутылку и налил по сто граммов каждому в том числе и себе в гранёные стаканы, стаканы были уже из хрустала. Освоили и эту диковинку.

Гости выпили коричневатую жидкость, заранее сморщившись, и синхронно улыбнулись. Микстура была не горькая,

а сладкая и вкусная.

– В плавание или весной, достаточно раз в неделю выпивать вот такую дозу, – обрадовал дегустаторов Пожарский.

– Хорошо, договорились, мы возьмём по сто бутылок и как можно быстрее сообщим интересующие вас сведения, – заверил Петра Буксбаум, – Сколько же семей мы ещё можем переселить в Вершилово?

– Ну, давайте ещё двадцать и только пусть это будут не бедные люди.

– Это само собой, разумеется, – кивнули ювелиры.

– Господа, я хочу вам предложить открыть в Париже банк. Банк будет называться «Взаимопомощь». Он будет брать в рост у населения деньги под семь процентов, а выдавать кредиты под двадцать, – На этом пришлось остановиться и объяснять товарищам, что такое кредит и что такое проценты. Оказалось всё просто. Продолжили.

– Банк должен быть на людном месте Парижа, выкупите целый дом. Там нужно будет построить внутри хороший железный сейф. Двух стрельцов в охранники я вам дам, если потребуется ещё, то наймите местных, а мои стрельцы их обучат. Кроме того нужно будет, основать рядом с банком приют для беспризорников, их нужно будет хорошо учить, несколько языков, математика, чтение и письмо. Но это на будущее, а в свободное от уроков время они должны следить за людьми, которые хотят получить большой кредит. Надо свести риск невозврата к минимуму. Мы ведь не хо-

тим с вами разориться. Директором банка должно быть подставное лицо. Обязательно француз и обязательно мелкий разорившийся дворянин, но желательно не пьяница, не бабник, лучше женатый, примерный семьянин, которому просто не повезло. Ещё в штате должен быть жигало, красавчик, который нравится служанкам, через них он тоже будет добывать сведения о людях желающих взять большой кредит, – Пожарский перевёл дух и посмотрел на евреев. Те стояли с выпученными глазами.

– Если за кредитом придёт человек, который скажет, что изобрёл вечный двигатель или замечательный ткацкий станок или способ сделать золото из свинца, и всякую другую ерунду, то кредит им давать ни в коем случае нельзя. Этим людям нужно со всем бережением отправлять в Вершилово.

– Зачем? – не выдержал Барак.

– Есть такая порода людей, они называются изобретатели. Они всё время придумывают что-то новое. Почти всегда это ерунда. Но, это не потому, что они глупые, им просто не хватает знаний. Если им эти знания дать и направить их энергию в нужное русло, то они горы свернут. Привожу пример. Приехал ко мне брат доктора ван дер Бодля Йозеф Марк. Он алхимик, всё хотел из свинца золото получить. Это невозможно. Заклинаю вас, даже если вам покажут это чудо, не верьте. Значит, это просто обман. Так вот, я предложил ему пока позаниматься красками для фарфора. Там большая жара и краски почти все становятся чёрными. Так вот, он

за три месяца нашёл несколько замечательных красок, и теперь фарфоровые изделия стали ещё красивее и дороже, соответственно. Вот по этому, всех этих изобретателей нужно отправлять сюда. Здесь они станут богатыми и уважаемыми людьми, а там либо умрут с голоду, либо сядут в тюрьму.

– А если они не захотят уезжать из Франции? – поинтересовался Буксбаум.

– Нужно немного поугovarивать, опишите жизнь в Вершилово. Если это просто авантюристы, которые хотели вас обмануть, то они не поедут, а если и поедут, то тут я их быстро выведу на чистую воду, а если это и в самом деле изобретатели, то должны поехать. Причём желательно с семьями. Так теперь про кредиты. Нужно заверять у нотариуса расписку по залогу. Это может быть дом или произведения искусства, картины или статуи, могут быть драгоценности. Если будет мастерская, то просто замечательно. Если такой мастер всё же разорится, то ему тоже предлагать переселиться сюда. Постарайтесь не связываться с Людовиком тринадцатым и кардиналом Ришелье. Я понимаю, что отказать королю тяжело, но пусть тогда хоть сумма будет не очень большая. Хотя, ваш народ столетиями занимается ростовщичеством и не мне вас учить.

Ювелиры улыбнулись.

– А что с деньгами? – задал правильный вопрос Бенцион.

– Вот, господа, посмотрите, это новые русские рубли, – Пётр протянул евреям несколько золотых и серебряных мо-

нет. Серебряные были двух видов: с двуглавым орлом и царём на реверсе, и надписью один рубль и венком на аверсе. Гурт был ребристый. Золотые монеты были тоже две. В пятнадцать граммов монета в пять рублей с изображением того же двуглавого орла и монета в десять рублей весом тридцать грамм с изображением Георгия Победоносца, поражающего копьём дракона. По гурту тоже шло рифление в виде вдавленных точек и цифр «5» и «10» соответственно. Монеты были высочайшего качества. Ни каких нечёткостей и брака от двойных и тройных ударов, ни каких смещений.

– Но ведь на Руси не чеканят своей монеты? – поразился Буксбаум.

– Теперь чеканят. Серебро чище, чем на талерах и монета чуть тяжелее. Я не разбираюсь в их ливрах, пистолях и эю, но вот тысяч триста в этих монетах я смогу вам предоставить с ближайшее время. Сейчас их срочно изготавливают, – пояснил Пожарский.

– Это очень хорошие монеты. Во Франции на самом деле запутаешься с их системой. Хорошо. А как вы себе представляете наше совместное участие?

– Как и всегда. Мы выделяем по триста тысяч на основании банка и делим прибыль из расчёта мне сорок пять процентов прибыли.

– Если возможно, то мы ответим через пару дней. Предложение очень заманчивое. Вы просили доставить вам Рот-

шильда. Вот он. Зачем он вам нужен.

– А чем ты Якоб занимался у себя в Баварии? – князь ещё раз внимательно осмотрел предка баронов. Явно в родне были европейцы.

– Я мелкий торговец. В основном скупаю у кузнецов серпы или плуги и продаю в деревнях, – разговаривали они на немецком, но понимали друг друга с трудом. Пётр всё не мог привыкнуть, что единого немецкого ещё не существует. Есть огромное количество диалектов. Его походочке был далёк от баварского, пришлось воспользоваться переводом Буксбаума.

– Мне нужен человек, который будет скупать в Испании платину и переправлять её сюда. Платина это такой металл, который считают бракованным серебром. Ювелиры, из-за его тяжёлого веса, пытаются мешать его с золотом и выпускать фальшивые монеты. Поэтому в Испании стараются его изымать и топить. Нужно, чтобы оно попадало не на дно океана, а в Вершилово. Можно скупать его прямо в Новом Свете, там его и добывают. Ну и вместе с ним нужно поставлять из Испании и Португалии какао бобы.

Через час, договорившись о деталях, расстались вполне довольные беседой.

Событие семьдесят шестое

Оружейников набралось целое помещение. Пётр построил для них небольшую мастерскую слесарную с голланд-

ской печью и четырьмя деревянными верстаками. Цель одна, изобрести ударный кремниевый замок. Понятно, что главная часть этого замка достаточно мощная пружина. А для пружины нужна специальная сталь. Но ведь для колесцового замка тоже нужна пружина, а один товарищ из присутствующих точно умеет делать колесцовый замок. Но начнём по порядку.

Арнольд Тимме из Ансбаха, Ян ван Рейн из Антверпена с двумя взрослыми сыновьями, приехавший вчера с Мареном Мерсенном, Марен Ле Буржуа из норманнского городка Лизье, крепенький ещё старичок с сыном лет пятидесяти и внуком лет двадцати, а также Исаак Бекман из голландского города Вере и двое русских оружейников Тихон Платонов и Пров Карпов плюс токарь Тимоха Потапов и вездесущий Симон Стивен, вот этих людей князь Пожарский и собрал в мастерской оружейной. Собрал после того, как узнал, что этот самый Ле Буржуа ещё десять лет назад придумал этот самый ударный батарейный замок во Франции, но было слишком много осечек, и пружина была слабая. Детище своё он забросил, разочаровавшись в результатах испытаний, и продолжил делать обычные мушкеты с фитильным зажиганием. Но бывший генерал знал, что за этими замками будущее, пока ещё капсуль изобретут. Бекман с Симоном Стивеном, конечно оружейниками не были, но они были лучшими механиками из имеющихся в Вершилово, а может и в мире.

Хуже всего, что собрались представители четырёх национальностей: русские, французы, немцы и голландцы. Приходилось подолгу переводить с одного языка на другой. Один Стивен за год неплохо освоил русский, да Пётр Дмитриевич знал немецкий. Ну и половина владела латынью. Бардак, одним словом. Надо награду учредить за быстрое и качественное освоение «великого и могучего» русского языка.

Одну из главных ошибок Ле Буржуа поняли почти сразу, надо полку, из которой высекают искру делать из максимально твёрдой стали, но все же не из чугуна. Но это не главная проблема, главная, конечно, пружина. Нужно однородное железо, нужно волочение проволоки и нужен процесс цементации. Всего-то.

Ладно. Переплавлять сталь в горшках с добавлением битого стекла и известняка уже в Вершилово научились. С волочением тоже ничего сложного, проволоку на кольчуги делали и сотни лет назад. Тут свои пять копеек вставил и Бекман. Оказывается, что если при волочении использовать в качестве смазки человеческую мочу, то проволока получается гораздо более высокого качества.

Про процесс цементации Пожарский, что помнил из передач, по «волшебному ящику» рассказал. Нужно-то всего лишь поместить деталь в угольный порошок и нагреть до определённой температуры. Осталось только подобрать эту температуру эмпирически и главное суметь удачный

опыт повторить. Ну и ещё, конечно, важно время цементации. Пётр напрягал память и никак не мог ничего вспомнить про температуру.

Стоп. Сталь должна быть не жёлтой. Значит, где-то в районе девятисот градусов. Пётр высказал это предположение и стал раздавать мастерам задания. Всем хватило. Нужно и станочек для навивки проволоки сделать и волочильный агрегат и как-то упростить производство самого батарейного замка, использовать способ литья или штамповки. Самое сложное, цементация досталась русским, они с кузнецами общий язык быстрее найдут, правда, в качестве организатора опытов пришлось Исаака Бекмана к ним подключить.

Столько самых передовых людей и чтобы не смогли сделать простой замочек, да не может этого быть.

Событие семьдесят седьмое

Настал черёд открывать и Академию Наук. Это здание построили чуть раньше Академии Искусств, но там внутренней отделкой занимались сами художники, а здесь пришлось благоустраивать их же силами, но в свободное от работы по облагораживанию собственного дома время. Сегодня было первое января. Здесь это был не праздник и не Новый год. Просто первый день месяца. Вот первого января 1621 года Академию Наук и открыли.

Народу в актовом зале было в разы меньше, чем при от-

крытии первой Академии. Были, так сказать, первопроходцы Вершилова: астрономы Иоганн Кеплер, со своим помощником Яковом Барчем, и Симон Майр и математик и механик Симон Стивен, а так же доктор Антуан ван дер Бодль. Они сидели отдельно, как корифеи и просто успевшие сдружиться люди.

На следующем ряду сидели новички: астрономы: Исаак Бекман, отец и сын ван Лансберги Филипп и Яков, профессор Михаэль Мёстлин и изобретатель телескопа Захариас Янсен. Захариас сейчас больше времени уделял монетному двору, пытаясь вместе с Симоном Стивеном усовершенствовать процесс, но князь Пожарский, понимая значение в военном деле хорошей оптики, организовал для предприимчивого голландца целую мастерскую и приставил несколько парнишек для перенятия секретов изготовления качественных линз.

Дальше располагались химики. Их было чертовски мало, брат доктора ван дер Бодля Йозеф Марк ван Бодль и Жан Рэ. Пётр попросил их написать письма в Европу знакомым им химикам или алхимикам, но пока они ещё соберутся и приедут, а дел было невпроворот. К ним примкнул и аптекарь из Антверпена Патрик Янсен, сейчас занятый усовершенствованием получения качественного спирта из различных растений.

Совсем мало было докторов: Генрих Тамм, сейчас заканчивающий учебник по пчеловодству и сын ван Бодля

Иоахим. К этим двоим, князь добавил только мать Кеплера травницу Катарину Кеплер. Местные травницы идти категорически отказались, как и переезжать в Академию.

– Травкам, чтобы они не испортились, особые условия нужны, и в каменном здании они храниться не будут, – отрезали бабки.

Ну, и ладно. Пусть живут, как нравится. У нас, блин, демократия.

Скучковались отдельно ещё трое: Марен Мерсенн, пастер Виктор ван Бизе и его сын Антон. Эти были богословами и философами. Пока школьники Вершилова до изучения философии не доросли, но растут ведь, класса с пятого можно будет попытаться учить детей и этой науке. Пока же представители не православных конфессий выполняли обряды в наскоро оборудованном храме и учили своих «немецких» детей слову божию.

Последними по порядку, но далеко не последними по значимости были оружейники. Этих набралось прилично: Ян ван Рейн, Арнольд Тимме, Марен Ле Буржуа, Тихон Платонов и Пров Карпов с ними рядом пристроился и единственный пока токарь Тимоха Потапов.

Отдельно от корифеев в первом ряду устроился первый в мире селекционер и агроном Василий Петрович Полуяров, со своим помощником, Иваном Охлобыстиным.

Вот и все учёные. Не густо. Правда, Михаэль Мёстлин написал письмо Вильгельму Шиккарду уже давно, и скоро

изобретатель арифмометра должен приехать, он же недавно позвал в Вершилово и других преподавателей из Тюбингенского университета. Кроме того несколькими французам недавно послал письма и Марен Мерсенн, но когда всё это ещё будет. Дорога в оба конца не близкая. Искали евреи в Баварии сына очкового мастера Иоганна Глаубера. Он, конечно ещё мальчишка, но здесь научиться химии ему будет проще, чем в любом другом месте на Земле. Ещё Иоахим Марк ван Бодль вспомнил про алхимика и доктора из Брюсселя Жана Баптиста ван Гельмонта, ему тоже отправили письмо с приглашением. Второго алхимика назвал так же младший ван Бодль. Им был придворный алхимик императора Фердинанда Иоганн фон Рихтгаузен, который на глазах у всего двора превратил ртуть в золото. Пожарский попросил евреев разузнать и про этого персонажа. Понятно, что он просто получил амальгаму и выпарил ртуть, но человек ведь додумался до этого, значит, у него пытливым ум и он сможет помочь в изготовлении зеркал, к которым Пётр намеревался приступить осенью этого года.

В целом открытие прошло удачно. Первым президентом Академии почти единогласно выбрали Михаэля Мёстлина. И правильно. Кеплер и Симон Стивен, которых сначала тоже номинировали, и так работой по самые гланды загружены. Вот станет учёных побольше, и своих немного подрастим, тогда и задумаемся о втором президенте.

Событие семьдесят восьмое

Михаэль Мёстлин – президент Академии Наук, звучит, конечно, не плохо. Только вот Академии чего? Вершилова или Руси? Старый профессор как приехал в это Вершилово, так ни одного дня не прошло, когда действительность, его окружающая, не давала повода для удивления.

Ему выделили огромный тёплый двухэтажный дом и двух слуг. Женщина готовила еду и убиралась, а мужчина лет пятидесяти с заметной хромотой на правую ногу топил печи, ходил за водой и продуктами. Ещё за профессором закрепили здоровущего стрельца, который водил его три раза в день пить отвар к травницам и по утрам заставлял сначала просто проходить, а сейчас уже и пробегать трусцой две версты. После пробежки были ещё и приседания и наклоны, называлось это всё зарядка. Старый учёный чувствовал после этих издевательств себя паршиво и пожаловался доктору ван дер Бодлю, но тот заверил беднягу, что вскоре это пройдёт, и после этого Михаэль будет чувствовать себя гораздо лучше, а где-нибудь через полгода начнётся и выздоровление.

– Но я не болен, – пытался возмущаться профессор.

– Дорогой, Михаэль, вы серьёзно больны и болезнь называется старость, полностью вылечить вас не удастся, но значительно улучшить состояние попробуем.

Ещё Михаэля каждую неделю потчевали баней с берёзовым веником. Сейчас он уже привык и даже вошёл во вкус, но сначала это показалось учёному диким варварством. Да-

же когда вернулся с Урала маркиз Пожарский ситуация сильно не изменилась, Мёстлин по-прежнему учил русский язык и штудировал книги, что написали и издали в Вершилово приехавшие раньше его европейцы. Книги были великолепны. В них всё было великолепно. Бумага поражала своей белизной, даже дорогушая китайская бумага была полным убожеством по сравнению с этим шедевром. Переплёт книги из ткани, без всякой кожи и непонятный способ скрепления листов вообще выбивал из колеи, но книги становились значительно тоньше, значительно легче и, самое важное, значительно красивее. Да и само качество печати поражало, ровные одинаковые буквы без всяких завитушек было читать гораздо легче привычных учёному. И ведь на самом деле, зачем эти завитушки и украшение букв? Но этот вопрос он задал себе только здесь, столкнувшись с этими волшебными книгами.

Содержание книг было не меньшим шоком. Как всё легко точно и доступно. И так по любому предмету, будь то астрономия, математика или пчеловодство. Самое главное, что написали эти книги те самые люди, что окружали его и которые до приезда в Вершилово на такое были неспособны. Взять того же Кеплера. Его учебник «Оптика» отличался от огромного трёхтомного издания, что было в прошлом с удовольствием прочитано профессором Мёстлином, как день и ночь. В этой тонкой книге содержания было в разы больше, чем в трёхтомнике. Чудеса.

Эти чудеса в Вершилово были везде. Фарфор, что гораздо лучше китайского. Цветное стекло, не уступающее муранскому. Сыр, гораздо вкуснее швейцарского. Эта замечательная тёплая обувь именуемая «валенки». А здание Академии Наук с мозаичной картиной на фасаде. Мёстлин как-то разговаривал об этом с итальянским архитектором Модерной.

– Так умели только древние римляне, – сказал метр архитектуры.

Наконец настала очередь и Михаэля приложить руку к вершиловским чудесам. На следующее утро после открытия Академии Наук за господином Президентом пришёл князь Пожарский и отвёл в небольшое здание с несколькими печами внутри.

– Дорогой, профессор, мне нужна ваша помощь. Я примерно знаю, как делается шоколад, но как говорится: «Дьявол кроется в деталях». Вот смотрите, это какао бобы. Их нужно раскалить до довольно большой температуры и очистить от кожуры. Потом нужно взять сосуд установить его на водяной бане и бросить в него масло, – князь Пожарский проделал это, – Следом нужно добавить туда порошок, который получился после измельчения какао бобов и мёд, – Пожарский сделал, что говорил, не прекращая помешивать.

– Зачем вы всё это мне говорите, я математик и астроном, но, ни как не кондитер? – удивился профессор, вдыхая приятный аромат, распространяемый неаппетитной коричневой массой.

– Теперь вливаю туда немного сливок и засыпаю немного муки, – не отвечая, продолжал Пётр Дмитриевич.

Князь всё мешал и мешал массу, пока она не стала густой и однородной.

– Теперь мы разольём её по формам и поставим на улицу охлаждаться, Пожарский проделал и это.

Когда залитая в квадратики масса была вынесена на мороз, князь Пожарский продолжил.

– Дорогой профессор, всем эти будут заниматься вот эти две женщины. Они вдовы и у них маленькие дети. Зачем я это говорю? Я хочу, чтобы вы помогли этим женщинам стать очень богатыми дамами, и их дети выросли крепкими, здоровыми и жизнерадостными людьми, не знающие голода и холода.

– Очень похвально, но зачем, же здесь я? – всё ещё не понимал Мёстлин.

– Нужно научиться делать эти шоколадные конфеты вкусными и твёрдыми, ингредиенты известны, но неизвестны пропорции. Вот вам и нужно проводить эксперименты, чтобы получить оптимальный состав. Вы ведь экспериментатор и сможете составить план опытов и неукоснительно их придерживаться. Они сами будут делать на глазок. Но это настолько дорогие конфеты, что здесь нельзя «на глазок». Здесь важен точный рецепт, чтобы одна партия не отличалась от другой. И ещё, когда оптимальный состав будет получен, нужно будет попробовать добавлять разные примеси,

сушёные ягоды или размолотые орехи, или целые орехи, всякие заморские специи, – по мере этого разговора они с князем вышли на улицу.

Пожарский достал из формы одну из конфет и протянул её Михаэлю. Это было вкусно. Это было необычно. Таких вкусных вещей профессор и не пробовал. И это надо улучшать?

Словно отвечая на его вопрос, Пожарский посмаковал конфету и, улыбнувшись, произнёс:

– Соль забыл. И нужно поменьше мёда и побольше какао. Впрочем, это уже ваша проблема, дорогой Михаэль. Эти конфеты будут называться: «Шоколад Мёстле».

Событие семьдесят девятое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский проводил Рождество в кругу семьи. Семьи, правда, были чужие. Марты стала Марфой Петровной Квашниной, а сын его теперь прозывался Дмитрий Петрович Квашнин. Айсу стала Анной Петровной Беловой, а её дочь называли Натальей Петровной Беловой. Берку теперь Вера Петровна Коростылёва, а их сын получил имя Владимир Петрович Коростылёв. Марфа Петровна и Анна Петровна уже овдовели. А господин Коростылев ещё пока был жив и даже как-то приезжал посмотреть на «своего» сына. Пожарский подарил старику десять рублей, пусть хоть на старости лет, провоевавший всю жизнь, дворянин поест досыта.

Дети цветы жизни, когда они цветут на чужом подоконнике. Эти цветы гадили и кричали. Но Пётр старался хоть немного времени проводить с ними, а, то ведь скоро опять уезжать. Вчера приехал с двадцатью служилыми татарами князь Баюш Разгильдеев. И получается, что завтра, вернее послезавтра, нужно выступать в поход. Войско пойдёт по льду Волги до Рыбной слободы, которая в будущем превратится в город Рыбинск, а потом дальше на Новгород. А Пётр поедет через Москву. Женится там по-быстрому и дальше в Новгород Великий, где и должен встретиться с князем Разгильдеевым и остальным войском. Старшим надо всеми он князя и поставил. Князь всё же. Легче со всякими дьяками да подьячими разговоры разговаривать. Но это всё послезавтра. Сегодня князь подводил итоги года.

Кофе без сахара был не тот. Пётр пробовал добавлять мёд, но становилось ещё хуже. Значит, нужно попробовать получить сахар из свёклы. Как его сделать белым Пожарский не знал, но, может и не надо. Вон за коричневым тростниковым в его время гоняются, а чем коричневый свекольный хуже. Нужно будет завтра дать задание Полуярову попробовать выпарить сахар, пока он там женится да воюет. Итак, итоги.

Освоили производство костяного фарфора. Коробочки для карандашей и кофейные сервизы уже всю штампуем. Попробовали и костяной фарфор на золе из птичьих костей, как и помнил Пожарский, он получился чуть сиреневым, но в сочетании с синим кобальтом и красным цветом

оксида железа получили, интересные вазы и блюда. Это навело на мысль попробовать сделать и розовый «чешский фарфор». Добавили к каолиновой глине немного оксида железа, попробовали отжечь. С десятого раза пропорцию угадали, и теперь костяной фарфор идёт в трёх цветах: белый, розовый и сиреневый. Все же розовый был не тот, что помнил Пётр из будущего, значит там не оксид железа, но как говорится, за неимением гербовой пишем на туалетной. Чайный сервиз и вазы из нового розового фарфора отправили царю и отцу, пусть потешатся.

Получили хрусталь, но без глауберовой соли один чёрт стекло получалось чуть зеленоватое, зато нашли на Урале месторождения свинцовой руды, не нужно уже заниматься ерундой, превращая свинец в оксид. Ничего, на следующий год поплывём не в Миасс, а на Каспийское море и в заливе Кара-Богаз-Гол наберём этой соли сколько нужно.

Производство простых и цветных карандашей поставили на поток. Молодец Жан Рэ, подобрал оптимальные составы и режимы сушки и отжига. Нужно будет и для него попросить у царя дворянство. Повторить карандаши долго ни у кого не получится, огромные деньги хапнем. А русский дворянин Рэ ещё пяток крестьянских семей из нищеты вытащит. Сейчас даже нездоровое соревнование началось среди новых дворян, у кого крестьяне лучше живут. Нужно будет это прекратить. Людям надо давать удочку, а не рыбу. А то разбалуют мужиков.

Стекольный завод разделили на три. Один завод производит оконное стекло. Второй цветную смальту. Третий выдувает бутылки и вазы. Сейчас начали делать гранёные стаканы и кувшины. Спрос на стекло огромный, так золы скоро хватать не будет. Сейчас уже несколько человек и так по всей губернии собирают. Но лес пережигать на золу Пожарский категорически запретил. Чем закончили англичане он помнил. Спалили все леса, а потом столетиями восстанавливали. А на острове Пасхи аборигены почти вымерли, когда деревья уничтожили, и так и не смогли восстановить леса к концу двадцатого века.

Оружейники практически изготовили ударный замок. Но князь их радости померил, заставил ещё поработать, нужно максимально снизить количество осечек. Пока чуть не тридцать процентов. Сейчас ожидается поступление железа из Швеции и Испании, вот как придёт, то и начнём делать сразу хорошие мушкеты.

Ткань из верблюжьей шерсти с добавлением небольшого количества начёсанной от пары яков получилась замечательной. Густав Шнитке собрал с помощью вершиловских мастеров ткацкий станок и веретено с ножным приводом, а Симон Стивен оказался на высоте придумал-таки самолётный челнок. Ух, и развернёмся. Где только столько шерсти брать? Из козьей и овечьей получилось похуже. Похуже чем из верблюжьей и похуже английской. Толстая получается. Нужно завозить из Англии или Шотландии овец. Да и про испан-

ских стоит подумать, хотя тем может оказаться здесь сильно холодно. Но попробовать надо. Евреи задание получили.

Нефть перегнали всю. Сейчас из оставшейся густой фракции продуванием воздуха получают гудрон. Весной попробуем кусочек дороги покрыть асфальтом. Вот народ удивится.

Патрик Янсен выпускает вполне пригодный спирт, градусов никто померить пока не мог. Нужно будет озадачить Жана Рэ, после «изобретения» спиртового термометра «Цельсия», теперь будет шкала Рэ. Даёшь спиртометр. Водку, настоящую на разных травах, уже разливали в стеклянные бутылки, показали заморским купцам. Пусть спаивают свои страны. Получилось очень не дёшево. Одна стеклянная бутылка – это не для крестьянина. Вот пусть аристократия и спивается.

Монету штамповали полным ходом. Скоро понадобится для открытия банка. Нужно пока доллара нет сделать рубль международной валютой. Если эти рубли не пускать в оборот на территории Руси, то и инфляции не будет. Уж медного бунта в этой истории точно не допустим.

Керосиновую лампу соорудили-таки. Добавка воска и некоторых трав чуть снизили запах, но себе Пётр не взял, а вот учёные первые лампы просто расхватали, как и художники. Нормально, больше учёных мыслей и картин произведут. Ну, раз народу понравилось, то начали массовый выпуск. Пока по десять штук в день. Саму ёмкость сделали

из толстого фарфора, считай фаянса. Стекло из закалённого хрусталя.

Неожиданно освоили массовый выпуск мыла. Пожарский вспомнил вдруг, что для твёрдого мыла нужна натриевая щёлочь, ну и раз её ещё нет, то эксперименты с поташем прекратил. Зато довели до ума жидкое мыло. Получили вполне нормальное хозяйственное мыло. Поэкспериментировали с составом. Получили хвойное и дегтярное, и для женщин, с добавлением льняного масла и мяты, получили мыло «Ароматное». Желающих начать новую переделку, было хоть отбавляй. Люди входят во вкус. Мы ещё построим капитализм с человеческим лицом в отдельно взятой деревне.

Ну, вот, наверное, и все достижения. Нужно ложиться спать. Завтра суматошный день. Нужно проводить войско в поход. Ждите шведы. Иду на вы. Столбовой договор вы не со мною заключали. Там был другой Пожарский.

Событие восьмидесятое

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов смотрел на вошедшего к нему человека и не верил собственным глазам. Без сомнения это был князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей. Его свет в окошке – «Петруша». Только два с лишним года назад он отправлял в Вершилово пацана, а сейчас перед ним стоял богатырь. В младшем Пожарском от того мальчика осталась одна улыбка. Этот юноша был на голову выше Михаила и вдвое шире в плечах. Сказы-

валась порода Пожарских. Отец Дмитрий Михайлович тоже был высок и широк в плечах, но Пётр был и выше и шире. А ещё этот взгляд синих глаз. Так может глядеть только всё видевший и всё знающий наперёд старец. Словно жалость проскальзывала во взгляде, мол, я про тебя всё знаю и сочувствую, если хочешь, помогу.

Петруша приехал вчера, о чём царю сразу доложили, но было уже поздно, и он послал гонца с приглашением князю Пожарскому меньшому посетить Государя после утренней молитвы. И вот перед ним этот «Соломон» русский. Рядом с царём на троне сидела старица Марфа, мать. Она ситуацию разрядила.

– Петенька, вырос-то как! А ну дай я на тебя посмотрю, и впрямь жених. Вон потолки головой задеваешь. А и сосватали тебе лебёдушку, сам Мишенька с Владимиром Тимофеевичем Долгоруким договорился. А ну, повернись. Ну, чисто отец, бороды только не хватает, – царица несколько раз крутанула совершенно растерявшегося Петра и только после этого уселась назад на свой трон.

– Здоров ли, Петруша, – Михаил, наконец, отошёл от первого впечатления. Что ж, дети растут.

– Здоров, царь батюшка, чего и тебе желаю, пьёшь отвары, что я тебе посылал от травниц моих. Они мне все уши прожужжали, что плохие у тебя доктора, – Пётр улыбнулся и царь расслабился, нет, это всё тот же Петруша.

– Спаси тебя господь, Петенька, – Великий Государь пе-

рекрестился сам и перекрестил Пожарского, – после тех отваров и правда лучше себя чувствую, и ломота в груди прошла. Ну, рассказывай новости, чего ещё твои немцы навывдумывали. Есть ли диковины новые?

Пожарский махнул рукой и в зал стали заносить сундуки с подарками.

– Где же батюшка твой Государь? – поинтересовался Пётр, – И ему есть подарки.

– Патриарх в Троице-Сергиеву лавру на неделе отправился, должен к концу седмицы назад вернуться. Непременно хотел на свадьбе твоей побывать. Владимир Тимофеевич друг ведь его старинный, он Марьюшку ещё ребёнком помнит. Рад патриарх и за тебя и за невестушку твою.

Пётр стал из первого сундука доставать фарфоровые вазы. Михаил сразу почувствовал разницу. На этих не было цветов и других рисунков. Узор был из тонких линий и всегда одного цвета. Линии пересекались под прямыми углами и были похожи на паутину. Вслед за вазами появились чайные сервизы с таким же рисунком. Вот не было красивых цветов, а вещи были очень красивы и необычны. Чайные сервизы и вазы были и белые и розовые и сиреневые, разных цветов были и линии. Всё вместе это завораживало.

Из второго сундука Пожарский достал книги. Это был учебник математики за второй класс, ещё один учебник по математике, уже для третьего класса. Следом появилась книга по пчеловодству. За ней Пётр достал довольно толстую

книгу.

– Это, Государь роман испанского дворянина Мигеля де Сервантеса, называется он «Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский». Роман тот написан в двух частях. Только мы перевести на русский пока успели только первую часть. Прочти её, царь батюшка, очень поучительная книга. Очень жаль, что помер сей дворянин.

Царь открыл протянутую книгу, на первой странице был нарисован тощий рыцарь на тощем коне, а рядом с ним толстый слуга на толстом ослике. Что ж, картинка была весёлая. Нужно будет почитать сию книгу.

– Дозволь, тебе Великий Государь, и ещё одну книгу преподнести. Это напечатанный труд Епифания Многомудрого Житие Преподобного Сергия Радонежского, а также его «Похвальное слово Сергию».

Книга была великолепна. Не зря он сделал Прилукина дворянином. Здесь чувствовалась его рука. Так сейчас на Руси не мог больше никто рисовать. Царь на время забыл обо всём, он бережно перелистывал страницы, а дойдя до очередного рисунка, долго его рассматривал. Только через несколько минут он заметил, что текст напечатан по новой азбуке, что придумал Пётр Пожарский. Михаил с ней уже освоился, но вот другие. В это время старица Марфа перелистывала такую же книгу, но напечатанную на обычном

русском языке.

– Я, Государь, издал «Житие» в двух видах, на старой азбуке и на новой. И книгу Сервантеса так же, – пояснил Пётр.

Ещё из сундука с книгами Пожарский достал одну книжицу чуть большего размера.

– Это, Михаил Фёдорович, амбарная книга купцам полезная али тому, кто мысли свои захочет записать, чтобы не забыть.

Михаил раскрыл новую книгу, она была чиста. Обычные белые листы. И, правда, полезная вещь.

В третьем сундуке были вазы, и чаши из цветного стекла. Мастерам как-то удалось смешать множество цветных нитей и осколков, и все эти изделия переливались радугой на столе. Красота. Таких царь ещё не видел. Ох, и устроят купцы заморские ему очередную свару и требование допустить торговать напрямую с Вершилово. Только теперь Михаил научился, улыбаясь им «нет» говорить. Обойдутся. Вон надо, сколько всего на Руси строить: дороги, мастерские, храмы, укрепления на южной границе. Деньги нужны.

Из последнего четвёртого сундука Пётр достал искусно вырезанные распятия Христа. Всего их было девять по три каждого вида, понятно для всей царской семьи. Над распятиями работало три мастера. Михаил расставил перед собой все три и, не переставая креститься, рассматривал эту красоту. Даже и не понятно, какое распятие лучше. Все были хороши. Одно поражало тонкостью резьбы, другое строго-

стью форм и чёткостью линий. Третье было сделано так, что взгляды сразу притягивало лицо Иисуса. Он смотрел на тебя, и хотелось плакать. Великие мастера живут в Вершилово. Как бы и Михаилу хотелось жить в этом месте. Не видеть мокрых от пота лиц бояр, вечно чинящихся не своими умениями, а заслугами и древностию предков. Дак, ты оторви зад от лавки и сделай тоже для Руси что-то полезное. Найди вот таких мастеров и собери их вместе, дай условия. Нет. Могут только местничать. Особенно окружившие трон Салтыковы, правильно батюшка их приструнил немного.

А ещё Михаил завидовал Петруше. Вон пятнадцать годов, а уже женится. Он же всё никак не может найти себе жену. Батюшка сейчас послов заслал к королю датскому Христиану, хочет высватать племянницу его Доротею Августу. Быстрее бы уж ответ пришёл.

Глава 8

Событие восемьдесят первое

Пётр Дмитриевич Пожарский возвращался домой в Белый город в отцов дом уже в сумерках. Царь всё не хотел отпускать его. То начнёт расспрашивать о строительстве дорог, то пир устроит. Князь Пожарский Дмитрий Михайлович должен был приехать в Москву с семейством только завтра, так что Пётр особенно домой не спешил, что там делать в одиночестве. Он подробно рассказал Михаилу Фёдоровичу о строительстве городка Миасс на Урале, о найденной там железной и медной руде. Государь похвастал, что отправил в Уфу своим ходом сто не семейных стрельцов. Двадцать должны были остаться на жительство в Михайловске, тридцать в Белорецке и пятьдесят в Миассе. Это было здорово. В эти городки нужно было завозить население. Нечего стрельцам в Москве брюхо отращивать.

Когда начало смеркаться Государь, наконец, отпустил Пожарского. Пётр сел на коня и проехал несколько сот метров от Кремля до своего дома в глубокой задумчивости, всё пытался выудить из памяти, что там будет с иностранными невестами Михаила. Нужно будет ему помочь. Он спрыгнул с коня у ворот и хотел стукнуть кулаком в створку, когда сзади ему по затылку самому стукнули дубиной. Пётр чувствовал спиной приближающегося человека, но угрозой его не по-

считал. Ведь он уже дома.

Пульсирующая боль била в затылок снова и снова. От боли Пожарский и очнулся. Он был связан по рукам и ногам и связан очень качественно. Вернее не так, связан он был старательно, верёвки намотали чуть не сто метров. Пётр открыл глаза, но ничего не увидел, в помещении, где он лежал на земляном полу, окон не было. Тем не менее, князь почувствовал, что он не один.

– Кто здесь? – прохрипел Пожарский пересушенным ртом.

– Это я – Иван Пырьев. Жив, Пётр Дмитриевич, слава богу – стрелец явно тоже связанный подкатился поближе.

– И где мы, Иван? – Пётр облизал губы.

– У боярина Колтовского в порубе.

– И давно ты здесь? – Пётр знал, что Пырьева взял с собой царь, чтобы он научил стрельцов в Москве играть в футбол.

– Третий день, наверное. Сейчас что утро или вечер?

– Меня по голове стукнули вечером. Давно сюда принесли? – Пётр всё шевелил руками стараясь ослабить путы. Получалось не очень. Ладно, его учили избавляться от верёвок.

– Думаю, с час назад. Что делать-то будем, Пётр Дмитриевич? – Пырьев подкатился ещё поближе.

– Ну-ка, повернись ко мне спиной, я зубами попробую тебя от верёвки освободить.

Получилось, не сразу, конечно, но получилось. Пётр нашупал-таки узел и зубами ослабил его. Потом следующий.

Всякие сложные узлы местные товарищи ещё не освоили. Обычный узел. Через полчаса оба были свободны. До утра время было, и князь детально расспросил Ивана о том, когда утром приходят тюремщики, как кормят и поят и чего хотят. Получалось, что три дня назад Ивана Пырьева тем же самым приёмом оглушили и доставили сюда, кормили один раз в день, не развязывая руки, какой-то болтушкой. Поили водой три раза в день. Ходить по нужде приходилось прямо под себя, то-то от стрельца запашок стоял.

– Давай, Иван, утром, как придут кормить да поить, выбираться будем. Холопов и детей боярских Колтовского не жалей. Бей сразу насмерть, нужно только самого боярина живым взять.

– Так у него дворни человек тридцать, справимся ли? – не уверенно процедил стрелец.

– Они не ждут от нас сопротивления, и организовать всех не смогут, будут по одному, по двое нападать. Ты, чай не забыл со своим футболом казацких ухваток, – приободрил Ивана Пётр. Сам-то он в победе над тридцатью обученными воинами уверен не был. – Ничего прорвёмся.

Началось не плохо. Дверь отворилась, пропуская немного света, и по ступенькам вниз спустилось трое. Один шёл со свечкой. Этих успокоили быстро. Князь своего локтём в висок и носком сапога в прыжке, туда же в висок, убил того, что был со свечкой. Ивану достался здоровущий детина, но руки у него были заняты горшком с едой и сопротивле-

ния товарищ тоже не оказал. Быстренько обыскали трупы. Нашли три засопожных ножа и саблю, у того персонажа, что свечку держал. Осторожно поднялись по ступенькам. Сарай, в котором они оказались, был несколько в стороне от остальных строений подворья боярина Колтовского.

Иван Александрович стоял посреди двора. Рядом находилось семь человек в полном вооружении с кольчугами и саблями. Ну, поехали. Два ножа синхронно вошли в глаза тем, кто был повёрнут к сараю. Спринт к непонимающим ещё ничего боевым холопам. Удар саблей по неприкрытой кисти. И с разворота удар рукояткой со всей дури в лицо другому. Третий тянется к своей сабли, но понимает, что вытащить из ножен не успеет и пятится назад, но спотыкается о ползающего безрукого теперь товарища. Этому голову с плеч. Четвёртый саблю достал, но владеть ею не научился. Удар с переводом сабли вниз и локтём в лицо, ну и добить сверху саблей по шее. Всё. Пырьев со своим тоже справился и саблю в бою отбил. Теперь добить безрукого и лежащего в отключке. Колтовский начинает пятиться, осознавая, что поздно. Но этого убивать нельзя – боярин, блин.

От крыльца на шум бегут трое. Ножей метательных тоже три. Ну, вот уже не бегут. Боярин как раз успел достать саблю и буром прёт на Пожарского. Идиот. Князь пропустил его справа и ударом локтя в ухо отправил в нокаут. Вот теперь начнётся, по ступеням со второго этажа скатывались один за одним боевые холопы. Человек восемь. Только по одно-

му ножу и успели метнуть. Ну, теперь шесть. Пан Янек Заброжский был великий рукопашник, мастер сабельного боя. Уроки у него принесли пользу и Пожарскому и Пырьеву. Главное держать нападающих в одну линию, чтобы не смогли окружить. Ложное отступление и выпад в живот увлечшемуся преследованием высокому худому воину. Пять. Кувырок в сторону и в полёте удар саблей по ноге. Ах, так в ваше время не дерутся, где рыцарская честь? Ещё один пережат и снизу удар саблей под подбородок. Черт. Сабля застряла в мозгах у твердоголового. Два. Нет. Ноль. Пырьев двоих тоже уложил. Теперь добить товарищей и изъять ножи. От ворот бегут двое. Подпустим поближе. Не бегут. Тяжело бегать с ножами в глазах. Свистнула стрела арбалета. Вот ведь, блин. Так и убить могут.

– Этого берём живым! – прокричал Пожарский и бросился к крыльцу. Арбалет не пистолет, его перезаряжать надо. Удар ногой в лицо. Не играй с острыми предметами. Из открытой двери в гриднецкую вывалились ещё двое. Один, скорее всего, сын Колтовского, похож. Второй, наверное, руководитель кружка этих горе воинов. Вон и одежда дорогая и сабелька красивая. Этих нужно обязательно насмерть. Мстить ведь будут. А оно нам надо. Колющий удар младшему Колтовскому в шею и с секундной задержкой удар ножом в живот дядьке. Ну, хватит. Должны же они кончиться. Кончились.

Пётр огляделся. Весь двор завален трупами. Колтовского

связывает Пырьев. Пожарский схватил под руки находящегося в отключке арбалетчика и спустился с крыльца.

– Этого тоже свяжи. Под пытками покажет, кто тут на кого напал. А то нас во всём и обвинят, – бросил ношу к ногам Пырьева.

В доме уже голосили. Пётр вывел из конюшни двух неосёдланных лошадей и с помощью стрельца взвалил на них пленных.

– Не хотелось бы с тобой Пётр Дмитриевич в бою встретиться, – Пырьев обвёл рукой побоище. – Двадцать пять убитых и двое пленных.

– Так ты в бою моей стороны держись, – засмеялся Пожарский. Отпустило. Теперь будет адреналиновый отходняк, – Поехали. Сдадим царю добычу.

По дороге столкнулись с санным поездом. Впереди на знакомом вороном кохейлане ехал батянька – князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Ну, вдвоём с одним связанным Колтовским справиться проще.

Событие восемьдесят второе

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков ехал верхом на своём кауром жеребце за возком патриарха. Он устал за долгую дорогу из Троицко-Сергиевой Лавры. Они спешили. Через два дня свадьба. Единственную остановку на ночь сделали в Мытищах. Причём в путь тронулись ещё затемно. Вот и Москва.

Князь ни минуты не сомневался, что эта свадьба будет. Уже после немыслимой цены подарков, что прислал ему тогда ещё маркиз Пётр Дмитриевич Пожарский, стало всё ясно. Такие подарки просто так не присылают. Достоянная ли это была партия для его Марьюшки? Конечно род Долгоруких знатнее Пожарских. Кто знал о князе Пожарском до прибытия второго ополчения в Москву? Нет, с предками у этого рода было всё в порядке. Родоначальником князей Стародубских позже Пожарских был Иван Всеволодович – младший сын Великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо. Куда уж выше. Истинные Рюриковичи. Но хирел постепенно древний род и ко времени смуты почти и забыли о нём. Но сначала появился Дмитрий Михайлович во главе второго ополчения, а потом напомнил о себе и его родственник Роман Петрович Пожарский. Он выиграл все битвы, куда бы его ни посылали. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский послал князя Романа Петровича в Суздаль по просьбе жителей. Роман Петрович разбил польские войска и освободил город. На следующий год Роман, будучи воеводой в Суздале выдвинулся на соединение с Иваном Никитичем Одоевским, и вместе разбили ляхов под Тулой. В апреле 1613 года князь Иван Одоевский выступил против «воровского» атамана Ивана Заруцкого, с которым находилась бывшая царица Марина Мнишек. Вдвоём с Романом Пожарским они разбили Заруцкого и тот, бросив войска, бежал в Астрахань, где и был схвачен. За победу под Воронежем князь Роман Пет-

рович был пожалован деньгами и землями.

Нет. Теперь род Пожарских в чести у Государя. Даже не так. Старшие представители рода были в чести. С Петром Дмитриевичем всё сложнее. По влиянию на Государя он сейчас как бы и не выше патриарха и старицы Марфы. Государь глотку порвёт за него. Любому. Эти диковины из Пурецкой волости свели всё государство с ума. Всем хотелось иметь что-нибудь из Вершилова. Только как отрок в тринадцать лет смог за два года столько всего наделать. Немцы? Только немцев и в Москве полно, и в том же Нижнем Новгороде до прибытия туда зятя было немало. А вот без него не двигалось ничего. Сейчас, по слухам, золото возами в Вершилово каждый день везут. Владимир Тимофеевич сам был в Вершилово, и целый день протирали глаза, не доверяя им. Это была какая-то сказка. Так это год назад. Сейчас патриарх говорил, что достроен великий храм и какие-то Академии. Откуда, что взялось? Страшно.

Будет ли дочка счастлива с Пётром?

Прервала ход мыслей боярина толпа у Спасских ворот. Вот так-так, зятёк. Увиденное напоминало дурной сон. Двое Пожарских стягивали с лошади боярина Колтовского, связанного по рукам и ногам. Пётр был весь в крови. Рядом с ним был тоже весь в крови с головы до ног стрелец Иван Пырьев, тот самый, которого царь привёз из Вершилова для того, чтобы он научил стрелецкие полки играть в футбол. Даже и первые матчи уже состоялись.

Рядом с Пожарскими был Государь с дьяком Фёдором Борисовым и князем Борисом Салтыковым. А вокруг уже стрельцы отодвигали от царя собирающуюся толпу. Князь Долгоруков спрыгнул с коня и бросился к возку патриарха, помочь старому другу вылезти из-под медвежьей полости. Стрельцы, сопровождающие их в Лавру, создали коридор в толпе, дали возможность патриарху Филарету и князю Долгорукому протиснуться к месту разворачивающегося действия.

Великий Государь, уткнув отобранную у кого-то плеть в грудь боярина Колтовского, шипел на него.

– Ты, холоп, посмел на Петрушу руку поднять! Я тебя два года назад простил, послушал думу боярскую. Нужно было ещё тогда за твоё местничество и угрозы Петру Дмитриевичу в Тобольск закатать. Ну, да ничего, теперь Тобольском не отделаешься, – царь хлестанул плёткой по лицу Колтовского.

Ещё не до конца разобравшись в ситуации, но осознав, что Колтовский хотел убить его зятя Петра Дмитриевича и лишит дочку счастья, князь Владимир Тимофеевич подскочил к татю и со всего своего богатырского замаха вдарил тому по роже. Колтовский тоже был не слабого телосложения, но уж больно рассвирепел Долгоруков. Связанного отбросило на пару метров. Владимир Тимофеевич выхватил из-за пояса кинжал и бросился на врага, но вдруг легко был остановлен зятем. Сколько же силы в этом отроке.

– Всё хорошо, князь Владимир, – встряхнул не сильно боярина, успокаивая его, юноша, – Пусть дума боярская и царь батюшка его вину определяют.

Князь Долгоруков ещё сверкнул глазами на паршивую овцу, но заставил себя успокоиться. И, правда, судить надо, и судить сурово, чтоб другим неповадно было. Дальше была поездка всех присутствующих сильных мира сего на подворье боярина Колтовского. По дороге дьяк Борисов шепнул Долгорукову, что людишки этого Иуды захватили князя Пожарского меньшого и стрельца Пырьева и, избив, бросили в поруб, но этим двоим, удалось выбраться, побить холопов Колтовского и, связав, привезти татя к Кремлю, где и столкнулись с, объезжающим кремлёвскую стену для определения качества ремонта, царём.

На подворье стоял плач и ор баб. И было с чего, весь двор был завален трупами боевых холопов и боярских детей. Мёртвые были в кольчугах и сабли их валялись по всему двору, да, жуткая была сеча. Стоп. Эти двое зарубили почти три десятка одоспешенных и вооружённых воев. Князь слышал от Петра про казацкие ухватки и даже видел тренировку, когда был в Вершилово. Но вдвоём. Ох, непонятный выюноша ему в зятя достался. Страшно такого во врагах иметь. Вон как царь на жену Колтовского зыркает. Вот что! Пожарский сына боярина в схватке зарубил. Туда щенку и дорога. Значит, не сядет на кол.

А ведь послезавтра свадьба, а у Петра вон голова забин-

тована. Ну, Иван Александрович Колтовский, костями лягу, а доведу суд до кола.

Событие восемьдесят третье

Княжна Мария Владимировна Долгорукова была избавлена от целой череды совершенно необходимых действий перед свадьбой. Не было смотрин. Показ невесты происходил различным образом. Иногда смотрительницу вводили в убранную комнату, где невеста стояла в лучшем своём наряде с лицом, закрытым покрывалом; иногда же невеста сидела за занавесом, и занавес отдёргивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась с нею по комнате, заговаривала с нею, стараясь выпытать, умна ли она, хороша ли, «не безъязычна ли и речью во всем исполнена».

Жених не имел права сам видеть невесты до брака и, следовательно, должен был довольствоваться теми известиями о ней, какие передавала ему смотрительница. Он узнавал обман не прежде, как после венчанья. Обманутый жених мог жаловаться духовным властям, производился розыск, спрашивали соседей, знакомых и дворовых людей, и если обман открывался, то виновного наказывали кнутом и брак расторгали, но это случалось очень редко, гораздо чаще подводили дело так, что жених поневоле должен был жить со своею суженой, и ему тогда говорили позднее нравоучение:

«Не проведав же подлинно, с кем будешь жить, не же-

нись!»

Но Мария с Петром виделась два раза, и сочли царь с ба-
тюшкой это лишним. Раз уж жених видел невесту, то на что
ещё «смотрительница». После смотра происходил сговор –
первая часть брачного праздника или вступление к торже-
ству. Сговорный день назначался родителями невесты. Ро-
дители жениха, сам жених и его близкие родственники при-
езжали к ним. Тут родители невесты принимали гостей с по-
честями, выходили к ним навстречу, кланялись друг другу
до земли, сажали гостей на почётных местах в переднем углу,
а сами садились подле них. Несколько времени они молчали,
глядя друг на друга – так следовало по приличию. Потом же-
нихов отец или его старый родственник говорил церемони-
альную речь и в ней выражал, что они приехали для доброго
дела, а родители невесты отвечали, что рады такому приезду.
Тогда составлялся уговор, писалась рядная запись, где озна-
чалось, что обе стороны постановляли, что в такое-то время
жених обязывался взять себе в жену такую-то, а родствен-
ники должны были её выдать и дать за ней такое-то прида-
ное. И тут не получилось. Князь Дмитрий Михайлович был
на воеводстве в Великом Новгороде и путь до Москвы был
не близок. Сам же Пётр был ещё дальше – в Нижнем, и на-
писал царю, что выехать может только после Рождества, а на
всю свадьбу у него будет не больше недели. Патриарх и ста-
рица Марфа поворчали для приличия, но решили, что Ми-
хаил возьмёт и это действие на себя. Вершилово, принося-

щее половину всех денег в казну, было важнее условностей. Понял это и князь Владимир Тимофеевич Долгоруков. Размер приданного, в пять деревенок во Владимирской губернии и две деревеньки недалеко от Смоленска, как раз на новой границе, боярин обсудил с Государем. Михаил подумал, вспомнил Вершилово и от себя добавил пять деревенок рядом со смоленскими вотчинами Долгоруких.

Повелось в обычае, что жених перед свадьбой посылал невесте в подарок шапку, пару сапог, ларец, в котором находились румяна, перстни, гребешок, мыло и зеркальце, а некоторые ещё принадлежности женских работ: ножницы, нитки, иглы, а вместе с ними лакомства, состоявшие в изюме и фигах, и розгу. Это было символическим знаком того, что если молодая жена будет прилежно работать, то её станут за это кормить сладостями и баловать, а иначе будут сечь розгами. От этого Пётр отвертеться не смог, но прислал, так уж прислал. Сам отправился к царю, а невесте отправил со стрельцами подарков на трёх возах. Всё чем Вершилово славилось отправил. Одного фарфора было столько, что можно Смоленск или Чернигов у ляхов выкупить. А шоколадные конфеты, которые на Руси пробовали только царь да родители его. Ну, не считая тех, кто их в Вершилово делал. И мыло было под стать в фарфоровой шкатулке с ароматом роз. Травницы почти весь свой запас лепестков шиповника от щедрот на это дело отсыпали.

День перед свадьбой начался для Марии и её подруг с по-

хода в баню. Девушки сами истопили баню и для придания особой праздничности украсили её зелёными ветками. Дворовые провожали их с песнями, бубном и дудками. Родители благословили невесту иконой «напар». Процессию возглавляла крестная, которая «разметала дорожку» от нечисти. Главным здесь было расплетание косы невесты.

Радость от предстоящего замужества приходилось скрывать, и процесс сопровождался горестными песнями. По возвращении из бани мать невесты Марфа Васильевна попотчевала всех свежепомытых брагой и затем благословила невесту.

Но главным занятием для невесты и её подруг в этот вечер было нарядить бантиками и разноцветными бумажками маленькую ёлочку, а затем выгодно продать это произведение искусства жениху и его друзьям. Стоило это рукотворное чудо не только денег, но и угощения. Друзей у Петра не было и он заявился за «кустом» с двумя младшими братьями и Романом Петровичем Пожарским дальним родственником. Называлось это обоюдовыгодное торговое мероприятие «выкупать куст». Эта ёлочка являлась символом красоты невесты. Считалось, что красоту, а слово это обозначало девичью свободу, девушка теряла, выходя замуж. Жених должен был хранить ёлочку до следующего дня и поставить её на свадебный стол. «Красотой» служили и ленты. Во время девичника Мария «сдавала красоту» – раздавала подругам

ленты, а те, в свою очередь, отрывали кисточки от любимой праздничной шали девушки и привязывали к своим украшениям – на счастье.

Пётр не пожадничал и здесь. Всем подругам невесты досталось по новенькому золотому червонцу, а самой Марии золотая корона с зелёным смарагдом. Корону Пётр украл у эльфов.

Рубенс, Прилукин и ван Дейк целый день трудились превращая в эскиз объяснения Петра. А Лукаш Дониц, увидев рисунок, лишился речи на несколько минут.

– Можно мне потом начать делать такие короны для продажи в Европе, – закатив глаза, попросил чех.

– Да, пожалуйста. Условия известны. Только не надо продавать это в Москве до свадьбы, а то мне стыдно будет перед невестою, – Пётр ещё отойти не успел, а художники уже обложили ювелира и стали с ним о чём-то шептаться. Понятно у всех есть жёны и дочери. Ему не жалко. Если у ювелиров есть работа и деньги остаются в Вершилово, то значит, всё что он делает – правильно.

Сейчас корона сработала. Подруги невесты: сёстры и боярышни самых знатных родов Москвы стояли и смотрели на это чудо со слезами на глазах. Мария же боялась надеть это на голову. Снимут с головой. Да и кокошник куда девать. Придётся уже в горнице перед подругами красоваться. На угощения Пётр подготовил те же конфеты шоколадные,

но уже с начинками разными. Вкуснятина.

Блин. А ведь завтра ещё и свадьба. Пётр надеялся, что не наделает каких либо глупостей. От прежнего Петра ничего в памяти о свадьбах не было. Видно не принимал он участия ни в одной из них. Что ж, будем крутиться.

Событие восемьдесят четвёртое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей настёгивал коня. Торопился. Расстояние от Москвы до Новгорода Великого чуть более пятисот вёрст или 490 километров. Пётр опасался, что его люди уже давно в Новгороде ждут, а он, понимаешь, с молодой женой прохлаждается.

Свадьба длилась три дня. Неожиданно оказалось, что в сумме Пожарских и Долгоруких огромное количество. Да плюс ещё половина боярской думы. Пришла бы и вся дума, но не позвали. Обидели, наверное. Как же, сам Государь пировал на свадьбе два дня. Тот князь Пожарский, что из книг, бессребреник и радетель за отечество, после такой свадьбы разорился бы. Пётр заранее выделил на это мероприятие десять тысяч рублей, просто сумасшедшие для Руси деньги. Вот их еле-еле хватило. Где бы мог Дмитрий Михайлович такие деньжищи взять. Но ведь это ещё только деньги. А ещё подарки гостям и новым и старым родственникам. Хрусталя и фарфора ещё на двадцать тысяч ушло. Теперь эта свадьба точно в летописи попадёт. И будут её школьники в СССР разбирать как показатель разделения общества на богатых

и бедных. Несправедливое разделение. На рубль можно корову купить.

Купить можно. Только корове нужен хлев, сено, уход и так далее. Пётр на своей шкуре убедился, что просто дать крестьянину две коровы и две козы и две лошади, это значит погубить того. Он не накопит столько сена. Он не построит такой большой хлев. Пожарский два года бился вместе с Полуяровым и старостой Коровиным, чтобы спасти положение. Косы помогли. Крестьяне стали почти накашивать на две коровы. Всё равно приходилось по всей губернии скупать корма. На второй год стали делать силосные ямы. Ещё чуть полегчало. И один чёрт все стрельцы половину лета помогали крестьянам и на покосе и на уборке злаковых. Не зря студентов в Союзе гоняли на уборку картошки в колхозы. Нужна механизация. Пётр, уезжая на войну, собрал всех своих «инженеров» и как мог, рассказал принцип работы сеялки и жатки. Нарисовал плоскорез и борону. Может, хоть на третьем лето аврала не будет. Хотя, будет. Пока всё это изобретут и обкатают, пока костных русских крестьян к новшествам «немецким» приучат несколько лет пройдёт.

Правда, были и положительные примеры. Зажиточные, работающие крестьяне стали на страду нанимать подростков в Нижнем Новгороде. Так сказать, становление кулаков. Пётр не видел в этом ничего плохого. Ребятам труд на свежем воздухе и помощь родителям, а «кулакам» ещё один шаг к безбедной жизни.

Отрицательные примеры тоже были. В Вершилово, а теперь уже и во всей Жарской и Пурецкой волостях пьянство победили, но лодырей и неумех хватало. Так вот большевики и появляются. Руками работать не можешь и начинаешь работать ртом – агитировать. Пришлось ещё два уха отрезать принародно. «Не можешь – научим. Не хочешь – заставим». Это самый лучший слоган для Вершилова.

Пётр отогнал крестьянские мысли и вернулся в них к свадьбе и медовой неделе. Понятно, месяца у него не было. Княгиня Мария Владимировна Пожарская оказалась нимфоманкою. Она просто не выпускала Петра из постели всю эту неделю. Только обязанность ходить в гости к новой и старой родне, да приглашения от царя и патриарха Филарета заставляло княгиню одеваться. Ну, надевать на себя почти килограмм золота княгине тоже нравилась. Она чётко осознала, что теперь самая богатая женщина в мире. Может бывшая испанская королева Маргарита Австрийская и могла бы с ней потягаться, но, увы, уже умерла. Анна Австрийская жена короля Франции Людовика 13 была ровесницей и единственной конкуренткой, но Франция была ещё не та. Отпустила в поход мужа Мария с крокодиловыми слезами. Разлука на целых два месяца, это кошмар.

Батюшка с матушкой тоже брови хмурили, как так, бросать молодую жену через неделю после свадьбы. Что это за поход такой. Кому он нужен. Пётр крутился как вошь на гребешке. Тяжёлый разговор состоялся с отцом на третий

день после свадьбы.

– Зачем же ты такой дальний поход затеял? – спросил старший Пожарский, усаживая Петра на лавку напротив себя.

– Нужно научиться преодолевать большие расстояния быстро, – попытался объяснить Пётр.

– Что значит быстро?

– Вёрст по пятьдесят – шестьдесят в день.

– Каково же войско у тебя? – недоверчиво сощурился князь.

– Двести пятьдесят человек.

– Нет. Это чуть не половина полка. Нет, по пятьдесят вёрст не осият.

– У меня все одвуконь и кони не лошадки заморённые, а откормленные и обученные. Кроме того провиант везём на саях парой запряжённых. И самое главное, выделено два десятка, которые едут чуть впереди и разбивают лагерь для остальных, палатки ставят и еду в полевых кухнях готовят ещё в пути.

– Что ставят, где готовят? Ты, Петруша, эти свои немецкие слова поясняй. Вот ведь нахватался от этих басурман. Вроде бы по-русски говоришь, а ничего не понятно.

– Палатки – это шатры такие из специальной ткани, пропитанной соком одуванчика. Они становятся непродуваемые и непромокаемые.

– Да, ну? Опять немцы придумали.

– Немцы, – согласился Пётр, – А «полевая кухня» – это такая печь с котлом медным, установленная на большие сани. Печь можно топить прямо на ходу и, когда войско прибывает на привал, еда уже готова. Не надо каждому свой костёр разводить, поел горячей каши с мясом, отдохнул, коней накормил, напоил и снова в путь. Так по пятьдесят вёрст и получается.

– И что войско от Москвы до Новгорода за десять дней дойдёт?

– Конечно, дойдёт. И при этом не будет ни больных, ни отставших. С войском едут в специальных санях два доктора с запасом бинтов и трав лекарственных. Если, кто простынет или другая хворь приключится, то есть специальный крытый возок для них. Скорость при этом не снижается.

– Поглядеть бы на это. На словах лепо, а как на самом деле.

– Вот для этого я поход и затеял.

– Ладно, езжай, благословляю. Только на обратном пути нас-то не застанешь. Мы с Прасковьей Варфоломеевной через седмицу назад в Новгород Великий уедем. Как же Машенька одна тут останется?

– Отец, может, оставишь Фёдора и Ивана. Я их к себе в Вершилово заберу, пойдут в школу и воинскому искусству у моих сотников и воевод поучатся. Фёдор уже в тех же годах, что я был, когда меня Государь в Вершилово отправил, а я спытал его вчера на саблях. Слаб и не умеет ничего.

– Ишь ты, спытал он. Видел я, что за побоище вы со стрельцом устроили у Колтовского. Кто же тебя так драть-ся научил?

– Лях у меня воеводой, зовут пан Янек Заброжский. Только теперь он русский дворянин, Государь ему деревеньку пожаловал за обучение в Вершилово стрельцов и рейтар немецких воинской науке.

– Так у тебя и рейтары есть?

– Полная сотня, вся тоже одвуконь и одоспешена в толедскую броню.

– Сотня? Где же ты взял столько? – Пожарский старший недоверчиво покачал головою.

– Я хитрость придумал. Ко мне из Европы приезжают художники и учёные с семьями, я им говорю, чтобы они в сопровождение рейтар набирали получше и подороже которые, а уже в Вершилово я их уговариваю мне послужить пять лет за десять рублей в год.

– И, правда, хитрость, – Дмитрий Михайлович уважительно посмотрел на сына, – Нужно с матерью посоветоваться насчёт Феди, а Иван мал ещё, только семь годков стукнуло.

– У меня все дети в Вершилово с семи лет в школу идут и их учат лучшие учёные Европы. Самое лучшее образование в мире сейчас дают с Вершилово. Дети, которые сейчас учатся в третьем классе, уже тремя иностранными языками владеют.

– Так ты всё время в разъездах, кто же за дитём присмот-

рит? – не сдавался князь.

– Верно, летом опять на Урал поеду, Федю с собою возьму, а Иван с Машей останется. Слушай, батя, а что если тебе воеводой не в Великом, а в Нижнем Новгороде быть. Поменяетесь с князем Прониным. Тогда и сестры в Вершилово могут в школу пойти, – осенило Петра.

– Хм, подумать надо. Только я думал после Новгорода в Москве обосноваться, – не нравилась князю эта идея сына.

– Что здесь в Москве делать, сплошные склоки боярские. Всё решают, кто знатней, вместо того как Руси больше пользы принести. Таких как ты, раз-два и обчёлся. Я думаю, что царевну Марию Хлопову не иначе Салтыковы отравили. Ей просто повезло, здоровье хорошее, а отравители не опытные. Боюсь, Машу здесь оставлять, тоже ведь попытаются отравить. Чай стать княгиней Пожарской сейчас выгодней чем царицей, как же, у её мужа денег несчитанно, – Пётр скрипнул зубами.

– Ты, полегче, Петруша. Салтыковы сила, – даже оглянулся князь, – Это тебе не Колтовский.

– Хочешь, я с царём поговорю о твоём переводе в Нижний Новгород, – не сдавался сын.

– Разговаривать я и сам умею. Хорошо, будь, по-твоему, посоветуюсь я с Прасковьей Варфоломеевной, – неожиданно сдался Пожарский, – А Машеньку давай со стрельцами в Вершилово после твоего отъезда я отправлю. И впрямь дома ей лучше будет.

Оп-па. Там ведь три турчанки с детьми, а дворец ещё не достроен. Хотя. Напишу письмо Крчмару, пусть терем срубят ещё один в «Рублёвке». Так теперь называется место, где интеллигенция в Вершилово живёт, но не от слова «рубль», а от слова «Рубенс». Он там аксакал.

Решения матери Пётр не дождался. Пора на войну.

Событие восемьдесят пятое

От Новгорода Великого до крепости Ям, которая потом станет Ямбургом, а ещё позднее Кингисеппом в честь какого-то революционера, меньше двухсот вёрст. До Луги доехали за два дня. Лошади и люди немного отдохнули в Новгороде, пока два дня дожидались припозднившегося князя с десятком Бебезяка. В Луге всем сказали, что идём на Псков, а оттуда домой. На самом деле тронулись по дороге на Нарву. Но до Нарвы не доехали. В одном из последних сёл на русской земле нашли охотника, который за пять рублей согласился провести лесными дорогами до Яма. Но увидев большие возы и полевые кухни, охотник передумал и повёл отряд прямо по льду замёрзшей реки Луга. И только подойдя к крепости на расстояние в десять вёрст, свернул в лес. Здесь на небольшом холме расположилась село Большая Пустомержа. Оно в основном и снабжало продуктами шведский гарнизон крепости Ям. Чуть к северу была ещё деревенька Алексеевка и к северо-востоку, тоже не далеко село Ополье. В Алексеевке было десять дворов в Ополье двенадцать,

а в самом Пустомержье насчитывалось дворов двадцать. Поселения эти были как бы ничьи. Они обязаны были снабжать гарнизон крепости всем необходимым по определённом списку. Но шведы грабили крестьян и по списку и без него. Деревеньки пустели, люди пытались, отчаявшись, бежать на Русь. Чаще всего шведы догоняли на конях беглецов и выпоров отправляли домой ещё и ограбив для острастки.

Пётр посчитал, в трёх деревнях получалось около двухсот человек. Он переговорил со старостой Большой Пустомержи о шведах. Гарнизон крепости насчитывал около сорока человек, но три дня назад туда прибыл отряд из двух десятков драгун. В самом гарнизоне имелось девять лошадей. Команданта крепости звали Ноэль Ардвидссон. Был ещё один офицер Малте Викстрём. Про посты и часовых Фрол Смагин – староста села Пустомержи ничего не знал, но уверенно заявил, что ворота на ночь закрывают, а мост через ров поднимают.

– А неужто вы со шведом воевать пришли и нас от них освободите? – неуверенно переваливаясь с ноги на ногу, спросил староста.

– Нет, Фрол, не будем мы вас освобождать. И не русские мы, а ляхи. Но, я тут сам по себе и могу вас забрать с собой на Урал камень. Дам всем земли, сколько сможете вспахать, две коровы, две козы, две лошади и дом с двумя печами, что по белому топятся, построю и баню с такой же печью и коровник с конюшней. Будете вы люди вольные и от вас мне

ничего кроме десятины на церковь и десятины на развитие вашего же села не нужно.

– На сказку больно похоже. И какие из вас ляхи. Что я ляха от русского не отличу. Одеты вы и, правда как ляхи, и рейтары – настоящие немцы, и татары настоящие, а только одно русские.

– Слушай Фрол. У Руси сейчас мир со шведами и если мы его нарушим, то они на Русь ополчатся, а здесь и войск наших нет. А вот если на них Речь Посполитая нападёт – это совсем другое дело. А чтобы ты в мою сказку поверил дам я каждой семье прямо сейчас десять рублей, чтобы вы по дороге продукты покупали и одежду. Всё хозяйство здесь надо бросить. Кроме лошадей. Коров и прочую живность нужно забить на мясо, чтоб в дороге питаться. Весь инструмент и много ещё чего получите на месте.

– Ох, больно сладка сказка, – опять покрутил головой староста, – А зачем тебе это?

– Я там город построил, люди будут железо и медь плавить, но их нужно продуктами снабжать, а может, кто и сам захочет металлургом стать или рудознатцем, научим, поможем.

– Далеко ли рай тот отсюда? – уже более заинтересованно спросил Смагин.

– Далеко. Если завтра выезжать, то только к весне приедете. Сани у нас здесь недалече стоят. Сто саней. Все три деревни увезём, – Пётр ради этих людей и затевал всю авантю-

ру. Шведов побить радость не велика, а вот в Миассе на двести человек население увеличить – это замечательно.

– А шведы?

– А шведов мы ночью вырежем.

– Так в крепости они.

– Ну, это они так думают.

– На стену без шума не забраться, да и караулы перекриваются по ночам.

– Вот и хорошо, значит, будет слышно, где сейчас часовой.

– Значит завтра выезжать? А гарнизон в Ивангороде?

– Вырежем.

– Там сто человек без малого.

– Будет сто мертвецов без малого.

Фрол уже вполне освоившийся с непонятным «ляхом», хохотнул и пошёл разговаривать с мужиками о переезде.

– Нас ведь после того как вы уйдёте швед от злости одно всех поубивает, но подумать надо, как без этого. А одиннадцать рублёв дашь?

– Тебе двадцать, если всех до единого уговоришь.

– Побёг я.

Событие восемьдесят шестое

Иван Пырьев уговорил Пожарского взять его с собой. Воспротивился, было, Государь, но князь как-то сумел его уговорить. И вот Иван вместе с десятком Бебезяка, своим старым десятком и Петром Дмитриевичем сидели под стенами

крепости. План разработали с вечера. Все двадцать два человека имели кошки. Десяток Бебезяка был вооружён луками и метательными ножами. Десяток Ивана вооружился малыми арбалетами и тоже прихватил по десятку метательных ножей. Ждали смены караула. По словам местного, старосты шведы меняются каждые два часа.

Ну, вот залопотали, слышались шаги, потом разговор стал удаляться. Было холодно, но валенки и тёплые полушубки, накинутые поверх ляшской формы, помогали.

– Пошли, – скомандовал негромко Пожарский.

Иван бросил свою кошку. Громко-то как. Но и на это был расчёт. Пока десяток Ивана забрасывал кошки и карабкался вверх на шестиметровую стену лучники Бебезяка стояли, чуть отойдя от стены с натянутыми луками. На стене оказалось трое часовых, все они не спали и слышали скрежет железа о камень. Все пошли посмотреть, перегнулись через край стены и обзавелись несколькими лишними отверстиями в голове и шее. Ну вот, теперь десяток Ивана зарядил арбалеты и ждёт, пока вскарабкаются лучники и князь.

– Идём осторожно вдоль стены до поворота. Иван, твой десяток вправо. Остальные за мной влево, – князь повёл десяток Бебезяка за собой.

Встретились через десять минут на противоположной стене. Всего шведов на стене было восемь. Теперь их под стеною столько же. По одному было в надвратных башнях. Должны

были бдеть, а они разговоры разговаривали. Так со стрелами в глазу и не успели договорить.

Внутри стояла церковь и несколько деревянных барачков. Во всех топились печи. Во внутреннем дворе детинца тоже стоял пятистенки. Скорее всего, там и обитало шведское начальство. Князь поманил с собою Ивана и Бебезяка. Они спустились по каменной лестнице внутрь детинца и короткими перебежками двинулись к дому. В затянутых пузырями окнами виден был свет. В доме не спали и, судя по хохоту и громкому разговору, там шла гульба.

Иван достал два метательных ножа и приготовился. Князь сделал то же. Бебезяк наложил стрелу на тетиву.

Дверь ударом ноги вышиб ногай и отскочил в сторону, освобождая обзор. Внутри было четверо. Все в военной жёлто-поносного цвета форме. Они повернулись к двери и двое тут же поймали в глаз нож. Пока пьянчужки оставшиеся в живых соображали, что же происходит, свистнуло ещё два ножа. Ну, вот теперь нужно уложить их так, чтобы одежду кровью не залило. На этом князь настаивал особо. Форма шведская им ещё пригодится.

Теперь уже все вместе двинулись по направлению к казармам и у самых домов наткнулись на парочку, выскочившую по нужде. Вжикнули стрелы, и шведы завалились на спину. Этим тоже поправили, уложив головой вниз по возможности.

– Иван, возьми двоих, и проверьте конюшни, может там, у лошадей кто есть, мы подождём.

Пырьев махнул рукой двоим ближайшим и, пригибаясь, устремился к конюшне. Пожарский оказался прав. На ворохе соломы какой-то швед насиловал крестьянскую девку, та уже даже не кричала, привыкла и смирилась, наверное. Похотливый урод даже не услышал, как подошёл Иван и сунул ему нож под лопатку. Теперь и не услышит. Стрелец зажал девке рот, чтобы не завопила и, сбросив с неё шведа, прошептал.

– Свои мы девонька. Одевайся и главное не кричи. Утром домой пойдёшь.

Дальше было просто, заходили в казармы и вырезали спящих. Только в последней поднялся шум, но брошенные ножи крикунов успокоили.

– Всех шведов раздеть и выволочь на двор, – велел Пожарский и, прихватив с собой Ивана, пошёл обходить двор крепости.

Когда собрали все трупы, в том числе и рухнувших со стены, то оказалось, что шведов было шестьдесят три человека. Князь послал одного из стрельцов в деревню за возами, нужно забрать всё оружие и одежду. Найденный порох тоже пригодится. Увидев несколько десятков бочонков, князь усмехнулся и велел Ивану подвесить один бочонок в камине офицерского дома в детинце.

– Сюрприз будет, – сказал он, непонятно улыбаясь.

Со стен сняли семь пушек. Только стволы. Деревянные лафеты в Вершилово, если надо и сами сделаем. Ещё и солнце зимнее не взошло, а крепость уже покинули. Посреди двора

лежала гора раздетых шведов и красно-бело-красный штандарт Речи Посполитой.

Событие восемьдесят седьмое

Янек Заброжский смотрел на въезжающих в село участников ночного захвата крепости Ям и считал их про себя. Все были на месте. Даже ни одного раненого. Только что, эти люди сделали то, чему их учили два с лишним года. Они захватили неприступную крепость, не потеряв ни одной минуты и ни одного человека. Зачем пушки на стенах, зачем огромные запасы продовольствия и пороха? Зачем в крепости вообще гарнизон? Нет больше крепостей. Стоп. Так воевать могут только триста человек во всём мире. И насколько известно Янеку, князь Пожарский не собирается учить этому ни кого больше. А значит, весь мир будет и дальше тратить огромные деньги на строительство крепостей, на литьё дорогущих пушек, на создание запасов пороха. Пусть тратят и играют в игрушки, пока это не касается князя Пожарского. Если же это его коснётся, то он просто придёт и без единого выстрела захватит любую крепость. Да, при захвате большого города будут потери, но результата это не изменит.

Все штурмовавшие крепость возвращались на лошадях, в конюшнях Яма оказалось три десятка лошадей. Янек в лошадях разобрался и сразу выделил взглядом десяток очень хороших жеребцов. Настоящий боевой конь, явно не боявшийся выстрелов из пушек и мушкетов. Знатная добыча.

А ещё было десяток возов с порохом и различным оружием, да ещё и семь пушек. Поход уже можно было считать удачным.

Весь день на своих еле телепающихся лошадках съезжались крестьяне из трёх ближайших к Яму поселений. Уезжали все. Набралось сорок три семьи. Пожарский ещё утром отправил за сотней возов, что они тащили за собой от самого Вершилова. Вот они были зачем нужны, перевезти будущих жителей Миасса. Собирались крестьяне долго, потом долго выспрашивали у Пожарского о своей дальнейшей судьбе. Князь лично выдавал главе семьи десять рублей серебром и заверял, что все, о чём говорил с ними староста Фрол Смагин, будет выполнено.

Только утром следующего дня огромный обоз потянулся по направлению к Пскову. Назад решили возвращаться не через Новгород, а через Псков и ближе и дорога ближе к границе Речи Посполитой, что тоже работало на версию, будто шведов побили поляки.

Крестьяне поехали в одну сторону, а отряд князя Пожарского в другую, к Ивангороду. До него, по словам местных жителей, было всего двадцать пять вёрст. Как раз к темноте доберёмся.

Со слов старосты выходило, что высота стен там в два раза выше, чем в Яме и со стороны реки Наровы там не подойти берега обрывистые. Пожарский покачал головой и почти

про себя проговорил: «Зачем нам лезть на стены, мы пойдём в ворота».

Крепость показалась уже в вечерних сумерках. Пожарский дал команду отойти под защиту леса и разбивать лагерь. Все-таки это удивительное изобретения полевые кухни. В дороге кашевары топили печи, и сразу после того как отряд разбил лагерь, десятники потянулись к кухням за горячей кашей. Что может быть лучше, чем горячая полная мяса каша на февральском морозе. Лучше могут быть только палатки, пропитанные секретным составом, после чего они стали непромокаемые и не продуваемые ветром.

Утром те же двадцать человек переоделись в шведскую форму и, дождавшись, когда опустят мост в крепости и поднимут решётку ворот, неспешно двинулись к неприступной твердыне на берегу реки Нарвы.

Событие восемьдесят восьмое

Пётр Дмитриевич Пожарский подъезжал к крепости с двойственным чувством, с одной стороны он испытывал гордость за русских мастеров, что воздвигли это чудо фортификации, с другой горечь, что второй раз захватить эту твердыню таким наглым образом не получится. Ну, ещё и сейчас не получилось. Стены Ивангорода возвышались над землёй метров на пятнадцать – это целый пятиэтажный дом. Да и шириной, по разговору с мужиками из приватизированных деревень, были как раз с тот самый дом. Да ещё ров.

Как можно взять такую крепость?

Но это будущее, сейчас мост через ров был опущен, ворота открыты настежь и решётка поднята, заезжай, дорогой товарищ. На обеих надвратных башнях шведские мушкетёры приветливо махали руками. Те защитники крепости, что стояли у ворот и на мосту, тоже махали руками. Ждут. Князь Пожарский ехал во главе отряда из десятка Бебезяка и десятка Ивана Пырьева, вернее десятка Бороды, но чуть переиначенного и без самого десятника, он сейчас командовал второй сотней. За «шведскими» драгунами следовало пять возов нагруженных под завязку. Встречающие надеялись на продукты животноводства и растениеводства, но на их несчастье в возах находились прикрытые рогожей стрельцы в польской форме, по пять человек в каждом. Остальные стрельцы числом семьдесят пять стояли на опушке леса в полкилометре от крепости. Рядом с ним была сотня рейтар под командованием Виктора Шварцкопфа и два десятка служилых татар под началом князя Разгильдеева. Стрельцами командовал сотник Иван Малинин. Янек Заброжский ехал рядом с князем.

Шведы заподозрили неладное слишком поздно, да и то не все. Не увидели знакомых рож и попятнулись мушкетёры во главе с офицером, что вышли за ворота на мост. Всё медлить было нельзя.

– Огонь, – скомандовал князь Бебезяку, а сам прищпорил коня.

Лучники выхватили по две стрелы, одну в зубы другую на тетиву. Вжик, и одиннадцать стрел улетели искать поживу. Вжик, улетели следующие. Пожарский видел, как вокруг падают шведы, но было не до них, нужно быстрее оказаться по ту сторону ворот и предотвратить попытку опустить решётку. Десяток Ивана Пырьева не отставал ни на шаг. Всё, теперь уже внутри. Двое шведов, пытались выставить копья, но одного достал саблей лях, а второго срезал сам Пётр. Теперь соскочить с лошади и быстрее наверх, к механизмам. Зря спешили, стрелки Бебезяка успокоили почти всех, только один мушкетёр с обломанной стрелой в правой руке, левой пытался разблокировать ворот, что поднимал решётку. Не успел. Нож, брошенный Пожарским с десяти метров, зашёл точно под основание черепа.

– Проверь всех, раненых добей, только мундиры зря не пачкай, – бросил Пётр Пырьеву, а сам устремился на стену, извлекая из-под шведского мундира красно-бело-красный флаг Речи Посполитой. С оставленными в лесу основными силами была договорённость, что они выезжают из леса только когда увидят на стене польский флаг. Князь сорвал с флагштока сине-жёлтое полотнище шведов и водрузил на его место своё. И даже позволил себе посмотреть на выезжающие из леса сотни. Через несколько минут будет подкрепление.

Пётр сбежал вниз, стрельцы занимали круговую оборону вокруг ворот, лучники Бебезяка поднялись на стены с обеих

сторон надвратных башен. Теперь обойти и атаковать сверху у шведов не поучится. Шведы уже били тревогу, но как всегда в неразберихе нашлось несколько человек, которые бежали с саблями в поднятой руке над головой к воротам. Самые смелые или самые глупые? Не добежали. Упали. Минус шесть. Да десятка два положили у ворот. Должно остаться человек семьдесят, если те два десятка конных, что положили в Яме не из числа местной сотни. Тогда останется всего пятьдесят. На один зуб.

Шведы, наконец, осознали, что ворота захвачены и предприняли шаг, который от них Пожарский и ожидал, они по стене справа от ворот пустили десяток с копьями. Лучники положили всех за минуту. Три залпа сделала пятёрка, что расположилась за баррикадой наспех сложенной из жаровен и лафета одной пушки. Всё, ещё минус десять. Ну, теперь будет атака всеми силами по фронту. Нет, не будет? Шведский офицер оказался умнее, он построил два десятка мушкетёров напортив ворот, и решил устроить перестрелку. Один десятков встал на колено, второй расположился над ним позади. Дети.

Десяток Пырьева оказался проворнее и искуснее, они сделали два залпа, и шведов осталось всего двое, Пётр ещё до начала операции всем строго наказал не трогать офицеров по возможности. Вот офицер с единственным уцелевшим мушкетёром и ретировались, не успев сделать ни одного выстрела. Ну, теперь-то должна последовать атака всеми

силами.

Атаки не было, грохнуло пару выстрелов из-за угла. Есть у них там кто-то с нормальной головой на плечах. Пули вреда не причинили и вызвали ответный залп. Вот в этот момент в ворота и вломился отряд князя Разгильдеева. Татары, визжа, разделились на два рукава и стали охватывать двор крепости по периметру. Вот тут у шведов нервы и не выдержали, всей массой, неорганизованно, кто с копьями, кто с саблями, они ломанулись на прорыв ворот. Только навстречу неслась сотня Малинина, и стреляли сверху лучники и палили прямо в упор двадцать пять мушкетов. Всё закончилось через пять минут.

Шведы кончились. Весь двор был устлан трупами. Татары спешили и добивали раненых. Пётр с Янеком подошли к пленным. Два офицера и кто-то штатский. Янек, как и договаривались, стал орать на них по-польски, те, понятно, ничего не понимали. Тогда вступил князь со своим немецким, слава богу, один офицер мог с грехом пополам изъясняться на языке Канта и Гёте.

– Теперь это польская земля, можете убираться в Нарву и сообщить вашему командиру, что мы предлагаем вам через три дня встретиться в честном бою на поле перед крепостью. Мы не будем, как вы жалкие трусы прятаться в крепости. Вы всё равно все бабы и не умеете держать оружие в руках. От баб глупо прятаться в крепости. Их надо вылав-

ливать в поле и насиловать. Так мы и поступим с вами и первого поставим в позицию вашего командующего. Передайте этому ослу, что мы ждём его здесь через три дня, князь намеренно оскорблял неизвестного ему командира гарнизона Нарвы, чтобы точно вывел солдат в поле, а то ещё струсит.

Трёх пленных обрядили в женское платье, нашедшееся в крепости, и пинками выгнали за ворота на мороз. Ничего, Нарва на другом берегу реки, доберутся.

Событие восемьдесят девятое

Сотник Иван Малинин на своём веку успел повоевать со шведами. Полк, в котором Иван был сотником лет пять назад под Лугой, совсем не далеко от сюда, участвовал в сражении. Со стороны русских было два стрелецких полка и около тысячи ополчения с Новгорода и Пскова. Шведов тоже было примерно две тысячи, но победили шведы, русские потеряли половину, противник всего пару сотен. И вообще шведские солдаты были лучше русских. Даже не так, шведская армия была самая сильная в Европе. Вся Европа боялась этих воинов. Малинин, несмотря на два года тренировок в Вершилово до вчерашнего дня тоже боялся шведов.

Оказалось, что всё это ерунда. Они убили за два дня сто шестьдесят этих непобедимых воинов и захватили две крепости, потеряв убитым только одного своего, служилого татарина из отряда князя Баюша Разгильдеева. И четверо было ранено. Один с довольно тяжёлым ранением тоже был тата-

рин. Ему копьём распоролу правую ногу. Рана была глубокая и длинная, через всё бедро. Доктор ван дер Бодль, что всю дорогу от Вершилово был с отрядом, промыл рану спиртом, настоящим на каких-то травах, и наложил из других распаренных трав повязку. Раньше бы прижгли рану и молились, чтобы огневицы не было, сейчас не то, ну да, посмотрим, чем дело кончится.

Ещё у одного татарина было пулевое ранение, но пуля видно была на излёте, или её отрикашетило от чего, но ранение было не глубокое, пулю видно. Её достали и проделали ту же операцию, что и с первым татаринном. Ещё двое стрельцов отделались незначительными ранениями рук. Их тоже перевязали и, напоив всех четверых сонным отваром, уложили в доме, где до этого жил комендант крепости. Дом был самым тёплым, его под «госпиталь» и отвели. Очередное непонятное слово от князя Пожарского.

Все остальные на следующий день начали готовиться к настоящей битве со шведами. В Ивангороде было порядка двух десятков слуг из русских и жмуди: истопники, уборщики, конюхи и пять распутных девок – все чухонки. Так вот, один из конюхов сказал, что как-то слышал разговор коменданта с одним из офицеров, что в Нарву пришло два полка мушкетёров и сотня драгун. Весной шведы опять собираются напасть на Речь Посполитую и к границе уже подтягивают войска.

Получалось, что послезавтра сюда заявится целая армия.

Они будут разозлены и в случае поражения пощады можно не просить. Но по тому, как довольно потёр руки Пётр Дмитриевич, его это известие порадовало. Тысяча сто хорошо вооружённых и отлично подготовленных воинов, прошедших ни одну компанию, а их даже меньше двух с половиной сотен. Но вот сегодня сотник Иван Малинин уже не боялся шведов. Вчера вечером они после ужина собрались подалее от чужих ушей в одной из надвратных башен. Были только командиры: сам Пожарский, князь Баюш Разгильдеев, сотник рейтар Виктор Шварцкопф, он – сотник Малинин, воевода Вершилова Янек Заброжский, десятник лучников ногай Бебезяка и назначенный командиром возков с полевыми кухнями десятник Иван Пырьев.

Князь Пожарский обрисовал в общих чертах свой план боя с превосходящим в пять раз противником. Сотня рейтар сидит в засаде в лесу и начинает атаковать в тот момент, когда шведские драгуны начнут атаку, чтобы охватить позиции Малинина с правого фланга. Вот им в тыл и должны ударить рейтары. Одновременно с этим из другой засады, мимо которой будут проезжать шведы, во фланг их обстреляет десяток Бебезяка. Вот эти два отряда и должны покончить с драгунами противника. Их не может быть больше двух сотен. План не плохой и вполне может, удастся.

Оставшейся сотне стрельцов и двум десяткам татар нужно будет справиться с тысячей злых шведов. И зачем это князю? План Пожарского был таков, сначала большие повозки от по-

левых кухонь подъезжают к шведам на две сотни метров. На каждой повозке, а их всего двадцать будет, по одной пушке, снятой со стен Яма и Ивангорода. В Яме они захватили семь пушек, и четырнадцать оказалось в Ивангороде. Одна пушка даже лишняя. Повозки подъезжают, разворачиваются на ходу и стреляют из пушек по изготовившимся шведам картечью. Картечь летит не далеко и поэтому нужно подпустить мушкетёров поближе. После выстрела повозки на всей скорости несутся к редуту, что будет построен на пригорке рядом с крепостью. Здесь пушки снимают и устанавливают на редут. Юноши, что управляют полевыми кухнями, заряжают их и ждут команды стрелять. Заряжают опять картечью, и бить придётся почти в упор.

В это время стрельцы всей сотней ведут стрельбу из-за редута по наступающему врагу. У них сто тринадцать своих мушкетов и сто двадцать шесть удалось захватить у шведов при взятии двух крепостей. Итого двести тридцать девять мушкетов, плюс мушкет Пожарского, получается двести сорок. Значит, восемьдесят стрельцов делают по три выстрела и в это время оставшиеся заряжают мушкетов ещё на один выстрел. К этому времени шведы преодолеют расстояние до редута. Тут стреляют картечью двадцать одно орудие, а потом стрельцы кидают по две гранаты. И здесь шведы должны не выдержать и побежать. Если и опять не побегут, то им ещё нужно преодолеть сам редут и стрельцы могут успеть сделать залп из арбалетов и кинуть по паре мета-

тельных ножей. Тогда шведы должны просто кончиться.

Ни с чем подобным Малинин в своей жизни ещё не сталкивался. А если не побегут, а если не кончатся? Хотя, представив себя на месте шведов, Малинин поставил бы рубль против гривенника, что побегут. Вопросов как таковых не было. Шварцкопф только поинтересовался, что ему делать, когда он уничтожит драгун противника.

– Можете напасть на ставку и захватить знамя, только людьми не рискуйте зря, без знамени переживём, а где брать других обученных и обстрелянных рейтар, – серьёзно сказал Пожарский, но Виктор весело заржал.

– Бабы ещё нарожают, – в Вершилово это была шутка. Так издевались над теми, кто собирался воевать, понапрасну отправляя людей на убой.

Пошло это с лёгкой руки тогда ещё княжича Пожарского, но выражение и двойной смысл этой глупости народу понравился. В Вершилово всем было понятно, что для того чтобы хоть немного стать воином нужно несколько лет упорно заниматься и поучаствовать в нескольких победных компаниях. Таких обстрелянных и обученных воинов бабы точно не нарожают.

С утра стали рубить лес и строить редут.

Событие девяностое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский два дня загружал себя работой, чтобы отогнать сомнения. Эти вечные «а вдруг»

постоянно лезли в голову. Но сражение назначено, все действия подчинённых спланированы и даже один раз отрепетированы. Можно было всё бросить и спокойно уйти с добычей, но тогда всю жизнь будешь сомневаться в своих силах. Всё, прочь мысли, даёшь перед редутом заграждение из противотанковых ёжиков, только не из рельс, а из обычных деревянных жердей. Это позволит, может быть, бросить не две гранаты, а четыре. Пехоте нужно будет ещё через них карабкаться.

Утро было как по заказу. Солнышко, мороз и ветер восточный. Как раз шведам в лицо. Ветерок был приличный, даже позёмку нёс. Эти боги войны оказались предсказуемы. Шведский командующий, какой-нибудь генерал, построил пехоту в каре и погнал вверх на невысокий холм, где расположилась сотня Малинина. Понятно, что из-за редута неприятелю было не видно, сколько там войск, но Пётр специально показал отпущенным офицерам все свои силы.

От берега Наровы противник отошёл на пару сотен метров и встал. Понятно, у них там военный совет, сейчас решат кавалерию отправить в обход по правому флангу вдоль леса. Пётр специально выбрал такую позицию, чтобы между редутом и лесом было пространство. Опытный командующий обязательно захочет этим воспользоваться для удара во фланг. Для укрытия десятка Бебезяка пришлось вырубить в лесу полсотни небольших елей и воткнуть их в снег, как будто там небольшой лесок.

Заиграли трубы, и пехота пошла вперёд. Пётр дал отмашку «тачанкам», пулемётов нет, зато есть картечь. Картечи, правда, тоже ещё нет, стреляют щёбнем. Но Пётр в кузнице Ивангорода, сколько было железа, картечин понаделал. Сюрприз будет. Вozy, как на тренировке развернулись по дуге и встали метрах в трёхстах от надвигающихся шведских войск. Те даже шага не замедлили, молодцы, вот что значит дисциплина. Всё, сто метров, пора стрелять. Бабах. Как всегда залпа не получилось. Орудия жажнули вразной, но эффекта это не убавило. Первые три-четыре ряда этого дисциплинированного войска просто выкосило. Пётр, наблюдавший за действиями поваров, довольно потёр руки. Он, честно сказать, боялся, что у пацанов сдадут нервы, и они выстрелят рано. А получилось наоборот, чуть не в упор саданули. Возки стали уходить, набирая скорость, а Пётр с ужасом смотрел в подзорную трубу. У двоих видно что-то случилось с запалом и пушки не выстрелили, и вместо того, чтобы удирать вместе со всеми эти железные парни досыпали порох в затравку. Бабах. Получилось даже лучше, чем он рассчитывал. Шведам потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя и начать движение вновь, а тут как раз подоспели эти два выстрела. И лучшая армия Европы снова встала. Это дало возможность тачанчикам подъехать к реду и спокойно без суеты установить пушки на отведённые места и зарядить. Молодцы эти двое припозднившихся, железные нервы у пацанов. Нужно будет их обязательно наградить.

Прошло ещё минут десять, прежде чем каре продолжило движение. Только трубы играли так же ретиво, а мушкетёры шли медленно и с опаской. В отличие от противника князь Пожарский точно знал до куда долетит пуля, оставаясь смертельной для человека. Шведы же забоялись и встали раньше. Они как на параде бабахнули из своих мушкетов и зря потратили пули и порох, лишь несколько пуль долетело до редута и ударило по деревьям.

– Целься, – шведы прошли отмеченную на поле кустом черту, – Огонь!

Три залпа один за другим почти без перерыва. Вот и пусть гадают. Как такое возможно. Пока перезаряжали мушкеты, дым отнесло ветром на шведов и оказалось, что те снова встали. Это позволило выстрелить ещё не один раз, а все три. Ну, вот, ребята, а вы боялись. От тысячи хорошо, если половина осталась.

Опять встали. Это сколько же можно подарки делать. Ага, вот и конница. Как и ожидали примерно пару сотен. Давайте ждём. Труба надрывалась и мушкетёры, сделав очередной бесполезный залп, снова пошли вперёд. Пора.

– Пушки, пли.

На этот раз жахнули все двадцать одно орудия и даже на залп похоже. Всё заволкло дымом. Хорошо ветер в нужную сторону. Идут! А ведь мы успели зарядить мушкеты, вся сотня.

– Мушкеты, пли.

Опять дым, не видно, что там, у Бебезяка со Шварцкопфом.

– Арбалеты готовы.

Наконец дым сносит. А конницы-то у шведов больше нет. Кони есть, а конницы нет. Лучники последних добивают, Виктор развернул рейтар и спешит за знаменем. Опомнились. Играют отступление.

– Арбалеты, пли.

Это уже не отступление, это бегство. Уже и гранатами не достать.

– Баюш, твоя очередь! Вперёд.

Стоящие за редутом татары с гиканьем пустили коней вскачь, догоняя бегущих и нещадно их истребляя. Эх, если бы татар чуть побольше. Меж тем у ставки шведского генерала, тоже шла рубка, гвардейцы или кто там остались в запасе, попытались организовать кольцо вокруг командующего, но отступающие свои же смяли его и теперь отступали все, а сто с лишним конников Петра рубили их в капусту. Лишь нескольким человекам удалось добраться до прикрытия своей крепости. С того берега бабахнула крепостная артиллерия и Шварцкопф, прекратив погоню, повёл людей назад.

Это была не победа. Это был полный разгром. Они только что уничтожили больше тысячи лучших воинов Европы.

Событие девяносто первое

Виктор Шварцкопф сегодня со своей сотней был в арьергарде. Огромный обоз шёл от Пскова к Торжку. Всё задуманное князем Пожарским удалось как нельзя лучше. Особенно эффектно прошла последняя часть. Они столь малыми силами разбили в пух и прах хвалёных шведов. Виктор лично захватил два знамени полков и знамя генерала Олофсона. Жаль самого генерала не удалось захватить живым. В плен попала всякая мелюзга. Их допросили, узнали, с кем воевали, и отпустили, вручив на прощанье польский флаг и предупредив, чтобы обязательно доставили его в Нарву, а то имеющийся при войске ляхов колдун (им показали Бебезяка) покарает их бесплодием. Ногаец заржал, как конь, и трижды плюнул в несчастных. Шведы с развивающимся польским флагом бежали через реку сломя голову.

Посчитали потери. Из стрельцов даже не ранили никого. У Шварцкопфа погибло пятеро, и трое было ранено. У Разгильдеева двое убитых и трое раненых. Вот и все потери. А они уничтожили тысячу с гаком шведов. Два полка мушкетёров и рота драгун полегли на поле возле крепости Ивангород. Весь следующий день ловили коней и собирали трофеи. Фуражиры объехали все окрестности и насобирали два десятка саней с упряжью. Князь рассчитался с крестьянами серебром и те легко расстались с санями. В это время все татары и стрельцы раздевали убитых и сваливали их в кучи.

Уже когда караван тронулся по направлению к Пскову,

от шведов прискакал парламентёр, и спросил, какие будут требования у победителей.

Янек по-польски написал на листе бумаги: «Повесить Густава Адольфа» и торжественно предал это письмо офицеру, с ужасом разглядывающего сваленные в несколько гор трупы соотечественников.

Они собрали больше тысячи мушкетов и четыре сотни пистолей. Поймали сто с лишним настоящих кавалерийских лошадей. Саней не хватило и пришлось делать волокуши. На прощанье князь, как и в прошлом замке, заложил в трубу дома коменданта бочонок с порохом. «Сюрприз будет». Бедные шведы.

И вот теперь они уже вторую неделю пробиваются в снегу от Пскова к Торжку. Волокуши давно заменили на купленные по дороге возки, но всё равно двигались медленно, февраль напомнил о себе метелями. На привалах князь Пожарский сетовал, что не успеет до вскрытия рек в Вершилово. Ему ведь надо людей в Миасс отправлять. Переселенцы, что вышли на несколько дней раньше, так на эти несколько дней и опережают отряд. Их на ямах запоминают. Крестьяне рассчитываются за корма для лошадей и еду неизвестными серебряными монетами.

А Виктор всю дорогу прокручивал в голове последнее сражение. Они не сделали ничего необычного и такой огромный успех. Правильно он согласился послужить пять лет этому юноше. Из него выйдет великий полководец. Хвалёный

Валленштейн и мизинца Пожарского не стоит. Скорее бы и правда, домой в Вершилово. Там жена и уже, наверное, сын или дочь. Сына он точно назовёт Петром.